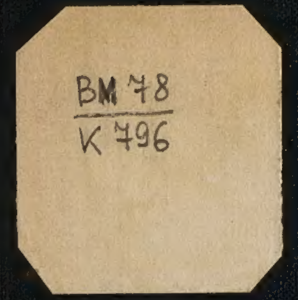

BM 78
K 796

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. А. КОТЛЯРЕВСКИЙ

АВСТРО-ВЕНГРИЯ В ГОДЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1922 г.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

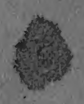
С. А. КОТЛЯРЕВСКИЙ

АВСТРО-ВЕНГРИЯ В ГОДЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Гиз. № 1877. В. В. Р. С. № 129. Тир. 5000.
Р. В. Ц. № 58. 27-я тип. М. Г. С. Н. Х. Москва.

Вступление.

Австро-Венгерская монархия в последние времена своего существования представляла ряд разительных контрастов. С одной стороны—монарх, окруженный двором, с его вековыми традициями, с беспощадным этикетом, властвующими над людьми в самые интимные минуты их жизни и даже в минуты их смерти, этикетом, вывезенным из суровой Испании и тщательно сохраненным на берегах Дуная. Пусть император австрийский и король венгерский в реальной политический жизни оказался связан конституционными учреждениями и гарантиями, пускай, особенно в Венгрии, власть его была существенно умалена парламентом, стойким в защите своих государственных прав, все же он оставался апостолическим императором, достоинство которого в глазах окружающих его людей не может меняться в угоду политическим веяниям века. Австрийская монархия была запечатлена неизменностью и неподвижностью, а между тем Австрийское государство было совсем не закончено, в нем происходил постоянный процесс с внешнего приспособления к внутренней переработке. Шла упорная борьба между национальностями, живущими в пределах этого государства, и никто не мог предсказать, чем она кончится. Ясно было одно: современные формы государственного строя жизни не обеспечивают хотя бы того кажущегося равновесия, которое мы видим в других государствах—они должны уступить место каким-то другим; и ответственные руководители-политики государства, и простые ее наблюдатели чувствовали, что оно обречено на коренные изменения, совершатся ли они путем более или менее медленной эволюции или путем внезапного революционного разрыва с прошлым.

В России и с военной и политической точки зрения интересовались главным образом Германией, ее подготовкой и ролью во время войны; между тем Австро-Венгрия с этой стороны

заслуживает особого внимания. Между старой Австрией и старой Россией были несомненные черты сходства. Для Австрии русский фронт занимал гораздо большее место в создании ее военно-политической деятельности, чем для Германии, у которой главным фронтом в конце-концов явился западный, где и решена была участь кампании. Самые стратегические идеи австрийского генерального штаба, столь осложняемые несовершенством военного аппарата, с помощью которого они должны были воплощаться в жизнь, для нас заслуживают не меньше внимания, чем германская стратегия. Поэтому, когда настанет время для написания русскими исследователями систематической европейской войны, то Австро-Венгрия должна занять в этой истории весьма большое место, хотя она заслоняется блестящими военными успехами, выпавшими на долю ее более сильной союзницы.

Уже в настоящее время, однако, мы обладаем интересным материалом, позволяющим нам судить о роли Австро-Венгрии в эпоху войны. У нас есть прежде всего книга Чернина (Sm. Weltkriege) — ответственного руководителя внешней политики двуединой монархии с конца 1916 года по весну 1918 года. Это не история войны, а ряд характеристик, отдельных личностей и событий, но вместе с тем характеристика и общего смысла отдельных актов великой исторической драмы. Книга Чернина увлекательна широтою кругозора ее автора, для которого судьбы родной страны развертывались неумолим роковым путем, он не из тех наблюдателей, которые прежде всего здесь ищут правых и виноватых. Его глубокое беспристрастие как-то, неожиданно видеть в государственном деятеле такого недавнего прошлого.

Менее всего он склонен закрывать глаза на военные, политические и даже духовные недочеты Австро-Венгрии, изображая империализм и неугасимую жажду мести союзников, проявившихся в Версальском и Жерменском мире. Он в то же время нисколько не хочет умалять значение германского милитаризма и непомерных требований, предъявляемых германской военной средой. Он готов отдать справедливость первым шагам Вильсона, которые теоретически могли дать Европе прочный мир. В его глазах Людендорф и Фош люди одного облика. Все это обобщается в книге Чернина и несмотря на ее известный философский субъективизм, несмотря на то, что здесь даются отдельные яркие облики, они развертываются в цельную панораму войны.

Книга Крамона „Австро-Венгрия наша союзница на войне" („Unser oesterreich ungarischer Bundesgenosse im Weltkriege") носит более систематический характер. Автор ее долгое время был начальником австрийской секции в германском генеральном

штабе и поэтому хорошо знаком с военными условиями и подготовкой Австрии. Он принял участие в 1914 году в военных действиях в Люксембурге и Бельгии и в рядах VIII германского корпуса сражался на Марне. Затем в начале 1915 года он сделан был преемником известного военного писателя Фрейтага Лойрингофа в качестве уполномоченного германского верховного командования при австрийской ставке, в каковом положении оставался до самого конца войны. Его книга замечательно содержательна и при своем небольшом объеме,—в ней всего 200 страниц,—представляет из себя настоящий сжатый очерк истории Австро-Венгрии во время войны.

Положение его, как очевидца и участника, постоянно соприкасавшегося со всеми главными лицами военного и политического мира и в то же время человека, имевшего на себе прямую ответственность за события, происходившие в Австро-Венгрии, делает его впечатление особенно ценными: он в достаточной мере беспристрастен к австрийцам.

Зная все слабости и недочеты союзников Германии, он, однако, подобно многим своим соотечественникам не склонен изображать Австро-Венгрию лишь как мертвый груз, висевший на Германии и тянувший ее ко дну. Не скрывает он и многих ошибок, совершенных германскими властями по отношению австрийских. Сосредоточиваясь прежде всего на военной стороне дела, он, однако, уделяет должное внимание и политическим обстоятельствам эпохи, к которым он внимательно присматривался и о военном значении коих осведомлял германское командование.

Книга генерала Крауса „Причины нашего поражения“ („Die Ursachen unserer Niederlage“), интересна нам прежде всего, как произведение представителя австрийского командного состава. Краус при начале войны назначен был командующим 22 пехотной дивизией, которая стояла на Саве, и принял деятельное участие в сербской кампании, затем состоял начальником штаба при эрцгерцоге Евгении, который командовал всеми австрийскими силами на Балканах, а в июле 1915 года вместе с эрцгерцогом перешел на итальянский фронт, опять в качестве начальника штаба. По поручению императора Карла в 1917 г., Краус обследовал продовольственное положение в Галиции и Венгрии, затем стал командиром I корпуса, стоящего на Венгерской границе Буковины, и позднее командующим 7 армией. Далее опять очутился на итальянском фронте во главе группы, поставленной у Флича; группа, которая имела самостоятельность и непосредственно подчинена была юго-западному фронту; здесь под руководством Крауса произведен был Флический прорыв—одно из самых блестящих дел австрийской армии. Последний период войны Краус провел на Украине в

качестве командующего 2 армии, облеченного при этом широкими полномочиями не только военными, но и гражданскими. Краус дает очень много ценного конкретного материала, хотя ему часто мешает предвзятость.

Он человек партийный, близкий австрийским всенемцам, и, повидимому, стоял на точке зрения присоединения Австрии к Германии.

По духу он близок к тому, что Чернин называет германским милитаризмом; его сочувствие на стороне Людендорфа, а в самом Чернине он усматривает одного из главных виновников поражения. Нужна была неуклонная решимость и воля в победе, а не жалкая уступчивость перед лицом неумолимого врага, единство политического и военного руководства: для Крауса еще в большой степени, чем для Крамона война и политики связаны; для Крауса в полной мере действует афоризм Клаузевица: „Война есть продолжение политики только другими средствами“.

Очень много, конечно, дают для нашей темы труды Людендорфа, Гинденбурга, Тирпица и других представителейгерманского военного мира, которые естественно должны были уделять большое внимание ближайшей и важнейшей союзнице, которую имела Германия. Существенны и работы авторов, принимавших участие в правительственной жизни Германии—и прежде всего замечательная по широте исторического захвата трехтомная книга Гельфериха.

I. Перед войной.

С катастрофической внезапностью разразилась война над Европой в душные июльские дни 1914 года, но ожидали ее задолго, ожидали ее и в Австро-Венгрии. Сильное впечатление в свое время произвела речь, произнесенная графом Берхтольдом, министром иностранных дел Австро-Венгерской деятельности в конце 1913 года: никогда, по его словам, небосклон Австро-Венгерской монархии не был покрыт более густыми тучами; и этот голос не был одиноким. Чернин рассказывает, что незадолго перед войной он виделся в Константинополе с тамошним австрийским послом Паллавичини—с глубоким стариком, который много лет провел на этом посту, имел за собой огромный дипломатический опыт и лучше кого-либо знал положение на Ближнем Востоке. Он был убежден, что дело быстро идет к войне обще-европейской, в частности к войне Австро-Венгрии и России; последнюю можно избежать только, если Австро-Венгрия откажется от своего влияния на Балканах—в частности о политики в духе Эренталя—и предоставит там России полную

свободу действий. Это значило, конечно. отказаться от роли великой державы, но эта жертва неизбежна. Чернин передал этот разговор австрийскому наследнику Францу-Фердинанду, на которого он произвел сильное впечатление и который должен был по этому поводу говорить с императором.

И в кругу тех австрийских империалистов, которые хотели, наоборот, самой активной политики на Балканах, тоже господствовало настроение тревоги. Австрия стоит перед решительным боем, и она должна быть вооружена до зубов. Военный писатель, скрывавший свое имя под псевдонимом Касандера, обращался к своим соотечественникам с таким призывом: „Вооружайтесь, вооружайтесь. Вооружайтесь для решительного боя. Балканы мы должны приобресть. Нет другого средства для того, чтобы остаться великой державой. Для нас дело идет о существовании государства, об избежании экономического краха, который, несомненно, повлечет за собой распадение монархии. Для нас дело идет о том, быть или не быть. Наше тяжкое экономическое положение может быть улучшено только тогда, когда мы приобретем Балканы, как исключительную, нам принадлежащую колонию, для сбыта нашего промышленного перепроизводства, вывоза излишка населения и нашего духовного перепроизводства.

Вооружайтесь, вооружайтесь. Приносите деньги лопатами и шапками, отдавайте последний грош, сплавляйте кубки и серебро, отдавайте золото и драгоценные камни на железо. Предоставляйте ваши последние силы на вооружение неслыханное, какого еще свет не видел, ибо дело идет о последнем решительном бое великой монархии. Дайте ружье в руки отрока и вооружайте старца. Вооружайтесь беспрестанно и лихорадочно, вооружайтесь днем и ночью, чтобы быть готовыми, когда настанет день решения. Иначе дни Австрии сочтены“.

Сознание надвигающегося кризиса определялось не только страхом за военные возможности Австрии. Оно вытекало из общего положения двуединой монархии, прежде всего из положения несомненно слабейшей ее половины—Австрии. Прошло почти пятьдесят лет с создания и Австро-Венгрии, но Австрия оставалась собранием разноплеменных областей, не соединившихся в государственном органическом единстве. Классовая борьба переплеталась и осложнялась борьбой национальной. Кризис не разрешался ни политикой централизма и утверждения господствующей роли немецкой национальности ни политикой компромисса с другими национальностями.

Большие надежды возлагались на реформу, введшую в Австрии накануне 1907 года всеобщее избирательное право. Вспоминали о Бисмарке, который путем всеобщего избирательного права так ослабил ее паратизм отдельных немецких го-

сударств и укрепил единство северо-германского союза, из которого вышла современная Германия. Надежды не оправдались, в австрийском парламенте продолжалась обструкция австрийских партий, парламентское большинство оставалось совершенно неустойчиво, и правительство попрежнему находило повод прибегать к § 14 конституционного закона 1867 г., дававшего ему право издавать без парламента законодательные акты в случае его роспуска и в случае неотложности. Неработоспособным оказывался парламент, оказывались и местные сеймы. Почти накануне войны из-за обструкции приостановилась деятельность Богемского сейма, где немецкое меньшинство боролось с чешским большинством. В июле 1913 года правительство распустило сейм, не объявило новых выборов, а учредило комиссию с широкими правами из назначенных лиц, которая должна была управлять страной, взимать старые налоги и вводить новые. Правительство ссылалось на невозможное финансовое и хозяйственное положение Богемии, но в глазах чешских партий это был новый акт немецкого насилия. Он чрезвычайно обострил положение Богемии перед войной. Несколько лет не собирался сейм в Тироли из-за борьбы немцев с словинцам. В Галиции было достигнуто соглашение между поляками и украинцами об избирательном сейме, но выборы 1912 года там не дали достаточно устойчивого большинства; в сейме усилились польские шовинистические элементы и борьба пошла с новым ожесточением: всякая уступка из Вены в пользу поляков принималась украинцами за вызов и обратно. Нельзя было говорить об угнетении австрийских национальностей в смысле стеснений их культурной жизни; но, несомненно, эти национальности чувствовали свои притязания неудовлетворенными в рамках существующего государственного порядка.

И самих австрийских немцев нельзя было считать носителями государственной австрийской идеи. Признание их в качестве господствующей национальности должно было приводить к мысли об объединении их с зарубежными собратьями. Самостоятельность существования Австрии требовала не господства одной народности, а какого-то длительного соглашения народностей. Иначе нужно было бы признать, что немецкая часть Австрии должна рано или поздно соединиться с Германией. Так думали австрийские пангерманисты типа Шенерара и Вольфа, но их положение было фальшиво. Они оказывались такими же врагами существующего порядка, как и непокорные славяне, а Германия, к которой они стремились, относилась к ним почти враждебно. Не только германское правительство, но и те круги, которые всего более стояли за активную политику и полное объединение Германии, нисколько

не поощряли австрийскую ирреденту. Они опасались, что присоединение Австрии нарушило бы все строение современной империи: оно ослабило бы господствующее положение Пруссии, усилило бы католический юг за счет протестантского севера и таким образом подорвало бы основы самого единства, как оно было создано в эпоху Бисмарка. А южная католическая Германия гораздо менее стояла за такую крепкую централизацию вообще. Поэтому австрийские всегерманцы последовательно хотели отделиться от Рима и превратить Австрию в протестантскую страну. Но то, что невозможно было сделать в эпоху религиозных войн, то оказывалось неосуществимым и в 20-м столетии. Как раз Австрия перед войной, именно немецкая Австрия, едва ли не больше, чем какая-либо европейская страна, находилась под властью католической церкви и клерикализма, в борьбе против которых впереди шла австрийская социал-демократия. Но эта социал-демократия была как нельзя более далека от идеалов Шенерара. И в хозяйственном смысле присоединение немецкой Австрии вовсе не улыбалось Германии: для нее достаточно было в лучшем случае заключить таможенный союз. Таким образом оказывалось, что самостоятельное государственное бытие Австрии неминуемо требует движения в сторону федерализма и сведение немцев на роль лишь одной из национальностей в монархии.

Но здесь стояли огромные непреодолимые препятствия. Они лежали более всего в Австро-Венгерском дуализме. В сущности говоря, в 1867 году, когда впервые две половины Габсбургской монархии заключили соглашение, Венгрия одержала решительную победу. Она осталась самостоятельным государством, связанным с Австрией лишь в форме реальной унии. Венгерские конституционные законы с крайней подозрительностью и недоверчивостью предупреждают всякую тень зависимости от Австрии; в каждой строке они готовы напоминать, что Венгрия является ее равноправной половиной. Но соединение с Австрией приобщает ее к великодержавному государству. Она может использовать политические, военные и даже финансовые ресурсы Австрии для своих венгерских целей. Опыт почти полувекового сожительства показал, что Венгрия является безусловно сильнейшей стороной: все соглашения о совместных расходах, заключенные после 1867 года, безусловно благоприятны для нее. Правда, эта мощь старой Венгрии сама покоится на основах, которые подтачиваются временем. Она покоится на грубом и энергическом национализме, подавляющем и румын, и хорватов, и словаков. Она связана с наличностью социального строя, в котором первенствующее значение еще сохраняют крупные землевладельцы, в котором даже городская буржуазия еще не получила признания своего поли-

тического права в том размере, в каком она его имела хотя бы в Австрии, не говоря уже, о Германии, в которой рабочий класс и крестьянская масса испытывают на себе весь гнет этой горделивой магнатской олигархии. Но до поры до времени правительство Тиссы, которое железной рукой подавляет всякую даже чисто парламентскую оппозицию и не останавливается перед вводом в парламент военных частей, хранит внешний порядок, импонирующий в Вене.

В особенности перевес Венгрии чувствуется именно во внешней политике. Австро-венгерский министр иностранных дел формально ответственен перед делегациями, которые являются представительствами, как австрийского, так и венгерского перламента. Но политический вес венгерского парламента стоит значительно выше и он гораздо более ограничивает власть своего короля, чем австрийский рейхсрат своего императора. Венгерская половина делегации уже по своему национальному составу гораздо более сплочена и с нею прежде всего приходится считаться министру иностранных дел: Будапешт для него часто важнее Вены. Внешняя политика Венгрии же определяется прежде всего интересами ее правящих аграрных групп. Они отстаивют систему энергического аграрного протекционизма. Ониа поддерживают в этом смысле таможенную стену, разделяющую Венгрию от Балканских государств, конкуренция которых может быть для них опасна,—от Сербии и Румынии. В особенности Сербия совершенно подавлена этой политикой, которая угрожает ей полным разорением, поскольку она не найдет выхода к морю и другого пути для сбыта продуктов своего земледелия и своего скотоводства. Долгое время кажется, что от сербов можно добиться всего, закрывая для сербского скота венгерскую границу. С другой стороны, и мадьярский национализм не мирится ни с какими уступками в пользу сербов и румын, живущих в пределах королевства. Хорватия формально пользуется автономией. но в действительности очень далека от текста закона 1868 года. Трансильванские румыны остаются бесправными не только в смысле какой-либо автономии, но и в смысле удовлетворения своих культурных потребностей. Некогда Бисмарк высказывался, что Австрия может, отказавшись от Галиции, получить Сербию и Румынию, которые взойдут в ее состав в качестве несамостоятельных государств, как входят в Германскую империю Бавария, Вюртемберг и т. д. Но всякие такие преобразования были невозможны уже из-за положения, занятого Венгрией.

Это особенно сказалось после второй Балканской войны. Исход ее был чрезвычайно неблагоприятен для Австро-Венгрии. С одной стороны, из нее выходила территориально расширенной и усилинной Сербия, в которой Австро-Венгрия видела

свою главную противницу на Балканах. Сербские победы оставили глубокое впечатление не только в Боснии и Герцоговине, но и в Хорватии; идея великой Сербии, объединенной правлением династии Карагеоргиевичей, проникла в Загреб. Наиболее экспансивные сербские публицисты открыто говорили, что Бухарестский мир является только этапом: дальнейшим шагом должно быть присоединение Боснии и Герцоговины. Сербское правительство *Пашича* открещивалось от таких заявлений, но в Вене были уверены, что оно организует и поддерживает широкую пропаганду в сербско-хорватских частях двуединой монархии. Притом чрезвычайно укрепилось близость между Сербией и Россией, которая одну минуту была поколеблена, когда сербы полагали, что Россия слишком принимает к сердцу интерессы болгар. Известно было огромное, можно сказать, влияние, которым пользовался русский посланник в Белграде Гартвиг на сербские политические и военные круги; известна была и его вражда к Австрии.

Австро-Венгрия могла бы противопоставить этой сербской солидарности свое старое соглашение с Румынией, но Бухарестский мир прежде всего очень укрепил солидарность Сербии и Румынии, связанных территориальными захватами у Болгарии. Далее Румыния, которая получила карт-бланш у России выступить против Болгарии, имела основание быть ей признательной. Главное же, в Бухаресте господствовало сильнейшее раздражение против Австрии. Именно она защищала Болгарию во время второй Балканской войны и ее ликвидации. Здесь опять сказалось, повидимому, влияние Тиссы: он хотел с 1913 г. поставить ставку на Болгарию, и карта оказалась битой. Если прежде Румыния считала, что она должна искать Бессарабию, то теперь ее взоры направлялись в Трансильванию. Прежде и румынская пресса особенно охотно изображала угнетенное положение бессарабских молдаван; теперь она считает, что главный враг румынской национальности—беспощадный мадьярский национализм. Военная конвенция между Австрией и Румынией оставалась не отмененной, но ясно было, что она значит немного больше, чем мертвая буква. Вставала перспектива войны, при которой против Австрии оказались бы Россия, Румыния и Сербия, т.-е. границы с враждебными странами составляли значительно больше половины ее общей государственной сухопутной границы. Опасность, которая никоим образом не уравновешивалась возможным участием столь ослабленной Болгарии на стороне Австрии. Но и теперь венгерское правительство упорно отказывалось сделать какие-либо шаги к примирению в смысле изменения режима в Трансильвании.

Правда, внешнее положение Австро-Венгрии имело одну мощную опору—союз с Германией. Именно с Германией, а не тройственный союз, ибо невозможность рассчитывать на Италию сознавалась австрийскими государственными деятелями.

Известны были серьезные разногласия между обоими государствами в 1913 году по поводу отношения к Сербии и Албании. Но Германия доказала свою верность, поддержавши Австро-Венгрию в 1909 году после аннексии Боснии и Герцоговины и нанесла таким образом дипломатическое поражение России. Это воспоминание несколько омрачилось гораздо большею сдержанной позицией, которую заняла Германия в 1913 г., в особенности в эпоху второй Балканской войны. Тогда она решительно не поощрила агрессивных замыслов против Сербии и стала скорее на сторону Румынии и Греции, чем Болгарии. Летом 1913 года и в немецкой прессе и в рейхстаге указывалось, что Германия не может итти на войну ради тех планов, которые создаст Австрия на Балканах. Зимою 1913—1914 года граф Берхтольд отзывался вообще довольно сдержанно об этой германской помощи, особенно тревожили в Вене слухи, что в России существует влиятельная партия, имеющая сторонников и при дворе, и в высшем командном составе, и в правительственных кругах, которая отстаивала сближение с Германией, но решительно враждебна Австрии и даже питает мысль о разделе этой последней. Считалось, что эта мысль не чужда даже Сухомлинову. Усердным сторонником такого плана считался и Гартвиг, которого австрийское министерство иностранных дел вообще чрезвычайно опасалось и едва ли здесь оно было не право.

Таким образом на помощь Германии можно было рассчитывать только с существенными оговорками. Австрийская активная политика на Балканах должна была все время опираться на одобрение ее более сильной союзницы. Она была связана с Германией в гораздо большей мере, чем это было в конце 19 и начале 20 века. Когда Голуховский в 1903 году заключил известное Мюрцштедтское соглашение с Россией, он несомненно хотел создать для Австрии известный простор на Балканах и несколько освободить от исключительной зависимости от Германии. Немецкие шовинисты сильно на него нападали и корили его польским происхождением. Во Франции зарождается мысль даже о возможности оторвать Австро-Венгрию от Германии — мысль, которую так пропагандировал Шерадам. Но эти поколебленные отношения были совершенно восстановлены твердой рукой Эренталя. Он был инициатором поворота австрийской политики на Балканах и выступил с известным предложением о постройке Санджакской железной дороги через Боснию и старую Сербию, а затем после турецкой

революции провел аннексию Боснии и Герцоговины. Мюрцштедтское соглашение было порвано; в России началась кампания против Австрии. Последняя должна была крепко держаться за Германию, и министерство Эренталя явилось символом прочности союза. Австрия могла теперь позволить себе более деятельную политику на Балканах, но ценою подчинения Германии. Характерно, что в 1908 году, когда прусский ландтаг принял закон о принудительном отчуждении польских земель, польский клуб хотел воздействовать на министерство иностранных дел, но встретил решительный отпор. Теснейшая близость Германии по Эренталю являлась жизненной необходимостью для Австро-Венгрии и недопустимо было все, что могло бы ее поколебать.

Это подчинение Германии имело одну весьма опасную сторону. Международная атмосфера заметно насыщалась электричеством. Попытки соглашения между Англией и Германией оказались не осуществимы, в особенности характерна была неудача переговоров о взаимном ограничении военного судостроительства. Справедливо или несправедливо в столь различных странах, которые впоследствии образовали противогерманскую коалицию, выставлялся виною всего германский ненасытный милитаризм. В Германии не только ослепленные шовинисты говорили о неудержимом росте страны и неудержимом стремлении немецкого народа расширить свою территорию, о его миссии облагодетельствовать германской культурой весь мир. Постоянно изображалось колоссальное развитие немецкой промышленности и торговли. Конечно, не эта агрессивная психология создавала военную опасность, но она ее безмерно увеличила. И Австро-Венгрия должна была считаться с тем, что если эта война вспыхнет по причинам, которые совершенно чужды австрийским интересам, ей придется принять участие. Если Германия окажется побежденной, то достанется и на долю Австрии обычная роль слабейшей страны платить за все убытки. Мысль об опасности союза с Германией мелькала, повидимому, даже иногда у Берхтольда, но уйти от этого союза Австрия уже не могла или она должна была следовать совету Паллавичини и отказаться вообще от роли великой державы.

Насколько приготовлена была Австро-Венгрия в военном смысле? Не одни германские военные писатели указывают на глубокие недочеты этой подготовки, Краус тоже считает ее далеко неудовлетворительной. Прежде всего совершенно недостаточно использовались народные силы: „только одна часть, годных к военной службе должна была нести на себе всю тяжесть налога крови“. Не было ничего подобного тому призыву всех годных, которое имело место во Франции и введено

было за несколько лет до войны даже в Бельгии. Ежегодный военный контингент был безусловно недостаточный. Краус склонен это объяснять условиями внутренне-политическими. Цифра этого контингента должна была определяться австрийским и венгерским парламентами. Если по отношению к первому можно было воспользоваться 14 парагр. и провести набор помимо него, то подобного оружия против сопротивления венгров в руках правительства не имелось. Правда, Краус не сопровождает этих соображений цифровыми данными. Несомненно, что рост вооружений, так пошедший в гору после балканских войн, отразился и на Австрии. В сентябре 1913 года австро-венгерский министр Кробатин внес законопроект относительно увеличения состава австро-венгерской армии. Численность контингента мирного времени увеличена на 34 тыс. для действующей армии, 10 тыс. для ландвера и 10 тыс. для гонведа. Общая численность контингента составляет 262 тыс., при чем 159 тыс. от Австрии и 103 тыс. от Венгрии.

Но эти цифры кажутся не очень значительны при 50-миллионном населении Австро-Венгрии и при том огромном увеличении, которое происходит в других европейских державах. Франция перешла к трехлетней военной службе, при которой штатный состав армии в мирное время приблизительно в 560 тыс. возрастал до 780 тыс. Военные законы 1913 года в Германии приводили к тому, что ее армия, насчитывавшая в мирное время в 1910 году около 600 тыс., к весне 1914 года должна была доходить до 866 тыс. Наконец, Россия после принятия военной программы 1914 года должна была накануне войны иметь 1400000 на мирном положении. По данным, опубликованным в Известиях николаевской академии, в начале войны число военно-обученных, которое может быть выставлено Россией под знамена—7.668.000, Германией—5.252.000, Францией—4.838,000 и Австро-Венгрией—только 2.243.000. Таким образом из этих 4 стран личные силы были использованы в Австрии относительно слабее, чем в других государствах. Действительная военная служба была слишком коротка, Краус указывает здесь на парламентские трудности. Начальник генерального штаба был всецело подчинен военному министру, который должен был добавить согласие делегаций и парламентов, и который во имя политических соображений часто делал недопустимые уступки. Право начальника генерального штаба непосредственно обращаться к императору ничего здесь не изменяло. Это положение лица, несущего ответственность за подготовку вооруженных сил государства и лишенного возможности отстаивать здесь непосредственно необходимые для этого условия, было изображено в книге Новака, наделавшей много шуму: „Путь к катастрофе“. Особенно здесь освещалась

пагубная деятельность военного министра Шенайха, который, ничего не говоря начальнику штаба, просто вычеркивал ряд его самых существенных предложений, лишь бы не ссориться с партиями.

Естественно это сказывалось и на военном снабжении. Оно было совершенно неудовлетворительно количеством и качеством. В особенности чувствовался недостаток в артиллерии. Правда, на нее обращено большое внимание в самые последние годы перед войной. Широкое применение получают гаубицы: каждой пехотной дивизии придается полевая артиллерийская бригада из 2 полков, вооруженных один скорострельными пушками, а другой гаубицами (за исключением некоторых корпусов). Но все же артиллерийское снабжение недостаточно: Австрия при начале войны может выставить только 344 батареи полевой артиллерии и 28 батарей тяжелой (Россия 543 и 98, Франция 675 и 40, Германия 635 и 120). Краус указывает, насколько этот недостаток артиллерии чувствовался даже по отношению к Сербии. Конечно, особенно заметен недостаток тяжелой артиллерии. Запас снарядов, скопленный перед войной, не превышает в среднем 500 на одно орудие, т.-е. Австро-Венгрия придерживается нормы, которую Россия имела до Русско-Японской войны. У нас запас снарядов был более, чем в два раза больше и все же очень быстро сказался снарядный голод. Качество австрийской артиллерии не могло стоять наравне с артиллерией других стран уже потому, что она в своей массе была бронзовая, а не стальная. Краус отказывается вести спор о достоинствах этих материалов и приводит простое соображение: все другие военные государства давно перешли к стали, нужно, чтобы и Австрия рассталась со своей бронзовой индустрией, которая составляет у ней предмет какой-то национальной гордости. Наконец, как и у нас в артиллерийском снабжении, совершенно преобладала шрапнель и был крайний недостаток в бризантных снарядах. Между тем только гранатами можно было бороться против зарывающегося в землю врага.

Краус эту артиллерийскую слабость Австрии ставит в значительной степени на счет парламентского сопротивления. Он рассказывает, как в одной из битв на Изонцо венгерские части, обстреливаемые тяжелой итальянской артиллерией, решительно требовали присылки им также тяжелых орудий, но командный состав указал им, что кредит на увеличение тяжелой артиллерии был отклонен венгерским парламентом.

Вообще несомненно австро-венгерская армия не имела достаточной подготовки как в смысле технического ее оборудования, так и в смысле надлежащего обучения. Такого обучения не могли дать маневры, несмотря на то, что они были

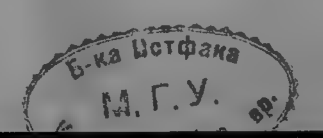
очень развиты в австро-венгерской рмии: все здесь было поставлено так, чтобы достичь кажущегося быстрого успеха, захватить важные пункты, смять врага, не обращалось вообще внимания на планомерную подготовку к бою, на правильное взаимодействие пехоты и артиллерии. Гнались за внешними эффектами, за быстротой, не щадя усилий войск, не обеспечивая условий, при которых маневры развертывались по плану командующего. Искусство маневров совершенно отрывалось от искусства действительной войны. Много было устаревшего, с другой стороны, в военно-учебной подготовке. Академии были перегружены, предметы программы были слишком разнообразны; образование слишком теоретично и в то же время поверхностно.

Но все же эти организационные и технические недостатки отступали на задний план перед самой основной причиной слабости австро-венгерской армии, которая вытекала из характера государственного строя. В этой армии так же не было единства, как и в самом этом строе: не в том смысле как могло его недоставать и германской, и другим европейским армиям при их классовом составе, но и в смысле отчуждений национальностей. Нельзя сказать, конечно, что высший военный состав вербовался только из одной национальной группы: в его рядах мы видим и немцев, и мадьяр, и чехов, и югославов, и поляков, и итальянцев. На верхах государственной жизни господствовала известная пестрота национального состава: никто не был прикреплен к своему происхождению. Политическими вождями чехов оказывались Ригер и Григер, в немецких рядах действовали Крепек и Малик, Бьянкини оказался вовсе не итальянцем, а хорватом. Даже можно сказать, что там, на верхах, образовалась какая-то межнациональная среда, которая при более здоровых условиях государственной жизни могла составить кадры подлинной австрийской государственности, но национальные массы оставались разобщенными: и их интеллегенция скорее укрепляла это разобщение, которое так и сказывалось и в армии. Немцы и чехи и здесь не забывали о том, что между ними идет многолетняя борьба, поляки и украинцы оставались двумя враждующими государствами, и в галицийском сейме и галицийской общественной деятельности:

Наконец и в народно-хозяйственном смысле Австро-Венгрия была не подготовлена. Можно сказать, что не было и не могло быть подготовлено ни одно государство, в том числе и Германия: в настоящее время это вполне явствует из немецкой литературы о войне. Но нужно брать понятие подготовленности в сравнительно относительном смысле. В благоприятных условиях Австрия оказывалась в продовольственном смысле, благодаря прежде всего

плодородию значительных частей ее территории и богатых черноземом ее галицийских равнин. Но самое распределение этого чернозема давало преобладающее значение Венгрии. Она являлась житницей двуединой монархии. Несмотря на то, что сельское хозяйство отдельных провинций Австрии стояло на высоком уровне, можно хотя бы указать на столь высокую культуру чешского землевладения,—она слишком зависела от другой половины. Это плодородие далее не сопровождалось соответственным подъемом сельско-хозяйственной техники. Венгерское сельское хозяйство носило экстенсивный характер, приближающий его к южно-русскому, и было мало приспособлено к тому, чтобы в случае необходимости поднять производство и заменить машинным трудом рабочие руки, отвлеченные на поле сражения. В промышленном отношении отдельные районы Австрии могли выдержать сравнение с Германией, но в целом техническая отсталость и какое-то отсутствие духа предприимчивости и инициативы сказывалось и здесь. Промышленная армия Австрии была менее обучена, менее квалифицирована, чем в Германии, Франции и Англии. Особенно остро стоял вопрос по снабжению этой промышленности сырьем и прежде всего топливом. Австрии нехватало собственного угля. Богатые нефтяные местонахождения в Галиции находились на окраине и всегда были под угрозой неприятельского вторжения. Главным топливным ресурсом были леса, которые покрывали склоны Альп и Карпат и которые были расположены далеко от промышленных центров. Хозяйственная жизнь Австро-Венгрии представляла из себя тоже известную дробность, расчлененность, не было единого народно-хозяйственного организма и в этой области очень чувствовался хозяйственный автономизм Австрии и Венгрии и совершенно эгоистическое направление венгерского правительства, которое и в общей хозяйственной политике стремилось сделать исключительно венгерские интересы определяющимися. Это обстоятельство таким образом сказалось во время войны.

Разобщенность отдельных частей двуединой монархии была тесно связана с недостаточным развитием ее железнодорожной сети,—недостаточном как в стратегических целях, так и смысле хозяйственных нужд. Особенно это сказывалось на юге и востоке. Железные дороги не были подчинены единому органу; они существовали раздельно в Австрии и Венгрии. В частности, в области стратегического железнодорожного строительства Венгрия часто ставила препятствия, если новая линия угрожала ее хозяйственному интересу, например, отвлекала грузы от ее главного порта Фиуме.

Из этих отдельных черт не легко сделать общее заключение: Австро-Венгрия была не подготовлена к войне, но к ней были не подготовлены и все другие государства. Важно было, что в этом смысле она отстала от них (если не считать Италии). Еще важнее, что эта недостаточная хозяйственная подготовка присоединилась ко всем недочетам и изъянам ее политического строя и ее национальных взаимоотношений и что ей приходилось вступать в войну, где численный перевес был на стороне ее противика. Он мог быть уравновешен лишь крепким единством, энергичной внутренней дисциплиной, подъемом хозяйственных и технических сил, сознанием общей опасности и общей для всех необходимости защищать государство. В противном случае Австро-Венгрия, как великая держава, была уже обречена. К этому заключению приходит и Чернин, когда он разбирает различные возможности, имевшиеся перед войной и при ее начале. Бесполезно искать виновных, ибо самые крупные ошибки были неизмеримо менее существенны, чем роковые объективные условия. Первая европейская катастрофа должна была разрушить это здание. По картинному выражению Чернина колокол, прозвучавший над телом убитого австрийского наследника Франца-Фердинанда, оказался погребальным звоном для габсбургской монархии.

II. Начало войны.

Принято думать, что толчок к войне был дан сараевским убийством австрийского наследника. Рорбах, написавший книгу о войне и германской политике в разгар военных успехов в Германии и доказывавший там, что отсрочка этой неизбежной войны была бы для Германии только вредна, почти готов приветствовать это событие. С другой стороны, при жизни Франц-Фердинанд считался представителем наступательного австрийского милитаризма. Говорили, что он только дожидается смерти престарелого императора, дабы ввергнуть Австрию в войну. Чернин в своих воспоминаниях решительно это оспаривает. Он дает замечательный психологический портрет наследника—человека с сильной волей и с сильными страстями, но в то же время с каким-то внутренним надломом, с какою-то неспособностью противиться переживаемым впечатлениям. Франц-Фердинанд был действительно горячим сторонником австрийской великой державности; во имя последней он, например, так отстаивал увеличение морских сил Австрии. Но эту великодержавность он связывал с глубоким внутренним переустройством габсбургской монархии на началах федерализма и самостоятельности ее отдельных народностей.

Он, павший жертвой сербского национализма, сам вовсе не был противником сербов: наоборот, он хотел примирения с ними, как и с Румынией. Напротив того, известна была его антипатия к мадьярам—связывали даже подобное чувство с тем, что он никак не может овладеть венгерским языком—и отрицательное отношение к господствующему дуализму. В частности Франц-Фердинанд, сблизившийся в конце жизни с императором Вильгельмом на почве попреимуществу своих сложных семейных обстоятельств, отнюдь не был сторонником того, чтобы Австро-Венгрия всегда и во всем следовала за Германией. Он не переоценивал сил Габсбургской монархии и не хотел во всяком случае ранее ее внутреннего укрепления подвергать ее великой внешней опасности. Но, если не при жизни, то при смерти он действительно оказался невольным виновником европейской катастрофы.

Как встретило австрийское правительство это убийство? Относительно этого правительства существовало мнение, особенно установившееся в Германии, что у него ничего не совершается скоро. И действительно, убийство совершилось 28 июня, а заседание австрийского совета министров имело место только 7 июля, а следующее—19 июля. Какой-нибудь бурной реакции на совершившееся преступление вовсе не было заметно. Престарелый император также весьма хладнокровно отнесся к совершившемуся событию. Придворные круги, не любившие упрямого и резкого эрцгерцога, почти злорадствовали. С другой стороны и граф Тисса—глава венгерского правительства первоначально вовсе не был сторонником мер, которые могли бы привести к этой войне. Он этой войны опасался с венгерской точки зрения: если Австро-Венгрия присоединит к себе сербские территории,—это будет усилением славянского элемента и ослаблением мадьяров. Точно так же он заранее предупреждал, что война с Сербией не может быть изолирована и приведет к войне с Россией. В конце-концов он согласился на убеждение своих австрийских коллег, но с одним условием: ни в каком случае сербская территория не будет присоединена к Австро-Венгрии, и дело в крайности ограничится своего рода карательной экспедицией.

Тем страннее появление этого рокового ультиматума, обращенного к Сербии, ультиматума, который австрийский посланник в Белграде передал 23 июля. В какой мере он является произведением только австрийской дипломатии и не находилась ли последняя под влиянием Германии? Все поведение германского правительства в последние дни июля 1914 года, самый факт, что она объявила войну России на 5 дней раньше, чем Австро-Венгрия, давали основание приписывать ей инициативу ультиматума. В воспоминаниях кн.

2*

Лихновского, германского посла в Лондоне, в которых вообще содержалось много сенсационных разоблачений по адресу Бетмана-Гольвега, говорилось, будто бы ультиматум вышел из совещания, которое 5 июля 1914 года происходило в Потсдаме под председательством германского императора с участием таких видных представителей австрийского высшего командования, как эрцгерцог Фридрих и Конрад. Гельферих в своей книге „Vorgeschichte des Krieges" подробно разбирает эту версию, которую поддерживали впоследствии в рейхстаге независимые социал-демократы, и доказывает ее неосновательность. Легенда возникла из того, что 5 июля австрийский посол передал Вильгельму письмо Франца-Иосифа относительно опасности общего положения и важности привлечь на место Румынии Болгарию. По его словам, Германия не участвовала в составлении ультиматума и о его отдельных частях даже не знала. Верно одно, германское правительство признавало, что сохранение Австро-Венгрии есть политическая необходимость Германии, что сербский национализм, проявившийся в убийстве, представляет действительную опасность для габсбургской монархии и что Германия не может отказать в поддержке своей союзнице против этой опасности. Также и Тирпиц подчеркивает, что император руководился исключительно рыцарскими чувствами по отношению к Францу-Иосифу, и считал необходимым проявить деятельно свое негодование по поводу убийства, но вовсе не хотел итти далее. Менее всего думал о войне и даже отправился в свое обычное северное путешествие. Но Бетман-Гольвег, по словам Тирпица, знал о подготовке ультиматума и действовал здесь совместно с Берхтольдом. Наконец, Чернин подчеркивает роковую здесь роль германского посла в Вене Чирского, который прямо хотел войны и всячески старался привести к разрыву Австро-Венгрию и Россию, отнюдь не связывая себя инструкциями из Берлина. Конечно, степень участия отдельных представителей германского правительства в подготовке австрийского ультиматума едва ли сейчас может быть установлена с полной точностью. Возможно, что Чирский, как говорит Чернин, вел свою личную политику и вовсе не руководился директивами Бетмана-Гольвега. Такие примеры известны из дипломатии многих европейских государств перед войной: и Гартвиг в Белграде весьма отступал от директив Сазонова. Но факт тот, что общие основания политики, воплотившейся в ультиматум, были одобрены германскимп равительством. Повидимому, и Берхтольд и Бетман-Гольвег рассчитывали на дипломатическую победу, в роде той, которую Германия и Австро-Венгрия одержали в 1909 году после аннексии Боснии и Герцеговины. А для Габсбургской монархии эта победа могла почитаться

сейчас еще более необходимой. Повидимому, далее и Бетман-Гольвег и Берхтольд не верили серьезно, что нападение на Сербию приведет к войне с Россией. А если бы такая война вспыхнула, то в Вене были слишком уверены в военной мощи Германии; немецкое же правительство тогда еще не предвидело всех последствий прежде всего вступления в нее Англии.

Как бы то ни было, в результате, таких непредусмотрительностей сербский ультиматум стал совершившимся фактом. Сейчас ошибочность его признают и такой крайний представитель германского милитаризма, как Тирпиц, и такой приверженец идеи мира, как Чернин.

Логически эта была несомненная ошибка, но психологически едва ли ее можно было избежать, если бы австрийское правительство продолжало защищать австрийскую великодержавность, как оно ее понимало. Краус представляет эту неизбежность, но в обстоятельствах возникновения ультиматума он видит проявление не силы, а слабости Австрии. Зачем было с ним ждать почти месяц, раз решились огорошить Сербию? Что касается колебаний Тиссы, в значительной степени лицемерных, они объясняются страхом не столько войны, сколько победы.

Несомненен один факт. Обращаясь к Сербии с подобным ультиматумом, Австрия принимала на себя инициативу: она оказывалась наступающей стороной. Не даром румынский коронный совет признал, что так как Австрия действовала здесь от себя, то австро-румынский союзный договор не налагает на Румынию никаких обязательств. Но еще важнее было впечатление, произведенное в странах, примыкавших к противоположной группировке держав и в странах нейтральных, даже в формально-союзной Италии. Вся пресса встретила австрийский ультиматум решительным осуждением. Одна официозная „Tribuna“ весьма сдержанно его оправдывает. Психологически это был весьма большой минус для Австрии, как таким минусом оказалось для Германии то, что она формально начала войну своим объявлением.

Краус говорит, что время было упущено и с предъявлением ультиматума и с военными действиями против сербов. Правда, австрийский посланник в Белграде через полчаса после того, как ответ сербского правительства был признан им неудовлетворительным, покинул пределы Сербии. Но войска вовсе не действовали с такой же спешностью.

Приказ о мобилизации восьми корпусов, подписанный в ночь на 26 июля и обозначающий на 28 июля первый день мобилизации, был рассчитан на то, что австрийская армия располагает свободным временем для операции против Сербии. Но

уже 1 августа была назначена всеобщая мобилизация австро-венгерской армии: австрийский генеральный штаб видел, что предстоит война с Россией. Задача, которая имелась в виду и в 1908—1909 году, когда из аннексии Боснии и Герцоговины вставал призрак войны с Сербией и может быть с Россией. Краус рассказывает, что тогда составлен был план захвата Сербии, который получил широкую огласку и о нем говорили даже офицеры в венских кафе,—факт, характерный по его словам, как показатель отсутствия дисциплины и ответственности. Он заключался в том, что одна армия направляется в Сербию из северо-восточной части Боснии через нижнюю Дрину и идет в направлении Вальево, другая—из Сирмии через Саву в том же направлении; Краус находил этот план совершенно искусственным. Столица Сербии лежит на самой границе и отделяется от австрийской территории Савой; из Белграда идут лучшие сообщения со всей страной и единственная прорезающая ее магистраль на Ниш. Все выдающиеся полководцы, которые вели войны на западных Балканах, здесь переходили через реку, хотя Белград представлял тогда из себя одну из сильнейших крепостей.

Впоследствии оказалось, что этот план был составлен графом Беком, начальником генерального штаба, и Потиореком. Он исходил из политических соображений о необходимости защищать Боснию и Герцеговину, куда прежде всего должны направиться сербы—в страну одноплеменную и естественно тяготеющую к сербскому королевству. С другой стороны, представляли себе операцию переправы через Саву и Дунай под Белградом чрезвычайно трудной. Невозможно переправляться на высокий сербский берег, занятый врагом. Краус считает это большой ошибкой, в конце-концов австрийцам пришлось совершить эту операцию, но при гораздо менее благоприятных условиях, чем какие бы они встретили в начале сербского похода, особенно если бы они шли совершенно немедленно после разрыва дипломатических сношений с Сербией. Нужно было идти в глубь Сербии по долине Моравы в направлении Крагуевеца—Кушево. Тем не менее и в 1914 году следовали в общем этому плану; 5. армия перешла Дрину и Лозу, часть 6. армии много южнее у Вышеграда, 2. армия ожидалась на подмогу.

Но главная слабость австрийского плана в 1914 году лежала в другом. В нем не было сознания, какую роль должен играть сербский театр войны и какое место должно принадлежать русским. В австрийском штабе выработаны в этом смысле были минимальная и максимальная программы. Минимальная заключалась в том, что австро-венгерская армия должна быть направлена против России: на сербский фронт отправлялись

лишь войска ландштурма, поддерживаемые немногими линейными частями: они имели чисто оборонительную задачу. Эта программа не могла быть надлежащим образом выполнена, так как на австро-сербской границе не было укреплений надлежащего рода. Напротив того, максимальная программа предполагала, что война начинается против одной Сербии, что она ведется быстрым темпом, дабы ее можно было закончить прежде, чем вмешаются другие государства, в особенности Россия.

Можно сказать, что эта программа покоилась на той же идее, как и стратегический план, выработанный для Германии графом Шлифеном: сначала бросить все силы на западный фронт, с этой целью в виду укрепленности восточной французской границы пройти через Бельгию и возможно быстро разгромить Францию, и уже потом обратиться на Россию. План Шлифена исходил из большого превосходства немецкой армии над боевыми силами, которые могла выставить Франция и из трудности и медленности русской мобилизации и сосредоточения русских войск.

Эта максимальная программа не могла быть применена в Сербии, так как Австро-Венгрия была уже через несколько дней принуждена войти в войну с Россией. Из предполагавшихся к отправке на сербский фронт трех армий, вторая была направлена в Галицию, что произошло с большой потерей времени: она была отнята у сербского фронта и, с другой стороны, опаздала к галицийским боям. Но и вообще распределение сил между сербским и русским фронтом в конце-концов не отвечало ни минимальной, ни максимальной программе. Двух армий против Сербии было недостаточно, чтобы нанести ей решительный удар, их оказывалось слишком много, чтобы вести чисто оборонительную войну.

Главной причиной здесь явилась быстрота темпа событий. Может, в момент объявления войны Сербией граф Берхтольд уже видел неизбежность того, что им придется иметь дело с Россией, но несомненно он был убежден, что это еще не вопрос дней. Правда, русский посол в Вене Шебеко 27 июля заявил, что если загорится действительно война Австрии с Сербией, то локализовать ее будет невозможно, так как Россия не склонна уступать, как это было в прежних случаях, особенно во время аннексионного кризиса 1909 года, а Сазонов в разговоре с гр. Сапари — австрийским послом — 29 июля уже прямо заявил, что русские интересы тождественны с сербскими. Однако, ясно было, что решение находится уже не в руках Австрии, а Германии. Опубликованные в настоящее время труды ответственных руководителей германской политики Бетман-Гольвега и Гельфериха утверждают, что Германия рекомендовала Австрии

достигнуть примирения с Россией. „Германское правительство, пишет Гельферих,—не ограничилось тем, что рекомендовало Австрии вообще умеренность, оно настаивало на ведении мирных переговоров с Россией, на которые изъявил свою готовность Сазонов, и оно в качестве основы этих переговоров выставило в Вене посредническое предложение, сделанное Греем“. Граф Берхтольд тотчас заявил о своей готовности прямых переговоров с русским правительством. Вечером 29 июля, когда получилось из Петербурга известие, что австрийский посол отклонил прямые переговоры, он телеграфировал германскому послу в Вене следующую инструкцию: „Мы не можем рекомендовать Австро-Венгрии вести переговоры с Сербией, с которой она находится в состоянии войны, но отказ от всякого обмена мнений с Петербургом был бы тяжкой ошибкой. Мы готовы исполнить наши союзнические обязанности, но должны отклонить возможность того, чтобы Австро-Венгрия вследствие непринятия наших советов ввергла нас во всемирный пожар“. Вторая телеграмма была еще решительнее: „Если австро-венгерское правительство отклоняет всякое посредничество, то мы встанем перед взрывом, где будем иметь против себя Англию и по всей вероятности не будем иметь за себя Италию и Румынию... Политический престиж Австро-Венгрии, военная честь ее армии и ее справедливое притязание к Сербии, могли бы быть достаточно обеспечены занятием Белграда и других мест“. Это соответствовало и предложению Грея. Таким образом, по Гельфериху, давление Германии на Австро-Венгрию в смысле ее уступчивости доходило до крайних форм, совместимых с союзными отношениями. Совершенно в таком же смысле говорит об этом и Бетман-Гольвег. Германия, по его словам, оказывала давление на Вену, согласно английскому предложению. Но Англия ничего не дала, чтобы произвести какое-нибудь давление в Петербурге. Однако между Россией и Австрией соглашение как будто бы могла быть найдено. В окончательном виде требования России, измененные после переговоров Сазонова с Греем, были выражены таким образом: „Если Австрия согласится остановить движение своих войск на сербской территории и, признавая, что австро-сербский конфликт принял характер европейского вопроса, она допустит, чтобы великие державы рассмотрели вопрос о том удовлетворении, которое Сербия могла бы дать австро-венгерскому правительству без нанесения ущерба своим правам суверенного государства и своей независимости. Россия принимает на себя обязательство сохранять свое выжидательное положение“. Переговоры и в Вене и в Петербурге как будто бы давали известную надежду. 19 июля Грей получил телеграмму английского посла в Петергурге: „Австро-венгерский

посол 18 июля заявил о готовности своего правительства обсуждать сущность австрийского ультиматума Сербии". Сазонов выразил свое удовлетворение по этому поводу и сказал, что желательно вести эти переговоры в Англии с участием великих держав. Он выразил надежду, что британское правительство возьмет на себя руководство переговорами. Вся Европа будет ему благодарна за это. Очень важно было бы, чтобы Австрия на это время остановила свои операции на сербской территории. Потом оказывалось, что австрийский посол говорил Сазонову собственно об истолковании ультиматума Сербии, а не о его изменении, и Извольский в телеграмме от 19 июля—1 авг., в день, когда Германия объявила войну России, опровергал заявление австрийского посла в Париже, будто Австрия обещала России не посягать на территориальную целость Сербии и ее суверенитет и будто бы русское правительство это замолчало.

Факт тот, что по мере приближения к катастрофам, второстепенный дипломатический театр уступал место главному. После того, как Россия объявила всеобщую мобилизацию, Германия увидела здесь удар, непосредственно занесенный над нею: вопрос шел уже не об Австро-Венгрии и тем менее уже о том, какое удовлетворение получит она от Сербии. И если несколько дней перед этим Германия заявляла Австро-Венгрии, что она не допустит втянуть себя во всемирную войну, то теперь роли переменились: ее втягивала сама Германия. Взоры всего мира обращались на западный фронт, где начинался осуществляться план графа Шлифен. Вторжение германских войск в Бельгию заслонило австрийский ультиматум Сербии. И если Австро-Венгрия приняла такое слабое участие в первых военных действиях против Франции, выразившихся появлением на Вогезах тирольских стрелковых батальонов, то судьбы ее решались в этой кампании на западном фронте не в меньшей мере, чем прежде в самой Германии. Если верно, что поворотной точкой в истории войны следует считать битву при Марне, то она была поворотом и в истории Австрии.

Но у Австрии был свой самостоятельный театр войны, имевший для нее первостепенное политическое значение. Не даром в военной программе Кробатина входило чуть ли не на первом месте усиление обороны Галиции. Можно было считать ее такой частью Австрии, которая не связана органически с остальными ее провинциями и не является для нее политической необходимостью. Известно, что думал, между прочим, кн. Бисмарк: он был бы склонен увеличить даже польское население России и взамен этого расширить пределы дунайской монархии к юго-западу и юго-востоку. Действительно, Галиция представляла большие политические трудно-

сти для венского правительства. Последнее, правда, могло опираться на польский клуб, у которого были традиционные, создавшиеся еще в 60-ых годах связи с венским правительством. Но теперь эта опора вызывала враждебность другой нарастающей силе галицийских украинцев. Польско-украинский конфликт был одним из самых тяжелых в австрийской половине. Но все же он сдерживался еще большим отталкиванием обоих групп от России. Москофильское течение было недостаточно сильно, чтобы перевесить украинофильское. Австрия могла рассчитывать на верность значительной части галицийского населения в большей степени, чем, например, на население Чехии. Далее, речь шла о стране в 78 тыс. квад. килом. с 8-мил. населением, т.-е. почти 6-ой части населения всей австро-венгерской монархии. Экономически утрата Галиции означала бы утрату чрезвычейно плодородных, черноземных районов, превосходных лесов, расположенных по склонам Карпатов, богатых нефтяных и соляных местонахождений. Правда, эти естественные богатства Галиции недостаточно эксплоатировались, как и вообще экономическая политика Австрии и Галиции отличалась какой-то пассивностью, отчасти связанной с тем, что главное внимание уходило на борьбу национальностей. Но все же это была бы тяжкая хозяйственная утрата. Наконец, в военном смысле занятие Галиции обозначало грозную опасность особенно для Венгрии, что и обнаружилось в войне. Все это заставляло относиться со всей серьезностью к галицийской кампании.

Повидимому, Австро-Венгрия сделала ту же ошибку, что и Германия. Она не ожидала столь быстрой мобилизации, быстрого развертывания русских сил. Уже русские войска вторгнулись в Восточную Пруссию, а на западе операции только начинались. 20 авг. произошло сражение при Гумбинене, закончившееся отступлением германской 8. армии, в тот же день 6. и 7. армии завязали бой в Эльзас-Лотарингии против вторгнувшихся армий Кастельно и Дюбайль. На Бельгийском фронте германские войска достигли линии Брюсель—Намюр—Лонгви. Если русский натиск на Восточную Пруссию шел быстрее, чем это можно было ожидать и вызывал тревогу за участь искони немецкой провинции, то тем более Австрия предоставлялась ее собственным силам. На восточном фронте не было согласованного действия. Австрия встретилась с огромными русскими силами.

Ее попытка предупредить развертывание этих сил, нанеся удар в пространстве между Вислой и Бугом, окончилась неудачей, так как соответственное движение немцев в районе между Неманом и Вислой, на которое австрийцы в праве были рассчитывать, не произошло. Эта неудача сразу показала, до

какой степени австрийская армия зависит от германской и как мало она может оказать сопротивления войскам Киевского округа. Обнаружилась здесь роковая медленность действий австрийской армии, связанная с медленностью мобилизации и развертывания.

Не прошло и месяца со дня объявления войны Австрии и России, как Львов был занят русскими войсками. В своих военных воспоминаниях Людендорф указывает, что совместный операционный план австро-германских войск был набросан лишь в очень общих чертах. Если Германия требовала от австрийцев наступления, она должна сама была наступать через Наров. Это было неосуществимо при сравнительной слабости германской 8. армии, перед которой стояли силы Ренненкампфа. В таком случае австрийцам нужно было защищаться на Сане. Так же объясняет неудачу Краус. Он вообще, как видно, был сторонником шлифеновского плана по отношению к Австрии, т.-е. предварительного разгрома Сербии. Нельзя было в Галиции позволять себе частичных наступлений. Нужно было отступить на Сан и на Карпаты. Может быть, нужно было даже пожертвовать Перемышлем, который более связывал австрийцев, чем русских — это вопрос, еще подлежащий разрешению военных специалистов.

Уже было указано, какие тяжелые последствия влекло бы пожертвование Галицией. В частности можно думать, что оставление Перемышля, который занимал такое видное место в военной программе Кробатина, было бы новым психологическим ударом для военного престижа монархии. Конрад в особенности придавал Перемышлю огромное значенье. Кроме того, можно было опасаться, что русские армии не остановятся на Карпатах и начнут наступление на Венгрию, т.-е. в наиболее опасном направлении дла целости государства: без Венгрии Австрия не могла бы продолжать вообще войну. Тем не менее, если наступление, намеченное вместе с германцами, оказалось невозможным, нужно было иметь мужество отступления. Вместо этого австрийская армия, ослабленная этими попытками наступления, была разбита, а Галиция не спасена. По словам Людендорфа, уже здесь обнаружено, что эта армия вовсе не была полноценным боевым орудием для начала военных действий. Особенно обнаруживалась крайняя недостаточность железнодорожной сети. „Если бы мы,—прибавляет Людендорф,—действительно питали наступательные замыслы перед войной, то мы должны были настоять, чтобы Австро-Венгрия улучшила свою армию“. Весьма удручающее впечатление произвела и огромная масса взятых в Галиции австрийских пленных. Вообще говоря, если свидетели галицийских боев и даже простые наблюдатели событий осенью в Львове

1914 года видели эти бесконечные вереницы австрийских пленных, увозимых с запада на восток самыми небольшими группами русских солдат, могли думать, если у нас это производило впечатление военного розгрома, то такое же впечатление было и в Германии и самой Австро-Венгрии. Гермацы могли бы с этим мириться, если бы удался план Шлифена и на западном фронте одержана была решительная бесповоротная победа. Но на западном фронте они имели тогда Марну, и нам понятны становятся те тревожные предчувствия, которые особенно сильно выражены у Людендорфа и Тирпица. Последний, между прочим, замечает в своей записной книжке, что по достоверным сведениям, австрийские поражения производят самые глубокие впечатления на Балканах. Можно опасаться, что все расчеты на Турцию окажутся напрасными (9, IX). В своей „Истории Войны" Штегеман допускает, что если принять во внимание ближайший ощутимый успех и тактические достижения русских в южной Польше и Галиции, то нужно признать за ними полную победу. Но остается положительный результат австрийского наступления в смысле связывания главных русских сил, и, с другой стороны, в смысле боевого крещения самой австрийской армии. Стратегически Восточная Пруссия оказалась важнее Галиции. Движение Гинденбурга в южную Польшу остановило преследование русскими австрийских войск. Все эти соображения, весьма тенденциозные, не изменяют одного: галицийские битвы показали, что Австро-Венгрия не может бороться собственными силами с Россией. Они обнаружили всю степень военной зависимости ее от Германии. Людендорф отдает справедливость Конраду, который, несмотря на состояние австрийской армии в начале октября, решил перейти в наступление, ибо он доверялся Германии.

Политически был нанесен тяжелый удар. Прежде всего нельзя было более рассчитывать на поляков. Вступлению в Галицию русских войск предшествовало воззвание верховного главнокомандующего Николая Николаевича к полякам, обещающего автономию, правда, в довольно неопределенных выражениях, объединенной русской, прусской, австрийской Польше. Акт, который произвел впечатление даже на довольно непримиримые круги польской эмиграции, произвел впечатление и в Галиции. Многие поляки в столкновении Австрии и России всегда предпочли бы победу Австрии. Но теперь выяснилось, что она невозможна. Австро-польская ориентация теряла почву: побела могла бы принадлежать только Германии. Следовательно, выбор приходилось бы делать между Германией и Россией. Даже весьма лойяльные в австрийском смысле польские круги в Львове теперь делали этот выбор в пользу России. В сущности говоря, Станислав Грабский и

его сторонники повторяли теперь то же самое, что говорил представитель поляков в так называемом историческом заседании государственной думы 26 июля 1914 года.

Прежде австрийцы могли рассчитывать в Галиции против России на украинцев. Член рейхсрата Левицкий в своих статьях говорит, что целью войны должно быть освобождение русской Украины и отрезание России от Черного моря. Он призывал украинцев содействовать тому, чтобы вся украинская народность могла политически объединиться. Но теперь вождям украинцам приходилось покидать свои массы, ехать в Вену. Влияние переходило в руки преследуемых москвофилов. Не окажется ли масса галицийских украинцев, оставленных своими вождями, своей интеллигенцией, достаточно податливой воздействию со стороны России? Конечно, воззвание верховного главнокомандующего к галичанам, несколько высокопарное и напоминающее им о временах Осмомысла, едва ли могло зажечь их сердца. Но русская власть могла—и этого опасались в Вене,—использовать старые недочеты австрийского правительства в Галиции: пренебрежение к интересам крестьянски масс, даже племенные предубеждения этих масс, их антисмитизм и т. д.

Более того, в украинских кругах России, несмотря на вс враждебное отношение к русскому правительству, начинае мелькать мысль о том, что поражение Австрии и соединени Восточной Галиции с Россией могли бы также служить укр а инскому национальному делу. Украинцы входили бы тогд целиком в пределы одного политического тела. Нужно было несколько изменить политику русских властей относительно украинского населения, нужно было проявить более терпимости, такта и здравого смысла, чтобы это течение мыслей приобрело реальную почву. Можно сказать, здесь Австро - Венгрия получила помощь в лице русской администрации нашего юго-западного края и особенно Галиции, куда поспешно перен сились испытанные приемы официального национализма. Но эта помощь пришла позднее.

В первые же месяцы войны нанесен был тяжелый удар и военной независимости Австро-Венгрии и ее политической цельности. Только величайшее напряжение национальных сил, соединенное с глубокими преобразованиями в области военной и политической, могло отвратить опасность, которую видели явственно и друзья и враги австрийской монархии. Не даром и в русской, и во французской, и даже английской прессе уже в эти первые недели войны раздаются голоса, что если Германия должна выйти из войны ослабленной, то Австрия обречена на разрушение.

III. Действующие лица.

Когда Австро-Венгрия вступила в мировую войну, во главе ее стоял 84-летн. император—король Франц-Иосиф. Впрочем, в двуединой монархии и самое его положение было двойственное—не только круг его полномочий, но и характер власти был различен в Австрии и Венгрии. Австрийские основные законы 1867 года близко подходили к прусской конституции по постановке монархической власти. Согласно им монарх являлся не высшим носителем, центром государственной жизни, осуществляющим свои полномочия через министров, которых он сам призвал и которые были независимы от парламентского большинства. Правда, это была более теория, чем практика, и чем дальше, тем больше чувствовалась фактическая зависимость правительства от рейхсрата. Отсюда постоянная погоня за большинством в палате, постоянное лавирование между различными национальными партиями в целях получить такое большинство. Но во всяком случае австрийский император оставался тем монархом божиею милостию, а не высшим делегатом народной воли—монархом в стиле немецкой юридической доктрины и долго господствовавшего среди правящих классов Германии политического понимания. Совершенно иное положение занимал он в Венгрии. В самой конституции чувствуется договорный характер ее власти. Корона св. Стефана, возложенная на австрийского императора, возлагала на него вместе с правами ряд конституционных обязанностей, за соблюдением коих наблюдал венгерский парламент. В противоположность Австрии здесь сложился парламентаризм. Попытка призвать к власти внепарламентское министерство Феервари только подтвердила неизбежность для короля Венгрии ограничиваться выбором людей, могущих рассчитывать на большинство в палате. В Австрии был спасительный параграф 14, позволяющий ею управлять в долгие промежутки между сессиями неработоспособного, пораженного обструкцией национальности рейхсрата. В Венгрии такого средства у правительства не было и оно не могло провести помимо представителей ни бюджета, ни военного контингента. Эта двойственность в положении монарха, в котором воплощалась связь Австрии и Венгрии, ставила ему чрезвычайно трудные задачи.

Справлялся ли с ними Франц-Иосиф? Можно сказать, что при всей ожесточенности национальной борьбы, при антагонизме двух половин империи, личность монарха как-будто оставалась не затронутой. Чехи обрушивались на немцев и обратно, поляки ссорились с украинцами, венгры предъявляли все новые требования к венскому правительству, но все это

видимым образом не обращалось против особы монарха: наоборот, говорили, что он является залогом государственного единства. Что будет сдерживать центробежные национальные силы, когда он умрет? При всем вызывающем тоне, в котором венгерское правительство разговаривало с Веной, оно сохраняло подчеркнутую лойяльность по адресу своего короля. Впрочем, лойяльность скорее по отношению к лицу, чем к сану. Мадьяры хорошо знали нерасположение к ним наследника Франца-Фердинанда и вовсе не обещали ему повиновения, тем более, что его наследственные права с точки зрения венгерского закона представлялись сомнительными.

О самом Франце-Иосифе часто говорили, как о человеке, который воспитан был в понятиях абсолютизма и который горьким опытом научился быть конституционным монархом. Это психологически не верно. У Франца-Иосифа был действительно горький опыт, или точнее, ряд тяжких в жизни испытаний не только личного, но и политического значения. Он был свидетелем, как Венгрия, разгромленная при помощи России и приведенная в покорность в 67 году, взяла реванш, как Австрия была вытеснена из Германии и Италии. Ему пришлось давать своим подданным конституционные вольности и всеобщее избирательное право. Во внешней политике он должен был итти с той Германией, т.-е. с той германской империей, которая создалась из австро-прусской войны 66 г., и с той Италией, которая выросла из национальной войны с австрийцами, которая низложила светскую власть пап. Император научился приспособляться к окружающим его обстоятельствам, пользоваться услугами людей, которые были ему чужды и антипатичны, но это не меняло его внутренней природы. Он оставался верен тому патримониальному монархическому идеалу, который он наследовал от своих предков. Может быть, в Австрии при отсутствии в ней органического государственного единства этот идеал менее явно противоречил политической обстановке. Франц-Иосиф до конца дней, обращаясь ко всем австрийским подданным, употреблял выражение „мои народы", которое еще явственнее подчеркивает представление о монархе, как лице, стоящем над государством, чем выражение „мой народ", столь обычное, напр., в устах германского императора.

К новым понятиям, к новой европейской обстановке Франц-Иосиф никогда не мог внутренно приспособиться. Политическая необходимость делала его союзником императора Вильгельма. Он даже чувствовал по отношению к нему обязательство верности, благодарность за помощь, но Вильгельм для него был слишком „модерн". Ему чужда была эта агитационная, шумливая деятельность императора, его постоянные обращения к различ-

ным группам и слоям германского населения, его интерес к экономическим вопросам и к повышенному росту Германии, его тяготение к индустриальному империализму, уживавшиеся вместе с монархической романтикой. Франц-Иосиф как-бы находил, что монарху не приличествует искать популярности и он в ней не нуждается. В то же время он в гораздо большей степени был проникнут этикетом, при котором каждый, вступающий в общение с императором, имеет лишь строго определенную область дозволения и никоим образом не должен ее переходить. Этот этикет он привык переносить и в область дел государственных. Когда представители высшего командного состава начинали ему говорить о каких-либо политических вопросах, связанных с военными делами, император их останавливал: это уже была не их область, об этих вопросах он будет говорить с членами правительства. Несмотря на все испытания долгой жизни, он не разучился видеть в ходе государственной машины той строгой размеренности и постоянства, которые исключают быстрые и резкие перемены. Ему были известны из докладов министров все опасности положения Австрии перед войной. Но он здесь оставался своего рода фаталистом. В частности, судьба государства для него не отделялась от судьбы династии. Когда Конрад в 1916 году убедил его послать наследника и будущего императора Карла командовать на итальянском фронте, император согласился на это с большим трудом: что будет с Австрией, если наследник погибнет?

Франц-Иосиф вел войну с Пруссией и другими германскими государствами; он сознавал, что у Австрии есть свои самостоятельные задачи, но все же он чувствовал себя немцем. Для него союз с Германией был естественным выражением исторической роли немецкой национальности в Австрии. Ведь сами габсбурги такая же самобытная немецкая династия, как и гогенцоллерны. К притязаниям Венгрии он привык, и они получили в его глазах некоторый характер законности. Но он не мог освоиться с мыслью об изменении в положении других национальностей. Идея триализма или федерализма была ему чужда, он склонен был в ней усматривать разрушительное начало—и в этом был один из источников его глубоких разногласий с Францем-Фердинандом. В общем престарелый император, несмотря на перепетии своего царствования, оставался человеком глубоко консервативного уклада; новых потребностей жизни в вопросах национальных и социальных он не понимал. Этот консерватизм он сохранил и в отношении военном, у него, повидимому, не было ясного представления, что война ставит перед Австро-Венгрией небывалые по трудности задачи.

Популярность императора питалась, главным образом, привычкой к нему. Никто не видел в нем какую-то сильную и крупную личность. Многие с этой стороны находили, что его слишком затянувшееся царствование мешает появиться более яркой индивидуальности Франца-Фердинанда. В этом смысле отношение к императору в Австрии резко отличалось от отношения верноподданных кругов в Германии. Чернин указывает, что при австрийском дворе не сложилось той ядовитой атмосферы византизма и лести, которая, к несчастью для Вильгельма, образовалась вокруг него. Но если требования и ожидания от монарха здесь не были так велики, то все же традиционная австрийская государственность предполагала такую степень участия монарха в политических и военных событиях, такую здесь его инициативу, которая не отвечала ни возрасту Франца-Иосифа, ни его умственным и нравственным силам. Впрочем, судьба милостиво не дала ему дожить до самых трудных дней.

И вокруг императора не было людей сколько-нибудь в уровень с этими задачами войны. Вокруг него были граф Берхтольд, общий министр иностранных дел Австрии и Венгрии, бездарный последователь даровитого Эренталя, и глава австрийского кабинета граф Штюрг, трагический конец которого даже как-то мало соответствует его бесцветной деятельности. Сильнее них во всех отношениях был глава венгерского правительства граф Тисса. Именно, благодаря, вероятно, его известной энергии и яркому темпераменту, за границей его часто считали чуть ли не главным виновником войны, во всяком случае чуть ли не главным инициатором агрессивной политики против Сербии. Это было неверно. В настоящее время можно считать доказанным, что Тисса первоначально был даже противником военной экспедиции в Сербию, безусловно не сочувствовал включению какой-либо части Сербии в австрийскую территорию. Но раз он согласился на войну, он хотел вести ее с должной энергией. В нем было соединение известной беспощадности в преследовании политических целей, при которой он не останавливался перед всякого рода насилиями в борьбе с своими противниками,—достаточно вспомнить, как он обращался с парламентской оппозицией, и в то же время личной честности; при всем напряжении избирательной борьбы его враги не могли в этом смысле наложить никакого пятна на его репутацию. Но в Тиссе воля была сильнее ума и он никогда не мог освободиться от власти предвзятых идей. Верный сторонник монархии и династии, он, однако, отстаивал такую политику исключительной защиты венгерских интересов, когда они сталкивались с интересами Австро-Венгрии в ее целом, которая для этой монархии могла

быть лишь губительна. Его пребывание у власти служило лучшим аргументом для тех сторонников выступления Румынии на стороне Антанты, которые доказывали, что от венгров все равно ничего не получишь в смысле улучшения судьбы трансильванских румын. Он был безусловным сторонником венгерского господства в Транслейтании, не соглашался ни на какую избирательную реформу, которая могла бы поколебать мадьярское верховенство. В социальных вопросах он отвлеченно понимал необходимость как-то считаться с временем, но он оставался им совсем чужд: Венгрия в его глазах как бы навсегда должна была остаться страною крупного землевладения и батрацких масс. Рабочее движение он представлял себе прежде всего, как результат искусственной агитации. Главное, что он твердо верил в незыблемость существующего социального порядка. Все эти качества создавали ему уважение сторонников, окружали его в то же время ореолом сильнейшей непопулярности. Если гибель Штюрга была случайна в конце-концов, то относительно Тиссы можно было думать, что он является обреченной жертвой революции, если последняя вспыхнет на его родине.

Венгерский министр-президент действительно имел очень большое влияние и в качестве главы правительства сильнейшей половины империи, и в качестве просто сильного характера. При этом он пользовался большим доверием Франца-Иосифа, который как-то чувствовал эту силу воли и в то же время верил, что она никогда не будет направлена во вред габсбургской династии. Тисса был убежденный сторонник тесного австро-германского союза, он тоже разделял идеи Эренталя в этом смысле, но в глазах германских государственных людей и военачальников великим пороком был этот односторонний мадьярский патриотизм.

Недостаток выдающихся личностей еще более чувствовался в армии. В ее командном составе слишком большое место занимали люди с эрцгерцогскими и другими титулами. Некоторые из них, как эрцгерцог Фридрих, сами по себе заслуживали всякого уважения. Людендорф отдает справедливость его „горячему немецкому сердцу, его истинным солдатским чувствам“. Может быть, наибольшая заслуга эрцгерцога заключалась в том, что он надлежащим образом ценил Конрада, который так часто и резко ему возражал, и всегда защищал его от многочисленных противников. Но среди этих титулованных командиров были и такие безусловные неудачники, как эрцгерцог Иосиф-Фердинанд, который уже в 1915 году при ноябрьском наступлении на Ровно оказался совершенно несостоятельным и который считался одним из главных виновников Луцкого разгрома в 1916 году. Другим виновником

признан был генерал Пфланцер-Балтин, пользующийся, по словам Крамона, в армии всегда довольно печальной репутацией. Составлялись песенки о его стремительном, порывистом и беспокойном командовании, о его вечном движении взад и вперед, при котором безо всякой осмотрительности разрывались военные единицы на мелкие группы, где смешивались все языки монархии. Сосед не понимал соседа и командование в бою требовало больше лингвистических познаний, чем боевого глазомера. Правда, и Пфлянцер-Балтин имел свои заслуги при защите Карпат и при весеннем наступлении в 1915 году, когда ему пришлось вести сравнительно маленькую войну на южном фланге. Никаких лавров в военный венец монархии не вплел также Бем Эрмолли, хорошо известный русским войскам юго-западного фронта. Впрочем, дело не в отдельных неудачных назначениях, а в том, что среди австрийского командного состава не выделилось людей такого калибра, как выдающиеся военачальники французов, германцев и русских в эту войну. Будущим австрийским военным историкам некого будет вспоминать.

Самым выдающимся человеком, которого произвела австрийская военная среда этой эпохи, был, несомненно, Конрад фон-Гецендорф. Перед ним почтительно склоняются первостепенные германские авторитеты. Духовным руководителем операций австро-германской армии, говорит Людендорф,—был Конрад—умный и выдающийся генерал, человек с особенной умственной гибкостью. Он был военачальник, одаренный редким богатством идей, и постоянно давал австро-венгерской армии новые импульсы. Это останется его вечной заслугой. Но,—прибавляет Людендорф,—австрийская армия не была достаточно сильна, чтобы выполнять в каждом отдельном случае его смелые проекты. Слишком мало было сделано для армии во время мира"... Австрийская армия была совсем иначе воспитана, чем германская. Генерал Конрад недостаточно высоко ценил до войны нашу мирную подготовку; теперь он открыто сделался сторонником ее принципов, теперь, думал он, нельзя обращать достаточно внимания на все, что укрепляет подготовку солдата. Между тем австрийский генеральный штаб слишком много занимался теорией и чуждался войсковой службы.

Недостаточная подготовленность армии, несомненно, должна быть поставлена в вину и начальнику генерального штаба. Правда, в Австрии политические условия и военные традиции и слабое развитие техники и промышленности препятствовали создать из армии такое мощное орудие, которое представляло из себя германская армия. Правда, Конрад посильно боролся с этими неблагоприятными моментами. Но были некоторые

черты его личности и уклада, которые сами сказывались здесь неблагоприятно. У Конрада действительно были очень интересные стратегические и тактические идеи, но он создавал их скорее, как военный мыслитель, чем как человек, ответственный за проведение их в жизнь. Правда, говорит Краус, светлый ум Конрада владел и оперативной областью. Он всюду познавал ее сущность, всегда правильно судил, но он не имел ни охоты, ни времени углубляться в ее подробности до полного ее познания.

Кроме того, у него были и некоторые предвзятые идеи, напр., в горной войне он был сторонником действий на вершинах и совершенно пренебрегал горными долинами, позволяющими двигаться вперед, быстро поражая врага. По словам Крауса, это было особенно вредно при нападениях. Чем ограниченнее пространство, по которому можно двигаться, чем труднее двигаться вперед, тем неблагоприятнее условия для нападения, поэтому для него всегда предпочтительнее возможность пользоваться широкими долинами. Но Конрада как-то тянуло к высотам: в качестве начальника дивизии он много лет провел в Тироле, сам был выдающийся альпинист, страстно любил горы, и этот вкус отразился на его тактических приемах. Известная отвлеченность Конрада сказывалась на его отношениях к окружающим. Несмотря на выдающиеся качества своего ума, он не был духовным руководителем штаба и предоставлял каждому итти своим путем. В сущности, повидимому, он не был выдающимся организатором коллективной работы, представляя тип индивидуального мышления. Вместе с этим у него не доставало и искусства распознавать людей. Краус по этому поводу вспоминает свои слова, обращенные к Конраду: „Какое несчастье, что ваше превосходительство хотите проводить новую систему в генеральном штабе посредством старых людей". По впечатлению Крамона состав ближайших сотрудников Конрада был довольно пестрый, и на ряду с таким выдающимся многоопытным работником, как начальник оперативного отдела Мецгер, был его заместитель Сламечка, более всего искусный в литературной политике с немецким командованием и в тонкостях бюрократического стиля. Весьма прискорбно проявился этот недостаток Конрада, по мнению Крауса, и в оценке генералов, призываемых на командные должности в армию. И действительно, начальник австрийского генерального штаба, повидимому, страдал в этом смысле какой-то психологической непроницательностью. Точно действительно война представляла для него математическую или шахматную задачу, при которой оставляется без должного внимания бесконечное множество окружающих условий и прежде всего тот человеческий материал, который эти загадки должен решать.

Вместе с тем у Конрада были весьма сильные стороны. Они выражались в широких и смелых концепциях, в способности подчинять тактические решения стратегическому плану. При своей отвлеченности Конрад, однако, вполне понимал связь, которая существует между ведением войны и общими политическими условиями и не стеснялся говорить о последних императору, хотя тот этого не любил. Воспитанный на мысли о прочном австро-германскомс оюзе, он, однако, не хотел делать из австрийской армии простое орудие целей германской политики. В частности он придавал первостепенное значение итальянскому фронту, считая, что именно здесь лежат интересы самой жизненной важности для Австро-Венгрии как таковой. Он был убежден с самого начала войны, что Италия нарушит нейтралитет и что нужно к этому готовиться—не даром и ранее он так настаивал на укреплении австро-итальянской границы. А когда стала известна Лондонская конвенция, по которой союзники обещали Италии весь Тироль до северного склона Альп и Триест, то это убеждение в нем еще более укрепилось, и он вел упорную борьбу с германским генеральным штабом, руководимым Фалькенгайном, за то, чтобы Австрия могла посвятить достаточное количество эиг этому итальянскому фронту. Правда, при этом он не обращал достаточного внимания иногда на русский фронт; и в частности в 1916 г. обессилив его особенно в смысле тяжелой артиллерии, а отчасти и войсковых единиц, он сделал возможным луцкую катастрофу. Надо, впрочем, сказать, что последняя оказалась такой же неожиданностью для германского, как и для австрийского штаба.

Луцкая катастрофа подорвала положение Конрада. На него произведены были сильнейшие нападки в венгерском парламенте, где вообще его не любили (считали его слишком австрийцем) и австрийское правительство выказало ему известное недоверие. Даже его личная жизнь, даже то обстоятельство, что он незадолго перед этим женился и его жена приехала в ставку в Тешен, при чем оказалось еще, что она развелась с своим мужем, и это обстоятельство учитывалось клерикальными австрийскими кругами, даже это поставлено было в упрек Конраду.

Все эти нападки на Конрада не могли, однако, его низвергнуть пока жив был Франц-Иосиф. Со вступлением на престол императора Карла дело изменилось. Самостоятельный и откровенный руководитель генерального штаба не мирился с капризным и диллетантским вмешательством императора в военные дела и не скрывал своих разногласий. Произошел ряд столкновений, и он должен был уйти. Крамон рассказывает, что император Карл в присутствии начальника военной канцелярии

сообщил ему о своем решении расстаться с Конрадом: последний слишком упрям, его стратегии не безупречны, с гражданскими властями ладить он не умеет и, наконец, его частная жизнь в штабе вызывает нарекания. Крамон признавал все недостатки Конрада, он тоже считал его более теоретиком, более сильным в составлении планов, чем в их осуществлении. В этом смысле он противопоставляет работу Конрада и немецкого высшего командования, которое всегда брало вопросы уже и разрабатывало их детально, навлекая даже упреки в медлительности. С другой стороны, он отмечает и то, что Конрад не отдавал себе отчета во всем росте новейшей военной техники: отчасти это объяснялось тем, что он вел войну на русском, итальянском и балканском фронтах, а не на западном, где эта техника выказала всю свою мощь. Наконец, представитель Германии сожалел, что начальник австрийского генерального штаба недостаточно часто объезжает фронт: если бы он там был в необходимых местах, чтобы перед крупными решениями говорить с военачальниками и с армией, он мог бы получить много ценного, „фронт часто знает гораздо лучше многое, чем умнейшие люди в ставке, и простой солдат часто может гораздо полнее осведомить о состоянии войск, о его снабжении, чем самый совершенный отчет“. Крамон все это признает и тем не менее он выражает глубокое сожаление об отставке Конрада. Император лишился в нем человека, который говорил ему правду. Австрийская армия лишилась все же наиболее выдающегося своего руководителя. Наконец сказались здесь и совершенно личные мотивы: непопулярность Конрада в придворных кругах, недовольство клерикалов, которые находили его вольнодумцем—даже возражения пассифистов, к голосу которого прислушивался молодой император с самого вступления на престол.

Это вступление явилось началом нового курса. Сам император Карл—такой типичный представитель гибнущей династии, монарх накануне революции. Не преувеличивая нисколько значения его личности, все-таки можно утверждать, что он ускорил разрушение Австрийского государства.

Людендорф рассказывает, что он познакомился с Карлом впервые в 1914 году, и последний произвел на него впечатление чрезвычайной молодости, точнее, может быть, сказать—незрелости. Вторичная встреча произошла в ноябре 1916 года. Юный император развился, возмужал, имел довольно ясные понятия о военных вопросах, но все же тяжесть такого высокого сана казалась совершенно не по его слабым плечам. Людендорф отметил в нем то отсутствие спокойствия и уверенности, которое так легко вырождалось в суетливую панику и в котором было, повидимому, не мало личного эгоизма. Им-

ператор сразу хотел развить широкую личную деятельность. Он хотел командовать армией и лично управлять государством.

Но у него не было ни гражданской, ни политической подготовки и сталкиваясь с этими грозными проблемами, поставленными перед Австро-Венгерской монархией, он оказывался беспомощным, как ребенок. Не особенно одаренный от природы в смысле умственных способностей, он с детства прошел школу узкого клерикализма, столь распространенного среди австрийской аристократии и пустившего глубокие корни в Габсбургской династии. Надо помнить, что Австрия в последние годы перед войной сделалась избранной страной католического клерикализма; достаточно назвать ее эвхаристические конгрессы — эти своего рода смотры правоверной армии — не затронутые никакими модернистскими сомнениями. В этой среде воспитывался и Франц-Фердинанд, но он был более сильным, самостоятельным человеком. Первый воспитатель Карла серьезно верил в союз масонов с дьяволом, в магическую силу черной мессы, рассказывал, как ему самому приходилось изгонять дьявола, который исчезал при громовых ударах, оставляя острый запах серы. Дальнейшее воспитание было в руках аристократического представителя австрийского офицерства, который смотрел на это занятие, как на очень спокойную и выгодную синекуру. Ни Франц-Иосиф, ни Франц-Фердинанд не заботились о какой-либо подготовке принца. После нескольких лет посещения венской гимназии, он зачислен был в кавалерийский полк, и с этой минуты его образование было закончено. В военной службе он привык видеть только парадную внешность. Первые более суровые уроки дала ему война.

При уме живом, но довольно поверхностном, император отличался полным отсутствием выдержки и воли. На него всегда можно было оказывать влияние. Краус рассказывает, что он решился бороться с коррупцией влиятельных австрийских банков, стал знакомиться с ведением их дел и удалил от банковской деятельности некоторых весьма видных финансистов, которых общественное мнение считало виновниками происходившей на глазах у всех бессовестной спекуляции. Но император не заметил, как при этом он сделался орудием в руках другой финансовой группы, боровшейся с своими конкурентами.

Фатальным для него явилось и влияние его жены императрицы Циты. Это тоже такая знакомая фигура — женщина на троне, которая все делает, чтобы укрепить недоверие и непулярность, окружающие этот трон. Вышедшая из Бурбонской династии, она была не только, ревностной католичкой

ио поддерживала клерикальное настроение своего мужа, а с другой—она никогда не забывала о своей принадлежности к дому, царствовавшему во Франции. И в Германии и в Австрии ее обвиняли в прямом сочувствии к Антанте. Ее брат герцог Сикст Пармский сражался в рядах бельгийской армии и Карл с ним переписывался. С особенным недоверием относился к императрице командный состав. Она с своей стороны не делала ничего, чтобы это недоверие рассеять. Когда к ней приехала ее тетка из-за границы и привезла с собой многочисленную итальянскую свиту, военные власти распорядились задержать этих итальянцев на границе, указывая на опасность шпионажа. Но император распорядился их пропустить. Притом императрица, инстинктивно отвращаясь от германского милитаризма, не искала противовеса ни в каких других силах, кроме патримониальных и династических чувств, которые казались ей еще свежи в Австрии. И самые симпатии ее к Франции питались надеждой, что война откроет путь для восстановления там королевской власти. Считалось, что императрица не воздерживается от вмешательства в военную и политическую жизнь.

Нельзя отказать было императору Карлу в качествах доброты и сострадания. Он вообще хотел видеть людей вокруг себя довольными. Но проявление этой доброты слишком часто истолковывалось как простая слабость и даже заискивание, которое, раздражая сторонников, нисколько не обезоруживало противников. Такую судьбу имел его указ об амнистии, который простирался и на осужденных чешских лидеров — Крамаржа и других. И Людендорф, и Крамон, и Краус единодушно признают, что эта амнистия вызвала глубокое раздражение в армии. Когда император во время пребывания на Тирольском фронте, узнав, что некоторые австрийские офицеры итальянского происхождения перешли к итальянцам и открыли им расположение австрийских позиций, он спросил, как эти изменники думают о своем возвращении на родину и получил такой ответ: „Ваше величество, они убеждены, что вы их амнистируете“. Тисса решительно отказался распространить амнистию на Венгрию, и это лишний раз подтвердило слабость спайки обеих половин монархии. В Австрии же считали, что она является личным актом императора: ни начальник штаба ни министр иностранных дел о ней ничего не знают. Еще более негодования в армии возбудил приказ императора воздерживаться от некоторых военных средств: пользование удушливыми газами, метание снарядов с аэропланов за линию фронта и т. д.

Так как неприятель от этих средств не отказывался, то получалось, что австрийская армия ставилась в более небла-

гоприятные условия. Этот приказ не был приведен в исполнение на русском фронте, так как ему воспротивилось германское верховное командование, но он вошел в силу на итальянском фронте, где сражались одни австрийцы.

Та же мягкосердечность, соединенная с слабодушием, сказывалась, по общему мнению, и в стремлении императора заключить возможно скорее мир,—стремление довольно бесплодное и вызывавшее растущее недоверие немцев. Последние особенно ставили в вину Карлу его двуличность. Он вовсе не является другом Германии и готов за ее спиной делать предложения врагу—обвинение, которое совершенно подтверждалось разоблачениями относительно писем, написанных Сиксту Пармскому. Несомненно, император действительно хотел довести до сведения французского правительства, что он готов был бы поддерживать возвращение Эльзас-Лотарингии. А когда его уличили, он показывал лист бумаги—будто бы черновик его письма,—где это предложение приняло такой вид: „я поддерживал бы притязания Франции на Эльзас-Лотарингию, если бы они были справедливы, но они не таковы“ („mais elles ne le sont pas“).

Карлу пришлось тогда ездить с уверениями и оправданиями в Спа к императору Вильгельму, который сделал вид. что поверил ему. В данном случае он прикрылся Черниным, который будто бы его подвел и сделался виновником скандала. Чернин получил отставку, но никакой реабилитации из-за этого для императора не последовало.

Политические идеи императора были смутны и носили всегда на себе отпечаток диллетантизма. Он тяготел скорее к программе федерализации Австрии—повидимому он находился под влиянием Франца-Фердинанда. Но у него совершенно не было способности воплотить эти стремления в конкретные политические меры. Впрочем, надо сказать, что для подобных мер и время уже было упущено. Но самым роковым качеством императора была его неспособность находить людей сколько-нибудь в уровень с великими переживаемыми событиями. Он с легким сердцем расстался с Конрадом и заменил его в качестве начальника штаба ген. Арцем, так как Краус, о котором одну минуту думали, оказался тоже человеком слишком неподатливым. Людендорф дает довольно сочувственную характеристику Арцу. Правда, он уступал в умственной эластичности и широте Конраду, но у него был здравый солдатский смысл и у него было искреннее стремление поднять австрийскую армию и получить от страны все. что она могла дать. Он делал все возможное, но все же не достигал ни в чем решительных результатов. Но Людендорф вообще отличается чрезвычайной сдержанностью в отзывах об австрийских военачальниках, желая, повидимому, избежать

и тени пристрастия. Несомненно, Арц не мог быть тем мозгом армии, каким при всех его недочетах был Конрад. Это сказалось особенно на ходе итальянской кампании и во время Тольмеинского прорыва и в катастрофические дни поражения на Пьяве. В частности Арц совершенно не входил в политическую область и ограничивался чисто военными вопросами. Повидимому, император Карл унаследовал от Франца Иосифа традицию резкого разделения сферы правительственной и сферы военного командования—разделения, которое конечно нельзя провести на войне. В этом смысле Арц представляет полную противоположность Людендорфу, который оказался таким первостепенным организатором гражданской жизни в оккупированных областях, а затем и в Германии всегда стремился оказывать влияние на внутреннюю политику правительства, хотя без формального вмешательства в права правительства. При этом у Арца не было и достаточной устойчивости. Он не мог противопоставить какого-либо самостоятельного плана требованию германского высшего командования и должен был перед последним пассовать, чего не далал Конрад даже в весьма тяжелые для австро-венгерской армии минуты. Немцы могли его третировать несколько свысока. С другой стороны, Арц не обладал каким-нибудь влиянием на императора и, наоборот, последний навязывал ему свою волю. Те отчеты, которые представлял Арц относительно положения австро-венгерской армии еще задолго до ее катастрофы, отличались чрезвычайным пессимизмом, которого он сам не разделял и который следует приписать давлению императора, столь хотевшего доказать невозможность продолжения войны.

К несчастью, из высшего командного состава вокруг императора не было никого, кто решился бы говорить ему правду—Чернин делает исключение только для Алоиза Шенберга, но тот находился все время на итальянском фронте. Поэтому, по словам Чернина, ему уже лично пришлось возражать против намерения императора снова дать командование эрцгерцогу Иосифу - Фердинанду. Последний единодушно почитался и в армии и в стране виновником Луцкой катастрофы и подобная его реабилитация была политически совершенно недопустимой. Во всяком случае обстановка сложилась совершенно неблагоприятная для того, чтобы самостоятельно энергичные военачальники выдвигались.

Все это отражалось и на правительственном подборе. Первым главой австрийского кабинета при Карле был Кербер, которому нельзя было отказать в твердой воле и сознании ответственности. Он хотел отстоять в известной мере интересы Австрии при заключении соглашения с Венгрией и искал примирения с национальностями при сохранении дуализма извест-

ными уступками, которые должны быть сделаны сверху. Но ему не удалось предупредить действий и решений императора, предпринимаемых без его ведома и в то же время прикрывающихся официальной правительственной ответственностью. Он искал гарантий против этого личного режима, не нашел их и должен был уйти в отставку. Его преемник граф Клам Мартиниц считался человеком, которого избрал Франц-Фердинанд, с известным уклоном к преобразованию Австрии на федеративных началах. Но у него не было ни ясных, сложившихся взглядов, ни сколько-нибудь твердой воли; на свою голову он дал совет императору созвать австрийский парламент и быстро показал свое полное бессилие там. Еще слабее был его преемник Зейдлер, который предназначался к роли министра-президента переходного времени, пока не подыщут кого-либо более подходящего, но в этой должности и остался. Он, с одной стороны, подвержен был, как и император, панике, а с другой, полон легковерия, принимал за чистую монету всякие монархические демонстрации по случаю проезда императора, при которых он присутствовал и полагал, например, что южные славянские провинции полны монархической преданности. Совершенно не отдавал он себе отчета и в социальном брожении. Между тем забастовки января 1917 года уже показали, что это брожение более сильное, чем предполагали, а может быть и хотели его руководители. Диллетантизм Зейдлера равнялся только его слабости. Высшей своей добродетелью в такое время он серьезно считал полное послушание императору. „Я не нахожу никаких слов“, писал Чернину его корреспондент во время брест-литовских переговоров и острого продовольственного кризиса, „чтобы правильно изобразить апатическое состояние Зейдлера“. Лишь в октябре 1918 года Карл убедился, что с таким кормчим государственный корабль остается без руля во время бури и назначил Зейдлера на более подходящую должность—директором императорской кабинетской канцелярии. Вообще эта смена Кербера, Клама-Мартиница и Зейдлера представляет из себя зрелище прогрессирующего бессилия и безволия. А когда на месте Зейдлера у власти очутился, повидимому, более энергичный Гусарек, то австрийская государственность была уже явно обречена на гибель.

Самым сильным человеком в правительственной среде вокруг императора был граф Тисса. Карл унаследовал от Франца-Фердинанда известное недоверие к Венгрии, которое вполне могло усилиться эгоистическим отношением бутапештского правительства к австрийской половине. Быть может, как ревностный правоверный католик, он не симпатизировал кальвинисту Тиссе. Столкновение произошло из-за обряда коронации. Известно, что венгерская конституция придает этому обряду, в

котором как бы символизируется независимое положение Венгрии, большое значение: многие полномочия венгерский король может осуществлять лишь после коронации. Император хотел, чтобы его короновал эрцгерцог Иосиф, а не Тисса; последний настаивал на своем участии. Вместе с тем Карлу вообще не нравился его самостоятельный, иногда почти вызывающий тон. Между тем, сам венгерский министр-президент имел страстных и непримиримых врагов среди парламентской оппозиции; зная нерасположение к нему Карла, они добились аудиенции и просили о смене министра-призидента и призыве к власти каолиционного министерства, которое могло бы провести столь неотложную реформу расширения избирательного права. Тисса, присутствовавший при аудиенции, отвечал с своей обычной резкостью и задел Карла. Последний высказался против политики Тиссы в избирательном вопросе, который сам по себе для императора не представлял особого интереса, и Тисса подал в отставку. Император не понимал, что одностороннее отстаивание венгерских интересов присуще было всем мадьярским партиям; другого правительства создать было нельзя—или нужно было призывать к власти такие партии, которые в социальном смысле с точки зрения традиционно-государственной считались носителями разрушения. А Тисса, по крайней мере, был убежденный сторонник дуалистического строения Австро-Венгрии, не стремился к ее отделению от Австрии и, кроме того, был убежденным монархистом, лойяльным защитником Габсбургской династии. Уйдя от власти, он перешел в оппозицию, правда, оппозицию, не направленную против монархии и целости австро-венгерской унии, но тем не менее ослаблявшую власть. Карл хотел опираться на его противников, но они не представляли из себя никакого единства, их связывало только враждебное отношение к Тиссе; среди них значительная часть вообще отстаивала идею отделения Венгрии. Это отсутствие единства обрекало новое венгерское правительство на бессилие, каторое особенно обнаружилось в вопросе избирательной реформы: ее просто нельзя было провести, так как для нее не находилось большинства. Но слабость венгерского правительства нисколько не делала более сильным венский кабинет.

Среди людей, облеченных доверием императора, правда, был человек такого тонкого ума и выдающихся способностей, как Чернин, министр иностранных дел. Он был избран, вероятно, потому, что была известна высокая его оценка со стороны Франца-Фердинанда. Несомненно, что Чернин в более спокойные времена был бы превосходным дипломатом, тонким и проницательным. Более того, нельзя читать его воспоминаний, не поддаваясь обаянию широты его исторического кругозора и способности забыть о всяких мелких личных счетах.

Но это беспристрастие мыслителя, в глазах которого Людендорф и Фош были родственные люди, для которого всякий милитаризм и франко-английский и германский составляет предмет ужаса,—подходили ли эти качества к задачам государственного человека, долженствующего напрягать всю волю для спасения государства и не оставлять самому себе места для сомнений в правоте собственного дела? А у Чернина было слишком много таких сомнений. В сущности он был фаталистом: Австро-Венгрия не могла выдержать такого великого потрясения,—тогда оставался один путь искать мира. Чернин его искал и в то же время постоянно сознавал, что успех здесь невозможен. Можно себе представить, с каким ожесточением нападали на него сторонники войны до победного конца и в Германии и в Австрии. Нужна была вся широта в Людендорфе, чтобы понять человека, столь ему чуждого. Краус видит в нем прямо одного из виновников гибели государства, называет его пораженцем, сравнивает с блуждающим огоньком, который блестит людям, как свет надежды, а в действительности заводит их в болото к гибели. В Чернине, несомненно, была какая-то утонченность, которая граничила с упадочностью: быть может, в нем сказывалась болезнь наиболее интеллектуально одаренных элементов австрийской аристократии, с их космополитизмом и отрывом от всякого патриархального уклада. Но и Чернин испытал на себе моральное слабодушие императора, который пожертвовал им после скандала, вызванного письмом к Сиксту Пармскому, и свалил на него всю ответственность за разоблачение Клемансо. Для Чернина это был лишь новый факт, укоренявший его чувства, что самая монархия в том виде, как она существует в Германии и Австро-Венгрии, уже изжита. Ясно видел он надвигающиеся социальные катаклизмы, зарожденные в несказанных муках войны. Чернин слишком хорошо понимал и чувствовал это разложение старой Австрии, можно сказать, чувствовал его историческую правду, чтобы он мог деятельно с ним бороться.

Таковы были люди, выдвинутые во время войны в качестве руководителей Австро-Венгерского государства. Если, вообще говоря, эта война показала бессилие личности, то все же бросается в глаза здесь различие между Австрией и союзной с ней Германией, а также между Австрией и враждебными ей Францией и Англией, даже Италией. Нельзя придавать личности здесь преувеличенного значения: болезнь, разъедающая австрийский государственный организм, была слишком глубока, чтобы с ней могли справиться люди калибра Клемансо и Ллойд-Джорджа, на которых с таким завистливым почтением озирается Краус. Но самая слабость подбора не есть ли она один из выразительных симптомов болезни?

На этом подборе сказалось все тлетворное влияние того придворного феодального уклада, который мертвым грузом продолжал тяготеть над государственной жизнью Австрии, хотя она в социально-экономическом смысле представляла из себя уже государство буржуазно-индустриального типа. На этих людях, присутствующих при разрушении австрийского государства и этому разрушению невольно содействовавших, лежит поистине та печать безволия, которая для историка служит своего рода гипократовым ликом, предвозвещающим близость смерти.

IV. Внутреннее положение.

Австрия оказалась несостоятельной на войне и в хозяйственном и политическом отношении.

В хозяйственном она уже в первый год стала перед большими продовольственными трудностями. Отчасти это объяснялось тем, что урожай 1914 года был плохой, значительно хуже, чем в 1913 году, притом в Венгрии, которая являлась житницей двуединой монархии. Кроме того, война застала Австрию в разгаре полевых работ: мобилизация оторвала массу рук и лошадей,—нужно было быстро принять меры к сбору урожая и обработке полей, для чего учреждались особые комиссии в общинах, повидимому, однако, не оправдавшие возлагавшихся на них ожиданий. Спекуляция начала показываться чуть ли не с первых дней войны; с другой стороны, еще 1-го августа был издан указ о снабжении населения необходимыми предметами питания. Этот указ давал общинам возможность учитывать все необходимые для питания населения и скота продукты; если община не могла получить продукты добровольным путем, она могла требовать реквизиции; цены при этом определялись особой комиссией из сведущих людей.

Для розничной продажи устанавливались особые предельные цены.

Все эти меры оказались совершеннно недостаточными, и почти через год в июле 1915 года министерство внутренних дел издает циркуляры, требующие от общин энергичной борьбы со спекуляцией. Принимаются меры и к поощрению запашки и обсеменению полей, которые оказались пустующими; снимаются таможенные пошлины с продуктов, ввозимых из-за границы. Воспретить вывоз сельско-хозяйственных продуктов Австро Венгрия не могла, благодаря давлению Германии, которая тоже рассчитывала на венгерский хлеб. Вообще между обоими союзными государствами шла конкуренция из-за припривозного хлеба, особенно румынского, который представлял чрезвычайный интерес в 1915 году, в виду огромного там

урожая. Несмотря на то, что Румыния непосредственно граничит с Австро-Венгрией, и здесь давление Германии отдавало ей львиную долю. Лишь в конце 1915 года заключено было соглашение о дележе продуктов, закупаемых обоими государствами в Румынии. И урожай 1915 года был в Австрии неважен.

Приходилось ограничивать потребление, сначала в австрийской, а потом и венгерской половине. Началось с введения в Австрии запрещений откармливать скот зерном, затем устанавливались нормы потребления хлеба; в марте 1915 года в Австрии введена была карточная система, по тому же пути шла Венгрия, но позже, так как она находилась в более благоприятных условиях. С мясом в начале войны было как будто легче, когда крестьяне стали усиленно продавать скот и приводить его на рынок, но уже к концу 1914 года цены начали расти и пошла еще более сильная спекуляция. Правительство хотело поддерживать скотоводство, но это было тем труднее, чем больше приходилось думать о питании людей; снабжение кормовыми средствами хозяев дало очень мало, вздорожание усиливалось несмотря на борьбу с спекуляцией: ограничивалось потребление мяса, ограничивался и убой скота. Еще чувствительнее оказался недостаток в молочных продуктах. Он поразил группу представителей русского Красного Креста, посетивших Австро-Венгрию в 1915—16 г.: в Вене нет молока даже для детей. Во всех этих отношениях Венгрия была поставлена лучше Австрии, но, хотя она и позднее, она чувствовала те же недочеты, да и урожай 1916 года, на который возлагались такие надежды, не был слишком хорош. Повидимому, и на нем очень сказались и недостатки обработки земли и вообще все изъяны в сельском хозяйстве, вызванные огромным отвлечением рабочих рук для военных целей Дальнейшие ограничения идут и в Австрии и в Венгрии. Еще 15 июля 1915 года весь урожай был секвестрован и вместе с тем установлены твердые цены на хлеб, овощи и просо; однако эти твердые цены, несмотря на сравнительно хороший урожай, пришлось возвысить, что, конечно, объяснялось и обесцениванием денег.

Все это крайне тяжело отражалось на дороговизне жизни. Австрия от нее страдала и до войны; можно было считать одной из главных причин успеха так называемой социально-христианской партии, что она как будто хотела серьезно с нею бороться, во всяком случае выдвигала такую борьбу в первоочередную задачу социальной политики. В данных „Известий особого совещания по продовольственному делу“, собранных Я. М. Букшпаном еще во время войны по австрийским и вообще иностранным источникам, ясно выражается этот катастрофический рост дороговизны, хотя бы в Вене. Там при-

водится, что среднее повышение цен с начала войны, в августе, составляло больше 86%, в октябре свыше 116% и, повидимому, эта кривая шла кверху непрерывно с прогрессирующей быстротой; ее не могли понизить поощрительные и запретительные мероприятия австрийского правительства. В то же время австрийская продовольственная политика, следуя по стопам германцев, далеко не восприняла решительности и планомерности последней. В Германии хлебные карточки были введены в феврале 1915 года, в Австрии только в мае. К таксам австрийские власти прибегали неохотно, ибо за таксами следовало исчезновение продуктов с рынка. Об энергии этой правительственной продовольственной политики отнюдь нельзя судить по указанным предписаниям; важно было, как они исполнялись, а именно в этом отношении австрийский административный аппарат оказался много ниже, чем германский. И в Венгрии раздаются непрерывные жалобы, но Венгрия все же страна более сельская, городское население составляет там меньший процент и жить там было легче. Кроме того, она сумела получить чуть ли не большую часть военнопленных, занятых на сельских работах. Продовольственные волнения докатываются и до нее, но позднее. Не дает желанных результатов и система твердых цен.

Основной недостаток и в Австрии и в Венгрии был тот же, что и в России. Вводили твердые цены на зерно и скот, крестьянин должен был продавать свои продукты по дешевым ценам и в то же время не было заботы обеспечить его мануфактурой, которая неудержимо росла в цене. Возникал хорошо нам известный антагонизм города и деревни, между которыми не могло сложиться правильного товарообмена. По словам Крауса, эта система, построенная на систематической реквизиции продуктов сельского хозяйства, очень хороша в неприятельской оккупированной территории, но она совершенно неприменима у себя на родине. Она закладывает семена гражданской войны. Притом эти цены не были единообразны для Австрии и Венгрии, и характерно, когда в Австрии вводили цену на пшеницу в 38 крон, в Венгрии ее определяли в 42 кроны. Здесь, конечно, выражалось различие более промышленно-буржуазной Австрии и аграрной Венгрии; владельцы латифундий в этой последней представляли из себя силу, перед которой венгерское правительство склонялось, тем более, что венгерская верхняя палата в большей степени, чем австрийская, имела существенное влияние. Но такое различие цен, не имевшее ничего общего с различиями, зависящими от хозяйственных, технических условий, определявшимися причинами социально-политическими, неблагоприятно отражалось на общей регулировке. Между Австрией и Венгрией был ряд соглашений по

продовольственному делу, но объединения инкогда не было достигнуто. Венгрия всегда такое объединение отклоняла.

Опять характерный контраст между Австро-Венгрией и Германией. Последняя провела единый продовольственный план, преодолевая сопротивление таких входящих в нее государств, которые, подобно Баварии, находились в лучших условиях и потому неохотно соглашались на общую разверстку. В частности венгры доказывали, что общая разверстка для них невозможна и несправедлива, Австрия требует хлеба и совсем не дает мануфактуры. В венгерском парламенте постоянно указывалось, что нужно думать о продовольствии, лишь ограничиваясь самой Венгрией, которая также очень истощена войной.

Все это особенно печально отражалось и на продовольствии армии, недочеты которого были так хорошо известны нашим войскам, стоявшим на юго-западном фронте. Ничего подобного в германской организации в снабжении армии в Австро-Венгрии не получилось, несмотря на подражание внешним формам. „Вместо того,—пишет Краус,—чтобы военным образом организовать удовлетворение потребностей, принципиально покупать только прямо у производителя, лучше давая ему высокие цены, обращались к самым неблагонадежным военным поставщикам — актеры оказывались поставщиками обуви, кожи и т. п. товаров“... Эти поставщики военного ведомства не брезговали никами средствами, чтобы использовать конъюнктуру; например, высшие цены на лес стояли в Австрии от 58 до 60 крон, когда в Венгрии уже вздули до 120 крон. Перекупщики доставляли штирийский лес в Венгрию, где он достигал военного управления за двойную цену. Краус приводит и другой случай. Одно имение в Сирмии продавало весною 1916 года 65 быков. Управляющий хотел иметь дело прямо с военными учреждениями и предложил быков для интендантства близлежащей крепости Петерварден. Там отклонили предложение и направили его генерал-губернатору Белграда. Управляющий находил нелепым пересылать быков из Австрии в Сербию и обратился прямо в военное министерство. Через три недели он получил ответ, что нужно обратиться в интендантство в Загребе, но и там предложение отклонили. Через шесть недель он предложил быков одному перекупщику в Оффене, и тот их сейчас же принял. Управляющий получил на 16.060 крон больше, чем он просил с военных учреждений. Конечно, Оффенская фирма с достаточным барышом перепродала этих быков интендантству. В этом ведомстве характерным образом уживался мелочной бюрократизм с удивительной расточительностью. В первые уже месяцы войны военное министерство постоянно выражалось, что деньги не играют на войне ника-

кой роли. То же самое сказывалось и в других отраслях хозяйственной жизни Австрии. Она тяжко страдала от блокады и у ней не было тех средств, которыми располагала Германия, получавшая значительные запасы сырья из скандинавских стран. Уж на втором году войны чувствовался сильнейший металлический и угольный голод. Если бы не маршрутные поезда с силезским углем, то Вена зимою 1915—16 года погрузилась бы во мрак. Очень велик был недостаток и в сырье, служащим для производства одежды: как плохо были одеты и обуты австрийские войска, это опять-таки можно было видеть на русском юго-западном фронте. Развал промышленности сказался в Австри, повидимому, гораздо раньше, чем в России, несмотря на постоянную помощь Германии.

Летом 1916 года правительство принуждено было вступить на путь регулирования производства в частных предприятиях, между тем, как прежде оно ограничивалось преимущественно регулированным потреблением. Указом 22 августа 1916 года правительство получает возможность предписывать промышленникам, что они и как должны производить. Принимаются даже меры против прекращения производства в тех отраслях промышленности, где производятся массовые предметы потребления. Предприниматель может быть принуждаем к продолжению производства или его предприятие реквизуется. Такая регламентация ранее применялась лишь в сельском хозяйстве и горной промышленности, теперь она распространялась на всю обрабатывающую промышленность. Но успех этих мер государственной регламентации требует прежде всего весьма совершенного административного аппарата, которым, как оказалось, Австрия не располагала. В противном случае, не достигая успеха, они только вызывают новое раздражение против власти, которая как бы приняла на себя ответственность перед населением за удовлетворение его хозяйственных нужд. Так случилось и в Австрии, где регламентация шла дальше, чем в Венгрии, хотя последняя в смысле обрабатывающей промышленности стояла гораздо слабее.

К этому надо прибавить и расстройство транспорта, вполне определившееся еще зимою 1915—16 года. И австрийская и венгерская сети были недостаточно развиты для целей войны и не обладали достаточной провозной способностью. Остро почувствовалась и слабость подвижного состава, паровозов и вагонов. Краус с возмущением говорит о том, какая вакханалия шла с вагонами, как при недостатке достаточных перевозочных средств строились вагоны-рестораны и т. д. Но главное было все же не эти злоупотребления, а техническая немощь и растущий кризис топлива на железных дорогах. Эта немощь очень сказалась, когда открылось прямое сообщение

Германии с Константинополем через Австро-Венгрию, сообщение, на которое германцы возлагали такие надежды.

Наконец, нужно помнить и бедственное финансовое положение Австрии, которое хорошо было известно еще во время войны и которое сказывалось в катастрофическом падении кроны. Германия препятствовала этому падению валютными займами, но зато наложила руку на австрийский золотой запас. Обесценение денег в Австрии сказалось раньше, чем в какой-либо другой великой державе, ведшей войну, и, конечно, само содействовало растущей дороговизне. Весьма дурным признаком считали, что австро-венгерский банк с начала войны прекратил публикацию своих отчетов. Вообще в Австрии распространены были самые пессиместические предположения о ее финансовом будущем, и этот пессимизм с своей стороны, подрывая доверие к деньгам, нарушал кредит и являлся источником дальнейшей дезорганизации хозяйственной жизни. А она, проявляясь и в арми и в тылу, чрезвычайно обостряла то утомление войной, первые признаки коего почувствовались уже после галицийских поражений 1914 года.

Что сказать о подготовке в социальном смысле? Австрия, как и все прочие европейские государства, переживала все противоречия капиталистического строя. Правда, ее рабочее движение не носило того организованного и мощного характера, какой оно имело в Германии. Австрийская промышленная жизнь далеко не достигла такого развития. Здесь не было чего-либо подобного рейнско-вестфальскому району и Селезии. Вена не могла в фабрично-заводском отношении сравниваться с Берлином. Более высокая ступень индустриализации достигнута была только в Богемии. Рабочее движение сталкивалось с стремлениями мелкой буржуазии, имевшими за собою в Австрии большие городские слои, как это обнаружилось на успехах христианско-социальной партиии в связи с введением всеобщего избирательного права.

Сама австрийская социал-демократия устами своих влиятельных сочленов признавала относительную скромность своих задач. Реннер говорил, что социальный переворот в Австрии не мог бы рассчитывать на успех, если бы он раньше не совершился в Германии. И здесь Австрия, оказывалось, должна идти за своей союзницей? Но не подлежит сомнению, что стихийная сила рабочего движения в Австрии была далеко недооценена вождями социал-демократии. С самого начала войны они стали на точку зрения поддержки этой войны. Это не могло сказаться так наглядно, как в Германии, рейхсрат бездействовал и правительству нечего было считаться с возможностью парламентской оппозиции, отказа в военных кредитах и т. п. Но все же принятие войны вождями австрий-

ской социал-демократии было бесспорным фактом, отражающимся и на психологии рабочих масс. Если бы этого принятия не было, можно думать, что самый процесс разложения старого государства, столь очевидный уже в 1917 г., сказался бы гораздо раньше. Повидимому, самое убийство Штюрчка Адлером было попыткой выбить австрийскую социал-демократию из той позиции, которую заняло большинство ее представителей, поставить ее перед совершившимся фактом разрыва.

Наконец, Австрия вступила в войну при ряде ожесточенных национальных антагонизмов. Война их не только не смягчила, но безмерно обострила. У австрийских народов вовсе не оказалось сознания общего государственного интереса, который они должны были защищать; напротив, среди многих из них росло несомненно пораженческое настроение. Роковым здесь являлось то обстоятельство, что победа Австрии полагала победу Германии, а эта последняя истолковывалась, как перспектива германизации всех австрийских не немецких народностей. Немецкие пангерманисты с их толком о едином срединном царстве, с их отношением презрения и, можно сказать, ненависти к чехам лишь усиливали это настроение.

Самые мероприятия, которые принимались австрийским правительством в смысле ограничения употребления национальных языков и которые едва ли можно было примирить знаменитым параграфом конституции о праве всех народностей на одинаковую заботу и защиту, заставляли предполагать грядущую германизацию Австрии.

С другой стороны, правительство могло бы ссылаться на движение среди этих народностей. Среди чехо-словаков были нескрываемые симпатии в сторону держав согласия, они сказывались и в армии. Ряд чешских полков (11. 28. 36. 88.) сдавались сербам и русским или начинали открытое возмущение. Русские приказы по частям отмечали эти переходы чехов. В приказе по 48. нашей пехотной дивизии говорится: „Чехи принесли ту пользу нашим войскам, которую может принести лишь работа таких мужественных и доблестных воинов, горящих любовью к своей порабощенной родине и проникнутых желанием добыть ей свободу даже ценою своей жизни... Да живет свободная Чехия. Наздар“. То же самое происходило и на французском фронте. Возбуждение шло по мере того, как преследования постигали чешские национальные организации, закрывались союзы чешских и словакских соколов, закрывались чешские газеты и приказом наместника Чехии 15 января 1915 года единственным официальным языком признавался немецкий. Чешские партии радикалов и национал-социалистов уже в первый год кампании выставили требование государственной независимости Чехии. Вожди

национал-социалистов Клофач был арестован; знаменитый ученый и публицист Массарик, вождь так называемых реалистов, должен был эмигрировать. Более того, обвиненным в государственной измене оказался Крамарж, который всегда боролся с радикальными стремлениями Клофача и отстаивал прочную связь Чехии с Габсбургской монархией. И он не мог противиться общему течению, был арестован по обвинению в том, что поддерживал сношения с чешскими изменниками в России, и присужден к смертной казни, которая, впрочем, не была приведена в исполнение вследствие помилования, данного Францем-Иосифом. Австрийские немцы говорили, что вся изменническая политика чешских лидеров изобличена была на этом процессе. Наместник Моравии Блейлебен вел еще более суровую политику, но все это вело лишь к тому, что в Париже образовался чешский национальный совет, в который вошел и Массарик и который вступил в сношение с французским и английским правительством. Антанта в нем признала как бы зародыш будущей независимой Чехии, которая должна образоваться после победы союзников.

На юге такие же явления замечались среди сербского населения империи. Был ряд грандиозных судебных процессов над лицами, обвинявшимися в участиях в разных тайных обществах и сношениях с „народной отбраной" Сербии. Особенно характерен в этом смысле судебный процесс, начавшийся в 1915 году в Баньялуке, где сами судьи доказывали подсудимым, что при их настроении они должны были стремиться, чтобы все славянское и сербо-хорватское население объединялось в единое государство. Австрийцы могли опять-таки ссылаться на измену в войсках, составленных из юго-славов: насколько мало было можно доверять многим из их воинских частей, видно из книги Крауса. Образовались юго славские комитеты за границей: в Риме, Париже, Лондоне и Женеве. В мемуаре, который выработал парижский комитет и представил в мае 1915 года Делькассе и Извольскому, прямо проводилась программа образования единой независимой Юго-Славии, с населением свыше 12 миллионов. Тот антагонизм, который раньше существовал между православными сербами и католиками хорватами и который начал ослабевать в Хорватии еще до войны, когда сербо-хорватская коалиция стала одерживать победу на выборах, теперь совсем стушевывался. И по словам Крауса, этот юго-славянский ирредентизм был для империи еще опаснее, чем итальянская ирредента. Эти опасности были изложены в мемуаре командующего австрийским юго-западным фронтом, посланном в ставку. Здесь говорилось, что, хотя масса населения верна, но юго-славянская интеллигенция, в особенности учителя, совершенно заражены сепаратизмом, нужно энергически против

них действовать. Ставка переслала этот доклад министру-президенту, состоящий при котором известный австрийский ученый и писатель Цольгер дал резкую отповедь: юго-славянская интеллигенция в общем верна монархии и только утеснение и бестактности властей, в том числе и военных, дают пищу ирредентизму. С другой стороны, Антанта в общем относилась весьма благосклонно к этим планам образования независимой Юго-Славии, в особенности с осени 1915 года, когда на стороне серединных империй выступила Болгария: нужно было ей противопоставить достаточно сильную Сербию. Трудность положения заключалась здесь сравнительно с Чехо-Славией в том, что Юго-Славия сталкивалась с притязаниями одного из членов Антанты—Италии. Известно, какая ожесточенная полемика велась между сербской и итальянской прессой и насколько обострились отношения между двумя этими государствами из-за дележа земель, расположенных у Адриатического моря—из-за Фиуме, Триеста, Истрии и Далмацинского побережья.

Можно было думать, что Австрии удастся использовать этот антагонизм. В последние годы перед войной в Истрии и Далмации проводилась политика известного покровительства славянскому языку в ущерб итальянскому, политика, которая в общем отвечала и результатам выборов. Среди представителей австрийских военных кругов, особенно враждебных против Италии, которые в их глазах являлись национальным династическим врагом, указывалось на то, что в случае войны южно-славянские элементы будут одушевленно бороться против итальянцев.

Известно, что итальянское правительство, объясняя свое вступление в войну в 1915 году, указывало, между прочим, на притеснение со стороны Австрии итальянского населения в Триесте и вообще на Адриатическом побережьи.

Можно было ожидать, что южные австрийские славяне отнесутся к войне с Италией как к своему собственному делу: не угрожало ли им, в случае присоединения Далмации, чужеземное владычество, может быть, более тяжелое, чем в Австрии, которое двигается по пути к федеративному строю и обеспечению национальных прав? Но в действительности этого не произошло: австрийские сербы негодовали на итальянцев, но не сближались с Австрией, а строили свои планы национальной назависимости.

С другой стороны, национальная пропаганда среди австрийских итальянцев сделала бесспорно большие успехи—еще более в южном Тироле, чем на Адриатике. Триент представлял из себя уже совершенно итальянский город. В присутственных местах почти не слышно было немецкого языка. Путешественников

встречал здесь памятник Данте, воздвигнутый при участии итальянской национальной лиги. Эта лига преследовала явным образом культурные цели—распространение итальянского языка и литературы, организацию кружков самообразования, спорта и т. д., но, несомненно, она была в связи с зарубежными политическими организациями, с тем итальянским национализмом, который особенно расцвел со времени итальяно-турецкой войны. Имя Аннунцио было в устах у ирредентистов и вовсе не только, как имя автора самых пышных и блестящих произведений современной итальянской письменности. Краус говорит, что кружки итальянских велосипедистов представляли из себя превосходное средство широкого военного шпионажа. Надо сказать, что вообще между военными и дипломатическими кругами в этом смысле были постоянные разногласия: австрийские военные интервью относились к Италии с величайшим недоверием и отнюдь не верили в искренность ее союза. И во время войны австрийская ставка предписывала юго-западному фронту искоренить итальянский ирредентизм. Между тем в южном Тироле все местное управление было в итальянских руках. Там говорили в шутку об императорско-королевских ирредентистах. Этому течению ничего не было противопоставлено среди итальянского населения, среди него не было австрофильской партии. Оно знало, что после войны, если Германия и Австрия выйдут победительницами, ему придется расплачиваться за измену Италии тройственному союзу. С другой стороны, было всем известно постановление лондонской конференции, бывшей весной 1916 года, по которой весь Тироль почти что до Инзбурга, во всяком случае севернее Бреннера, отдается Италии. И мы не видим во время войны у австрийских итальянцев какой-нибудь партии „угодовского типа“, стоявшей за австрийскую власть.

Наконец, нужно сказать о поляках, которые считались из всех славянских народов Австрии наиболее верной опорой Габсбургской монархии. Эти отношения были омрачены уступками венского правительства в пользу Украины и русскими победами в Галиции. Весной 1915 года положение как будто исправилось и Львов был возвращен австрийцами; затем последовало занятие германцами русской Польши. Является перспектива как будто бы совершенно другого рода разрешения польского вопроса, чем то, которое намечалось в воззвании Николая Николаевича.

Но здесь создавались новые трудности. Польша должна была получить самостоятельность. В конце 1916 года это было официально признано в Германии и Австрии. 23 октября германский генерал-губернатор Безелер в Варшаве и австрийский генерал-губернатор Кук в Люблине опубликовали сле-

дующее воззвание: „Германский император и император австрийский и король Венгрии, основываясь на твердой уверенности в окончательной победе их оружия и вдохновляясь желанием указать путь к счастливой будущности польским областям, которые их храбрые армии ценою тяжелых жертв отняли у русского государства, пришли к соглашению создать из этих областей самостоятельное государство, под наследственным монархическим управлением и его конституционным устройством. Более точное определение границ королевства польского предполагается в будущем. Новое королевство, тесно примкнув к обеим союзным державам, найдет в этом все гарантии, которые ему требуются для свободного развития его сил“.

Этот акт, к которому с таким осуждением отнеслись в Германии руководители ее военных сил, подобные Гинденбургу, Людендорфу и Тирпицу, по неопределенности своей редакции открывал ряд самых спорных вопросов. Прежде всего о границах Польши. Новое польское государство должно было образовываться только из русских земель, в него не входили ни Познань, ни Галиция. Характерно, что одновременно с декларацией Кука издан был императорский рескрипт относительно Галиции, где последняя противополагалась Польше. „Галиция должна была принести во время настоящей войны многие жертвы, что обеспечивало ей право на мое самое горячее отеческое попечение. Посему мое желание, чтобы в настоящий момент, когда возникает новое государство из русских губерний, Галиции было бы пожаловано право местного самоуправления во всем том объеме, которое согласуется с принадлежностью ее к австрийской монархии. В процветании этой последней галицийское население найдет обеспеченным свое национальное и экономическое развитие“. Значит, при победе срединных империй поляки не могли рассчитывать на воссоздание цельной Польши. Далее самостоятельность польского государства можно было толковать как вступление в федеративное единство с Германией или Австро-Венгрией: юридически ведь и Бавария самостоятельна, но отсюда еще далеко к такой национальной независимости, во имя которой Пилсудский вербовал польские легионы в начале войны против России. Наконец неясно было, с кем же должна соединиться Польша. Во время войны германская и австрийская ее части были разделены непроходимой для мирного населения чертой, и Варшавский режим во многом не походил на Люблин. Правда, существовало среди австрийских поляков течение в пользу прочной связи польского государства с Австро-Венгрией. Горячим сторонником такой „Ягеллоновской программы“ явился профессор Краковского университета Страшевский:

сознательное стремление объединить все малые народности и государства восточной, южной и юго-восточной Европы под скипетром одной династии может парализовать напор Азии и обеспечить влияние западно-европейской и христианской культуры на Востоке", без чего, „Восточная Европа до Одера и юго-восточная до Дуная и Босфора сделается московитской. Страшевский находил такое решение выгодным даже для Германии. Но не так смотрело германское общество; даже умеренные партии, поддерживавшие канцлера против военной партии. Там находили, что Польша, оторванная от Германии, представляет всегдашнюю для нее опасность, является очагом агитации в Познани и т. д. Говорили о создании буферного государства из Польши, частей Литвы и Курляндии, находящихся под экономическим, политическим и военным влиянием Германии. И так как последняя представляла из себя более сильную сторону, то и австрийские поляки могли думать, что это решение, возможно, восторжествует, тем более в самой Габсбургской монархии были сильно убежденные противники этого так-называемого австро-польского решения, напр., Тисса, который в присоединении Польши к Австро-Венгрии видел новый вариант столь ненавистного ему триализма. Он решительно предпочел бы даже связь ее с Германией. В этом не оставляют сомнения его чрезвычайно интересные письма к Чернину, приведенные в книге последнего. Но и среди самого австрийского правительства здесь далеко не было единогласия. Чернин в частности очень жалуется на польских лидеров, что последние хотят связать австрийское правительство определенными обещаниями, данными полякам. Особенно в этом смысле его возмущала агитация Билинского в Варшаве. „Вся наша политика относительно Польши,—телеграфирует он австрийскому представителю в Варшаве.—может состоять лишь в том, что на всевозможные будущие случайности держать дверь открытой". Можно ли после этого удивляться вместе с Черниным, что и поляки „хотели возможно меньше экспонировать себя в пользу одной из групп и в конце примкнуть к победителям. Замечательно, что если в 1917 году в Польше вырастает германская ориентация, то этого никак нельзя сказать об австрийской. Польское германофильство исходит из веры в силу Германии; но никто не верит в прочность и самостоятельность Австро-Венгрии. Что касается до императорского рескрипта об автономии Галиции, то и он отличался крайней неопределенностью. Фактически Галиция давно была автономна. Но автономия в новой форме, юридически обеспеченная, могла носить такой характер, при котором поляки, особенно в восточной части, утратили бы свое господствующее положение в пользу украинцев. Не удивительно, что австрийское

правительство встречает холодное и недоверчивое отношение поляков даже тогда, когда оно в лице хотя бы Клама Мартиница стремится приобрести их симпатии. И император Карл среди своих многочисленных неудач имел также и эту: популярности в польских кругах он не приобрел.

Неудовлетворены были и украинцы. Они с своей стороны подозревали, что галицийская автономия будет задумана в пользу поляков. И если их сдерживал страх перед московской опасностью, зато после русской революции и провозглашения права на самоопределение народов, Галиция уже переставала быть украинским Пиемонтом. Львов уступает место Киеву.

Нужно сказать, что перед всеми народами Австрии задолго до катастрофы вставала перспектива ее расчленения в случае победы союзников. Известно было какие проекты в этом смысле создавались в Англии и особенно во Франции, хотя бы проект создания своего рода коридора, отделяющего Австрию от Венгрии между Веной и Будапештом и соединяющего Чехию с Юго-Славией. Это была реальная угроза, но она действовала не столько в смысле сплочения и защиты австрийского государства, сколько стремления за его грехи не нести ответственности.

При таких обстоятельствах трудно сказать, какая система быстрее вела к разложению государства—управление без рейхсрата или созыв его. Долгое время австрийское правительство считало само собой разумеющимся, что во время войны оно должно иметь свободные руки от парламентской оппозиции. Австрия так привыкла к многочисленным промежуткам между сессиями рейхсрата и господство знаменитого параграфа 14 австрийского органического закона, по которому в эти промежутки правительству предоставляется законодательная и бюджетная власть, что отсутствие парламента не удивляло, хотя оно и ставило Австрию в исключительное положение. В соединенной с нею Венгрии и союзной Германии парламент продолжал заседать. Едва ли австрийское правительство выиграло что-нибудь от того, что оно не подвергалось парламентской критике. С другой стороны, когда Кербера сменил Клям Мартиниц и он созвал рейхсрат, этот акт казался также не мотивированным: получалось что-то в роде капитуляции правительства. „В 1915 году,—говорит Крамон,—подъем, вызванный победами над Россией и Сербией, вероятно бы сказался и в парламенте; в 1917 году хозяйственные лишения уже действовали достаточно угнетающе на настроение, и работа враждебных к государству элементов приобретала все новую и новую почву“. Во всяком случае созыв парламента требовал правительства, которое знало бы, чего оно хочет, и выступило бы с ясной программой. Но этого не было и в

помине. Тотчас же оказалось, при прохождении бюджета, что отдельные национальные партии вовсе не хотят безоговорочно вотировать правительству кредиты, необходимые для войны, а напротив, желают использовать его трудное положение. Клям Мартиниц должен был покинуть власть, так как польские группы обставляли свое согласие поддерживать кабинет такими требованиями, на которые он не мог пойти. С этого времени и до конца монархии венский рейхсрат представлял из себя несомненное орудие государственного разложения. Чешские депутаты открыто говорили о геройских подвигах чешских легионеров, сражавшихся на стороне Антанты. Представители Юго-Славии упоминали о создании независимого государства, имеющего объединить австрийских и балканских сербов, как о неизбежном результате войны. Поляки были холодны и не скрывали, что дела Австрии, как таковой, их не интересуют. Пангерманисты продолжали отличаться обычной невоздержностью языка и осыпали оскорблениями другие национальности, представители коих отвечали им той же монетой.

Если оказывалась несостоятельной старая монархия, то не больше надежд можно было возлагать на буржуазный парламентаризм.

Мы имеем меньше источников, позволяющих судить о внутреннем положении Венгрии. Повидимому, и во время войны здесь национальная рознь, подавляемая мадьярским шовинизмом, не так давала себя знать. При кабинете Тиссы никакие реформы, изменявшие положение национальности Венгрии, не могли рассчитывать на проведение. Несмотря на все представления австрийского министерства, Тисса решительно отвергал возможность дать какую-либо автономию трансильванским румынам. Режим Тиссы был режимом несомненной олигархии, опиравшейся на единую сильную партию, с определенным классовым отпечатком. Со времени его отставки начинается разложение этой олигархии. Появляется коалиционное большинство, в котором постепенно первенствующую роль занимает радикальная группа Карольи. Перед Венгрией открылась перспектива более демократического строя и более коренной избирательной реформы, но в то же время чрезвычайно обострился вопрос о ее отношении с Австрией.

Венгрия вообще сыграла роковую роль во многие минуты войны. Нельзя, конечно, забывать, что она дала, быть может, лучшие войсковые части общей армии, что доблесть венгерских войск вызывала самую сочувственную оценку со стороны даже тех немецких военачальников, которые вообще были склонны сурово критиковать австрийскую армию. Эта доблесть для будапештского правительства часто являлась только лишним основанием предъявлять новые требования к Вене. Ни

граф Тисса, ни его предшественники никогда не ставили военных интересов Австро-Венгрии выше, чем интересы Венгрии, как самостоятельной единицы. Это особенно ярко проявлялось, как мы видим, в хозяйственной области, и не менее явственно сказывалось в военно-политической. Краус приводит поразительный пример того, как нельзя было построить стратегическую железную дорогу к Адриатическому морю потому, что она угрожала интересам Фиуме и поэтому венгерское правительство ей противилось. Граф Тисса отказывал военному командованию в праве строить железную дорогу в 200 километрах сзади фронта. В конце-концов военная власть одержала верх, и дорога была построена, но ценою какой внутренней борьбы!

Всего более эта обособленность Венгрии сказывалась в ее отношении к различным проблемам внешней политики. Основным критерием здесь оставалось то же начало: господствующее положение мадьяр среди других народов Габсбургской монархии. Неприкосновенности этого начала приносилось в жертву все.

Неуступчивость Венгрии, если не была причиной того, что Румыния вступила в войну на стороне Антанты, то, конечно, этому содействовала. Чернин, который хорошо знал румынские отношения, указывает, что партия, дружелюбная срединным империям,—хотя дружелюбная в весьма относительном смысле,—готова была бы им содействовать на условии присоединения к Румынии Семиградии и части Буковины. Это было гораздо меньше того, что предлагала Антанта, но зато вернее. И такой план перед вступлением Румынии в войну поддерживал Майореску. Но венгерское правительство не хотело об этом и слышать, несмотря на то, что на него оказывали давление не только из Вены, но и из Берлина. Впрочем, правительство, по конституции и не могло бы согласиться на отчуждение части венгерской территории без согласия парламента, а последний подобного согласия никогда не дал бы. То же самое венгерское правительство, однако, всецело поддерживало в начале 1915 года предложение, исходившее от Германии в пользу Италии; отчуждение австрийских земель казалось вполне допустимым. А когда Италия все-таки объявила войну, то в мадьярской прессе при всем ее патриотическом тоне чувствовались ноты некоторого недовольствия по адресу Австрии: она была слишком скупа и благодаря этому партия Джиолитти, партия нейтралитета, потерпела поражение. И в польском вопросе Венгрия ничего не имела против уступок со стороны Австрии, хотя, с другой стороны, она решительно отказывалась от каких-либо жертв, дабы примирить Сербию. Здесь явственно обнаружились все трудности единой

внешней политики двух государств, которые так слабо связаны.

И эта связь не укреплялась общей военной опасностью, а ослаблялась. Венгерские политики ясно понимали, что счет за войну должна уплатить Австрия. По мере того, как падали шансы на победоносное ее окончание и можно было думать, что в лучшем случае она кончится нивчью, в Венгрии ясно определились два течения: одно было представлено Тиссой— так называемая партия 67 года, отстаивающая дуалистическую связь Австрии и Венгрии. Эта партия оставалась верной традиции Деака, который полагал, что все интересы Венгрии могут быть соблюдены при ее унии с Австрией и, кроме того, эта уния представляет из себя, хотя бы внешним образом, результат мирного развития австро-венгерских отношений. К этой партии примыкали и многие венгерские монархисты, потому что им казалось, что выбор новой династии представляет значительную трудность: Венгрия независимая не рискует ли стать Венгрией республиканской? Им указывали, например, в Норвегии, которая отделилась от Швеции, и все же путем всенародного голосования высказалась за монархическую форму правления. Но чем дальше шла война, тем больше выступала на первый план другая партия, написавшая на своем знамени 48 год—год венгерской революции. Тогда, говорили ее представители, среди общего потрясения Европы Венгрия встала за свою независимость и получила бы ее, если бы мужественные соратники Кошута не были раздавлены русскими войсками. Теперь для Венгрии представляется возможность получить то, чего она не могла получить после 48 года. Австрия только ее компрометировала. Несомненно, что отставка графа Тиссы, самого яркого представителя партии 67 года, была крупным выигрышем для дела венгерского сепаратизма.

Нужно помнить, какое обширное место не только в территориальном смысле, но и в смысле хозяйственном и политическом занимала Венгрия среди других земель Габсбургской монархии, как тесно сплелись различные государственные проблемы двух половин империи, как бы их ни разделял конституционный текст, чтобы понять, насколько разлагающе действовали и это исключительное преследование со стороны венгерского правительства во время войны ее интересов и ее растущее отчуждение от Австрии. Не только австрийские военачальники и государственные люди, но и их союзники в Германии видели здесь одно из самых роковых условий для общей военной судьбы серединных империй.

V. Австрия в союзе с Германией.

Вместе с внутренним положением Австрии ее военная судьба всего более определялась характером ее союза с Германией.

Этот союз возник в мысли Бисмарка, как средство обеспечить Германию против исключительной ее зависимости от России. Сам лично он был большой сторонник сохранения традиционных отношений, существовавших между петербургским и берлинским двором. Менее всего он хотел, чтобы инициатива разрыва исходила от Германии и чтобы австро-германский союз открывал путь австрийскому империализму. Он вообще склонен был придавать этому союзу весьма ограниченное значение. Положение изменилось с новым курсом, который приняла германская политика после отставки Бисмарка. Началось определенное отчуждение между Россией и Германией, разумеется, усиленное заключением франко-русского союза. И среди различных политических кругов, которые настроены были скорее враждебно к России, а к таковым принадлежали в общем центральные и левые партии, соответственно вырастает оценка значения Австрии для Германии. Такие писатели по международной политике, пользовавшиеся широким авторитетом, как Дельбрюк и Рорбах, особенно настаивали, что Германия всячески должна поддерживать Австрию против панславистских поползновений, идущих из России. Склонность к сближению с последней замечалась скорее в правых кругах, особенно у прусских консерваторов. Замечательно, что здесь было и некоторое территориальное разграничение. Восточно-прусские аграрии, хотя их экономические интересы требовали высоких пошлин на русский хлеб и вообще резко расходились с интересами земледельческой России, политически сочувствовали ей, как опоре монархизма и порядка в Европе. Наоборот, западная, особенно южная Германия, тяготела к Австрии. Германское правительство, которое стояло у власти войны во главе с Бетманом-Гольвегом, также вполне усвоила этот взгляд на первенствующее значение для Германии сохранения союза с Австрией. Значение именно политическое, ибо экономически Германия была заинтерессована в Австро-Венгрии относительно гораздо меньше, чем обратно. Лишь 9% германского экспорта направлялось в Австро-Венгрию; напротив, из общей суммы австро-венгерского вывоза 42% падало на Германию.

Иное настроение было в германской военной среде даже до войны. Здесь высказывались всегда известные сомнения в военной прочности Австрии. Их, повидимому, не чужд был и знаменитый Бернгарди. Война эти сомнения целиком подтвер-

дила, разочарование в австрийской армии сказалось уже после галицийских поражений. Это разочарование явственно сказывается и у Гинденбурга, и у Людендорфа, и у Тирпица. Людендорф более осторожен и объективен в оценке, Тирпиц сразу выражает горькое сожаление, что Германия так неосторожно связалась с Австро-Венгрией. Особенно в этом смысле характерен его дневник, приложенный к воспоминаниям. Если Тирпиц с первых месяцев смотрел так пессимистично на войну, то безнадежная, как ему казалось, слабость и военная неспособность Австрии являлись одним из главных источников подобного пессимизма. Военные начинают обвинять политиков за союз с Австрией. Главная ошибка последних лежит в том, что между Германией и Австрией не заключено было никакой военной конвенции, Германия не знала, на что она может рассчитывать и не могла предъявить необходимых требований. Подобная военная конвенция связывала с 1892 года Францию и Россию, и оба эти государства вступали в войну с открытыми глазами. Вместе с этим именно у военных писателей, у Людендорфа и Тирпица, мы встречаем, к сожалению, что германское правительство упустило все случаи заключить сепаратный мир с Россией. Если политики в глазах военных так переоценили Австрию, то они совсем недооценили Россию.

Чувство, что Австрия является тяжелым грузом для Германии и что ее приходится постоянно выручать, сообщилось и более широким слоям германского народа. За галицийскими поражениями последовали сербские неудачи, за ними выступила Италия, которая подчеркнула, что она ведет войну с Австрией, а не с Германией. Правда, с весны 1915 года открывается период больших успехов срединной коалиции на фронтах, соприкасающихся с Австрией. Но опять-таки эти успехи достигнуты благодаря германской помощи. В Германии слагается убеждение, что германские войска безусловно необходимо присоединять к австрийским частям, иначе последние чуть ли не обречены на поражение. И если на Балканах дело улучшилось с присоединением Болгарии, то ведь и Болгария примкнула лишь под влиянием германских побед. Когда встал вопрос об общем командовании в 1916 году, болгарские генералы весьма нелестно отзывались об австрийцах.

1916-й год принес австрийцам некоторое удовлетворение, они одержали блестящую победу на Азиаго: в несколько дней было взято 30000 пленных и около 300 орудий. Австрийская армия, как лавина катилась с Тирольских гор на Венецианскую низменность. Но и эта победа, для которой пришлось с русского фронта снять тяжелую артиллерию, не принесла желанного результата: наступление опоздало на несколько дней

и итальянцы успели укрепиться на кряже Приофоре. А главное вслед за этой победой австрийскую армию постиг величайший погром после Луцкого прорыва. Брусиловское наступление развивалось молниеносно, не встречая никакого сопротивления: именно эти дни показали всю роковую слабость австрийской армии не только Антанте, не только даже Германии, но и самим австрийцам.

Луцк переживался, как второй Седан. Кроме того, если русское наступление не вывело Австрию из войны, то лишь благодаря тому, что русский юго-западный фронт не был поддержен западным и северным, а с другой стороны, опять выручать пришлось Германии. Последствием чего явилось вступление в войну Румынии, которая опять-таки начала войну именно против Австрии.

Опять пришлось освобождать оккупированные румынскими войсками области Германии, и она нанесла Румынии сокрушительный удар.

Наконец, в октябре 1917 года счастье, казалось, улыбнулось австрийской армии. Произошел прорыв при Тольмеин-Флитче. Наступление было назначено на 15 октября, затем отложено на 22 и вследствие дурной погоды перенесено на 24, обстоятельство, которое, впрочем, оказалось благоприятным, ибо и здесь обнаружилось, какие неверные элементы заключает в себе австрийская армия: итальянцы были осведомлены о первоначальном сроке наступления через чешских перебежчиков. Наступление развивалось настолько успешно, что австрийская армия не остановилась на Тальяменто, как раньше предполагалось, но перешла эту реку и достигла почти берегов Пьяве. Успех крупный, но не решающий, и он не вывел Италию из войны, как, повидимому, это было возможно. Краус утверждает, что если бы австрийцы во-время перешли на левый берег Тальяменто и уничтожили мосты, то третья итальянская армия, оставшаяся на восточном берегу, попала бы в безвыходное положение. Кроме того, во время этой операции, по его словам, был день, когда можно было взять в плен и герцога аостского и самого короля с персоналом верховного командования. Австрийцы могли сделать итальянцам форменный Седан. Этого не случилось, благодаря нерешительности высшего командования. Роковым обстоятельством явилось то, что Арц отвергнул план Конрада, поддержанный здесь германскими военными — приготовить наступление одновременно со стороны Изонцо и из Тироля. Однако немцы здесь не оказывали особенного давления, как часто делали на русском фронте: они привыкли считать итальянский фронт специально австрийским. В конце ноября австрийский штаб вернулся к плану Конрада, но было уже поздно: состояние дорог Тироля мешало всякому

быстрому передвижению. Кроме того, в тылу итальянцев появились сильные подкрепления союзников.

Крамон указывает, что в наступлении немецкие войска принимали значительное участие. Но не в этом дело: в подавляющем большинстве были все же австрийские военные части и все командование было австрийское. Никто не оспаривал высоких воинских качеств, проявленных здесь австрийской армией. Но все же оставалось разочарование: с Италией дело было не окончено. Австрия еще меньше сумела использовать военное счастье, выпавшее ей на долю, чем Россия во время брусиловского наступления. Организация и командование не стояли, очевидно, на высоте. „Во время многочисленных путешествий с императором Карлом,—пишет Крамон,—я имел возможность узнать весь итальянский фронт. Я пришел к твердому убеждению, что человеческий материал австро-венгерской армии не уступал материалу других держав и не заслуживал часто делаемых ему упреков. На суровой каменистой и скалистой почве, которая в невыразимой степени затрудняла возведение защитных сооружений и увеличивала действие вражеского огня, среди льда и снега, на высотах, доступных только альпинистам, при самых тяжелых условиях для смены и при недостатке в необходимейших вещах, эта армия совершила великие дела. Но корпус офицеров и военные управления не сумели сделать из этого хорошего материала, то, чего можно было бы достигнуть при более живом интересе к делу, более крепкой дисциплине и длительной подготовке. Выражение „Schlamperei“ характеризует эту соблазнительную распущенность, в которой веселая беззаботность соединяется с фатализмом Востока. И если самая тяжкая нужда не могла устранить это „Schlamperei“, то можно видеть, как глубоко проникла распущенность в кровь народа. Как не кажется это нелепо—ею почти гордились“.

Эти недостатки организации дисциплины признавались и австрийцами. Они были связаны с оторванностью австрийского командного состава от войсковых частей, повидимому, значительно больше, чем в германской армии, в особенности оторваны оказались штабы. Чернин признается, что австрийский генеральный штаб пользовался крайней непопулярностью в армии: его офицеров почти ненавидели; в них усматривали совершенно незаслуженных баловней судьбы.

Эти штабные люди не показывались там, где угрожала опасность, да и вообще персонал австрийского военного командования не отдавал себе достаточного отчета, насколько его появление на глазах у сражающихся имело бы значение. В частности немцы всю ответственность за неудачу австрийской армии были готовы возлагать именно на офицерский корпус,

и там, где войсковые части обоих государств стояли рядом, постоянно вспыхивали ссоры, вызванные высокомерными и презрительными отзывами немцев.

Несомненно, что в жизни австрийских штабов, в жизни австрийской ставки было много нездорового. Все недочеты особенно сказывались, когда ставка переехала из Тешена в Баден— этот привлекательный курорт, где было столько отелей и кафе, где люди привыкли проводить время весело. А тут еще прибавилось эта изнеживающая, деморализирующая атмосфера двора, которая так чувствовалась особенно при Карле. Эта атмосфера поражала своим легкомыслием, и сам император более радовался возможности раздавать направо и налево терезианские кресты и другие военные награды и привлекать к себе сердца, иногда вовсе не лучших офицеров, чем думать о бесконечной серьезности положения. Так как в Германии было известно, что Карл далеко не является таким непреклонным сторонником союза Австрии с нею, как Франц - Иосиф, то немецкие критики тем более были склонны ставить в вину императору эту распущенность и небрежность, свойственную австрийской армии.

Организация австрийской армии сама по себе представляла крупные недочеты, которые не могли скрыться от союзников. В частности указывалось на чрезвычайные злоупотребления ландштурмом, связанные тем, что с самого начала у австрийцев не было достаточно линейных войск. Можно было весьма обмануться в оценке боевой способности армии, которая постоянно пополнялась этими ландштурмами. Краус относится весьма отрицательно к австрийским вновь образуемым ландштурменным частям. Офицеры и солдаты здесь друг другу чужды, солдаты находятся уже в довольно зрелом возрасте, офицеры и унтер-офицеры не имеют никакого опыта.

Подобная масса, введенная в бой, не оказывает никакой стойкости. Он приводит в пример кроатскую ландштурмовую бригаду, которая вся состояла из людей не моложе 33 лет. Эта бригада, состоявшая из 12 батальонов, имела при себе только одну батарею из шести орудий, так что одно орудие приходилось на два батальона. В то же время германская дивизия из 12 батальонов имела 72 орудия, т.-е. 6 орудий на батальон. В качестве начальника штаба фронта Краус отдал строгий приказ употреблять маршевые образования только в качестве резерва и в особенности не вводить в бой их, как цельные единицы. Тем не менее во второй битве на Изонцо маршевый полк 48. пехотной дивизии был употреблен у Сен-Микеля для контр-атаки против вторгнувшегося врага, т.-е. для чрезвычайно трудной задачи. В то же время превосходные, хорошо спаянные батальоны 48. дивизии стояли перед Горицей, в

местности неприступной по природе и почти недоступной для неприятеля вследствие действия флангового артиллерийского огня. Это безрассудное употребление ландштурма, являлось, повидимому, одной из главных причин австрийских неудач и представляло контраст с продуманным и методическим употреблением соответственных частей германской армии.

Недовольство Германии вытекало не только из этой необходимости постоянно приходить на помощь слабеющему союзу. Германия рассчитывала на некоторую хотя бы помощь от Австрии на западном фронте. Быть может, появление австрийской горной артиллерии в Эльзасе в первый период войны в Вогезах имело в этом смысле некоторое символическое значение. Французы, ссылаясь на это появление, объявили войну Австрии. Но в действительности никакой сколько-нибудь реальной помощи от австрийцев получить было нельзя.

Германское верховное командование предлагало также перевести австрийские дивизии, стоявшие в резерве на юго-западном фронте и не употребленные в деле ни на Пьяве, ни в Тироли, на русский фронт. Освободившиеся там германские силы могли бы быть переброшены там на западный фронт. Австрийцы предпочитали отпустить немецкие части, сражавшиеся в Италии, что весьма задело германское верховное командование. Немцев отпускают после того, как они сделали главную работу. Может быть, здесь действовали и некоторые политические соображения, которые подозревались немцами. Австрийцы предпочитали быть вполне самостоятельными хозяевами на итальянском фронте, который они вообще были склонны считать специально своим. Подобное мнение в частности приписывалось императору Карлу. Немцы были тем более оскорблены таким отношением, что они приписывали Тольмеинскую победу своим частям, с чем, конечно, не соглашались австрийцы.

Австрийской главной квартирой в наиболее ответственные минуты выступления против Италии указывалось, что все части, могущие быть сняты с австрийского фронта, будут отправлены на западный фронт в минуту, когда там будут решаться судьбы кампании. Кажется, это не было формальное обещание, но во всяком случае они были поняты германским высшим командованием за таковые. Между тем с Россией велись переговоры о мире, опаснось востока рассеилась и все внимание германцев с весны 1918 года устремляется на запад. Наступление там действительно должно решить войну. Тогда Крамон обратился с запросом: сколько австрийских дивизий может быть переброшено на западный фронт. Арц отвечал уклончиво: положение на востоке оставалось, по его словам, еще неопределенным. Получалось впечатление, что особенно

император решительно не хотел этой посылки. И среди партий австрийского рейхсрата, за исключением чисто немецких, как и среди австрийской социал-демократии, господствовало совершенно несочувственное отношение к тому, чтобы реально участвовать в войне на западе. Поэтому Арц предлагал в возможно больших размерах заменить австрийскими войсками немцев, стоявших на востоке и перебросить их на запад. Получалось впечатление, что австрийцы просто боятся этих несомненно более тяжелых условий войны на англо-французском фронте. В конце-концов Арц под давлением германских требований заявил, что пока не упрочен мир с Россией и Румынией, он не может дать никаких дивизий, но может послать артиллерию с не очень большим количеством снарядов. Мнение, которое, впрочем, критиковалось среди австрийского командного состава, где также в этом вопросе чувствовался национальный антагонизм; особенно резко нападал на Арца генерал Вальдштетен, принимавший к сердцу интересы Германии, как бы она была его родная страна. Людендорф и Гинденбург, напротив, отнеслись к этому отказу довольно равнодушно. Они оценивали тогда боеспособность австрийской армии весьма низко. Крамон хотел настаивать на требовании, но они его не поддержали. Австрийская артиллерия едва ли была существенной помощью против колоссальных артиллерийских ресурсов союзников. Император Карл писал Вильгельму, оправдываясь в своих переговорах с французским правительством, которые должны были вестись через принца Сикста Пармского и были разоблачены Клемансо: когда австрийские орудия гремят на французском фронте, то все эти разоблачения и попытки посеять недоверие и рознь между союзными империями обречены на неудачу. Но этот гром не заглушил впечатления в Германии, что австрийский император нарушил все союзные обязательства.

Трудно сказать, насколько эти требования германцев по существу были целесообразны и могла ли австро-венгерская армия в 1918 году существенно изменить положение на западном фронте. Может быть, ей следовало оставить задачу защиты самой Австро-Венгрии и борьбы с Италией. Из книги Лимана фон-Сандерса мы узнаем что Энвер-паша постоянно стремился отправлять турецкие войска в Австрию и Германию, но Сандерс всегда его удерживал: лучшую помощь Германии они всегда могут оказать, защищая самую Турцию. Но эти объективные основания не могли изменить широко распространенных настроений в Германии. Там видели только слабость союзника и его склонность уклоняться от выполнения обязательств.

Народы Австро-Венгрии отвечали Германии, если не такой же, то сходной монетой. У всех на устах были рассказы о чрезвычайно высокомерном и вызывающем поведении германцев, поведении, которого не скрывает и Крамон. Когда немцы явились в Семиградию и прогнали оттуда румын, их встречали как избавителей с цветами и колокольным звоном. Но через несколько недель местное немецкое население уже сильно тяготится этими войсками. Об их заносчивости и грубости говорят люди, вообще являвшиеся убежденными сторонниками австро-германского союза.

Там, где австрийские части стояли вместе с германскими, командный состав последних часто подчеркивал свое пренебрежительное отношение к товарищам по оружию. Особенно резкий антагонизм естественно господствовал между германскими и не-немецкими австрийскими частями. Австрийцы жаловались, что только к венграм германцы относятся прилично, а славян и румын они третируют как каких-то низших существ. Самое сознание, что немцы выручают Австрию из беды, уязвляло самолюбие австрийских военных и правящих кругов, если бы даже немцы не подчеркивали этих услуг. После освобождения Галиции от русских весной 1915 года, император Вильгельм сделал торжественный въезд в Львов. При австрийском дворе тотчас же увидали в этом особый умысел: Вильгельм нарочно хотел предупредить посещение города Францем-Иосифом.

Все эти трения особенно сказывались на отношении верховного командования. Во время войны не раз сопоставлялось нерушимое военное единство у центральных держав и отсутствие такого единства у союзников. Эта чистейшая иллюзия, созданная отчасти впечатлением географической сплоченности центрального блока и разделенностью фронтов, на которых стояли войска против германской коалиции. Но отношения между ставками германской и австрийской всегда сохраняли достаточное количество трений. Когда начальником германского штаба очутился Фалькенгайн, он и Конрад не могли найти общего языка. Их переписка представляла из себя постоянную полемику.

Все это сказалось явственно уже летом 1915 года при развитии наступления на Россию, когда окончательно определилось его не восточное, а северное направление. По сознанию самих немецких военачальников в эти дни обнаруживались и огромная способность сопротивления русских солдат и признанное искусство русского командования при отступлении. А австрийцы и здесь не могли закрепить немецких побед. Особенно в глазах немцев слабость австрийского командования сказалась в неудаче наступления по линии Луцк—Ровно.

Они не мало были возмущены тем, что Конрад сравнивал это наступление с виленской операцией Гинденбурга. Общего было только то, что здесь и там происходила операция окружения, но Вильна была взята, а Ровно осталась у русских. Австрийское наступление кончилось только тем, что опять попросили помощи у Германии.

Столь же мало были довольны в Германии австрийскими действиями на сербском фронте. Шли бесконечные пререкания между австрийской и германской ставками относительно того, кому здесь должно принадлежать верховное командование. Дело осложнялось тем, что вступившая в войну Болгария в лице главнокомандующего Ганчева решительно требовала германского командования. Болгары помнили неудачный конец наступления Потиорока на Сербию и были под впечатлением военной слабости Австрии. Наконец, 6 сентября Конрад, Фалькенгайн и Ганчев подписали военное соглашение, в котором значилось, что верховное командование передается Макензену: его задача разбить сербскую армию и возможно скоро открыть сообщение между Венгрией и Болгарией. Однако Конрад чувствовал здесь некоторое поражение австрийского престижа и настаивал на том, чтобы Макензен посылал свои донесения не только германской, но и австрийской ставке. Когда Фалькенгайн указывал, что в этом случае нужно посылать сообщение и в болгарскую главную квартиру, Конрад готов был принять это почти за насмешку, можно ли ставить на одну доску Австрию и Болгарию. Разногласия шли непрерывно. Сербы в Македонии были теснимы с востока и с севера. Нужно было отбросить их в Албанские горы. Конрад убеждал Фалькенгайна направить всевозможные силы на подкрепление идущих с востока болгар. Фалькенгайн ссылался на трудности получения резервов и невозможность передачи болгарам хотя бы нескольких дивизий. Конрад хотел полного очищения Балкан: нужно было захватить Черногорию и Албанию, сбросить союзников в море у Салоник и таким образом оказать надлежащее давление и на Румынию. Поэтому он был возмущен, когда Макензен увел несколько корпусов с фронта и направил их в Венгрию. Фалькенгайн объяснил, что он нисколько не считает обязанным подвергать немецкие войска в Сербии более продолжительным голодовке и сыпному тифу, чем это безусловно необходимо. Несомненно вообще Фалькенгайн не придавал балканскому фронту того значения, которое он имел для Конрада. Вопреки новому соглашению с Конрадом он признал, что среди зимы при непроходимости македонских и албанских гор невозможно продолжать операции до самого Эгейского моря. Условия военного снабжения были чрезвычайно тяжелы. Разногласия, разумеется, не случайны: прежде

всего Фалькенгайн считал балканский фронт второстепенным. А затем для него главнейшей задачей считалось открытие прямого сообщения между Берлином и Константинополем. Раз завоевана была Сербия и Македония, а союзники отогнаны за греческую границу, с германской точки зрения не являлось ли и это достаточным?

То же самое повторилось далее при подготовке наступления на Италию. Для Конрада, как и для австрийцев вообще, это была в наибольшей степени национальная война. Туда рвались и австрийские офицеры, среди которых ходило выражение ген. Хоена: „Только на пальмах вырастают кресты ордена Марии-Терезы". Фалькенгайн относился к этому наступлению несравненно холоднее и всячески ему противился. В частности он решительно отказал для него немецкую помощь; тогда Конрад стал готовиться один. Первые успехи австрийцев произвели, однако, весьма благоприятные впечатления в Германии. Смягчился и Фалькенгайн, пославши поздравительную телеграмму по случаю успешного начала предприятия, которому он так мало сочувствовал. И вдруг оказалось, что успехи на Азиаго привели к катастрофе у Луцка, что без ведома германской ставки австрийцы сняли с луцкого фронта тяжелую артиллерию и направили ее в Италию. Со своей стороны они могли жаловаться, что для германской ставки брусиловское наступление было также полной неожиданностью. Там утверждали, что никаких подкреплений на юго-западный фронт с других русских фронтов не идет. Опять роковым образом сказалась несогласованность действия высшего командного состава.

С необычайной остротой этот вопрос встал летом 1916 года. Конрад упорно не соглашался с тем, чтобы австрийские войска поступили под германское начальство. Это казалось ему значило выдать австро-венгерскую монархию в полное подчинение немцам. Он начинает подозревать Германию в том, что она нарочно не об'явила войны Италии, нарочно щадит Румынию и даже Россию, дабы при неблагоприятном исходе войны рассчитаться с ними за счет Австро-Венгрии. С другой стороны, выступление Румынии создает для последней новую опасность. Между тем, если Австро-Венгрия не хотела единого командования, его давно требовали Болгария и Турция. Энвер-паша и болгарский царь хотели, чтобы таким верховным главнокомандующим был германский император. Эрцгерцог Фридрих соглашался подчиниться последнему, Конрад долгое время был непреклонен. Наконец, под давлением он согласился на то, чтобы установлено было между двумя командованиями обязательность соглашений для всяких основных решений, для установления необходимого

количества войск и для разрешения в каждом конкретном случае вопроса об общем командовании. Но каждое командование сохраняло право уводить свои войска по собственному усмотрению, если этот увод необходим был для цели обороны. Притом и в основных вопросах, если единогласие не достигнуто, то Австрия и Германия решали отдельно. Очевидно, таким соглашением ничего не достигалось и попрежнему все предоставлялось усмотрению каждой из сторон; притом самые условия отличались крайней неопределенностью и расплывчатостью.

Чего не достиг Фалькенгайн, то могли получить Гинденбург и Людендорф. Они выступили 2-го сентября с предложением, которое было принято министерством иностранных дел и верховным командованием Австрии. 6-го сентября его подписали Гинденбург и Конрад. Здесь признавалось, что германский император обладает верховным командованием, не нарушающим, впрочем, державных прав его союзников. Это командование простирается на единство в намечении и проведении операций, вытекающих из общего военного положения Германии и Австрии, на установление общих целей и на определение военных сил, которые должны быть употреблены. Отдельные военные командования (германское, австрийское, болгарское, турецкое) осуществляют распоряжения германского императора; перед каждым важным решением они должны быть выслушаны. Эти распоряжения проходят через начальника германского штаба—верховного главнокомандующего. Железнодорожное дело и снабжение ведаются каждым государством отдельно. Конрад согласился на эти условия, которые он считал чрезвычайно тяжелыми. Но он заставил принять тайную статью, гласившую: „Германский император принимает на себя обязательство при ведении операций и при всех переговорах, касающихся ведения войны, ставить безопасность и неприкосновенность Австро-Венгрии наравне с безопасностью и неприкосновенностью Германии. Если австрийское верховное командование не соглашается с предложениями германского императора, то последний непосредственно обращается к императору Францу-Иосифу. Статья эта была оставлена тайной для того, чтобы не вводить в соблазн других союзников—Болгарию и Турцию—попросить для себя подобных же изъятий.

Впрочем, единство командования в действительности не осуществилось и при Гинденбурге и Людендорфе. Оно вообще не простиралось на итальянский фронт. Его не было даже на русском фронте. Это сказалось даже в лето 1917 года, когда после неудачи наступления на русском юго-западном фронте, союзным империям открылась как будто бы широкая возмо-

жность нанести решительный удар России. До Днестра шел германский восточный фронт, в который входили и австрийские части, далее к югу стояли самостоятельные австрийские группы эрцгерцога Иосифа. Еще южнее имелась группа Макензена, подчиненная германскому командованию. Трудно было усмотреть в этой чересполосности какую-нибудь логику.

Факт тот, что до самого конца войны Германия не достигла стратегического распоряжения всеми австрийскими военными силами. Слишком велико было хотя бы пассивное сопротивление самой австрийской армии. В то же время эта чрезвычайная переплетенность немецких и австрийских частей создавало впечатление, что немцы являются подлинными хозяевами на территории Австрии. Война будет продолжаться, так как этого захочет Германия. Реального единства не было, но известное чувство гнета, которое могло вытекать из его видимости, имелось налицо.

Было и другое. Германцы жаловались, что им приходится снабжать Австрию военным снаряжением, металлом, каменным углем, давать им взаймы на поддержание падающей валюты и т. д. Австрийцам, напротив того, казалось, что немецкие части, расположенные на их территории, их объедают. В частности, еще летом 1916 года, когда в венгерском парламенте господствовал Тисса, оппозиция резко указывала на хозяйственную эксплоатацию Венгрии немцами, которые вывозят из нее хлеб и скот. И чем тяжелее становились продовольственные условия в Австро-Венгрии, тем естественнее было это раздражение. Австрийцы также жаловались на то, что продовольственные запасы Румынии поступают в распоряжение исключительно немцев. Так было, когда Румыния еще оставалась нейтральной, так продолжалось, когда Макензен уже завоевал Валахию. Тем более, что и в этих вопросах немецкие военные власти склонны были проявлять по отношению к союзникам свое высокомерие. Австрийские жалобы вызывали в них презрение. Но из этого презрения рождалась ненависть более слабой стороны, губительная для военного дела.

По целому ряду вопросов между австрийским и германским правительством господствовало не только разномыслие, но и очевидное отсутствие реальной солидарности. Как уже было сказано выше, австрийцы не прощали немцам того, что последние не объявили войны Италии. В сущности это была пустая формальность; немецкие части участвовали в действиях на итальянском фронте и, как опять-таки было сказано, в некоторых австрийских кругах, особенно близких к императору Карлу, в этом участии склонны были видеть лишь некое неизбежное зло. Но для австрийского обществен-

ного мнения образ действия Германии казался проявлением ее равнодушия. Тем более оскорбительного, что и немцы знали условия лондонского договора, по которому в случае поражения Австрии союзники передавали итальянцам чисто немецкие области.

Австрийцы понимали, что действия германского правительства и германских военачальников, вызывающие решимость держав согласия довести войну до полного разгрома противника, будут вменены и им: Австро Венгрия должна будет платить по счетам Германии. С другой стороны, отмежеваться от Германии при наличии не только формального союза, но и фактическими отношениями между армиями германской и австрийской было бы невозможно. Это с особенной яркостью сказалось в вопросе о подводной войне. Известно, какое значение ей придавалось в Германии. Еще в декабре 1914 года адмирал Тирпиц высказывал представителю американской соединенной прессы, что подводная война может создать вокруг Англии голодную блокаду. Он оставался энергичным защитником этого сильного средства, опасного в международном отношениии в глазах Бетмана-Гольвега и стоявших за ним кругов. Именно это опасение последствий подводной войны и нерешительность германского правительства и являлось поводом для самых яростных нападок со стороны так называемой военной партии. Опасность лежала прежде всего в том, что подводная война могла вовлечь в войну Соединенные Штаты. Бетман-Гольвег надеялся, что Америка, страдающая от перерыва морских сношений вообще, страдающая в частности от правил ведения морской войны и со стороны Англии, протестовавшей против этих правил, будет действовать в пользу мира. Тирпиц, с другой стороны, был уверен, что Соединенные Штаты рано или поздно все равно начнут войну против Германии. В конце 1916 года Вильсон действительно выступил с мирными предложениями, и они встретили более резкий отпор среди держав согласия, чем в Германии. Антанта протестовала против того, что ее участие в войне и участие Германии ставилось на одну доску. Император Вильгельм пришел к убеждению, что при таких условиях неограниченная подводная война неизбежна: морской штаб обещал, что 5 месяцев этой войны доконают Англию. Как сказал канцлер Гельферих, рубикон был перейден.

Трудно сказать, что произошло бы, если бы германский император его не перешел. Гельферих доказывает в своей замечательной книге, что и в этом случае Вильсон не мог бы добиться мира. Но с другой стороны, он допускает, что без объявления неограниченной подводной войны, Америка, быть может, и осталась бы нейтральной.

Несомненно лишь, что подводная война не справдала возлагавшихся на нее ожиданий, не привела Англию к сдаче и в чрезвычайной степени содействовала участию в войне Америки, которое оказалось роковым для срединных империй.

Для Австрии вопрос этот представлялся особенно трудным. При весьма незначительном количестве подводных лодок, которыми она располагала в Адриатическом море, ее активное участие не могло быть значительным. Но отказаться от участия в этой подводной войне, раз Германия ее решила—не значило ли подорвать союз? Чернин, который в это время был австрийским министром иностранных дел, предлагал императору такую линию поведения, но сам впоследствии убедился в ее невозможности. Германия настаивала на том, чтобы неограниченная подводная война велась и в Средиземном море, иначе действия в Северном море подводных лодок окажутся недостаточно разрушительными для держав согласия и даже Англии: продукты, продовольствие и снабжение будут итти через Италию, Францию и Дувр. А для того, чтобы вести подводную войну в Средиземном море, Германии нужно было иметь опорные пункты на Адриатическом побережье, принадлежавшем Австрии—в Триесте, Поло, Каттаро. Если Германия будет иметь там эти опорные пункты, то хотя австрийских подводных лодок и не было бы в Адриатическом и Средиземном море—в глазах союзников Австрия оказалась бы соучастницей этого рода войны, вызывающего такое негодование. Помешать же Германии воспользоваться этими базами не представлялось никакой возможности.

Оставалось одно—как-нибудь повлиять на решение германского верховного командования и германского правительства. 20 января 1917 года было совещание в Вене под председательством императора; в нем участвовал Тисса, Клам Мартиниц, тогдашний министр-президент Австрии, австрийский адмирал Гауз, Конрад и Чернин. От Германии присутствовал Циммерман и адмирал Гельцендорф. За исключением адмирала Гауза все остальные представители Австро-Венгрии, в том числе и Конрад, не разделяли точки зрения, принятой в Берлине.

Они указывали, что подводная война вовсе не имеет шансов так быстро привести Англию к голоду и капитуляции, что эта война, напротив, чрезвычайно обострит отношения Америки к срединным державам, всего более испорченные фактами, подобными потоплению „Лузитании“ и „Арабика“, и неизбежно заставит ее выступить на стороне держав согласия; что, наконец, в нейтральных странах это произведет самое дурное и вредное для Германии и Австрии впечатление.

Все было напрасно: немцы приехали с готовым решением, и австрийцы принуждены были ему подчиниться. Даже такой энергичный человек, как Тисса, особенно чувствовавший, что здесь пути Австрии и Германии должны были разойтись, ничего не могли сделать.

Эта неограниченная подводная война была поводом для выступления Америки. Чернин употреблял все усилия, чтобы удержать разрыв с Америкой. Он телеграфировал австрийскому посланнику в Вашингтоне графу Тарновскому не вручать своих верительных грамот прежде, чем война между Америкой и Германией не сделается фактом. Дипломатические сношения между этими странами были прерваны 3-го февраля 1917 года. Австрийский посланник оставался, но Вильсон его не принимал, и он сделать ничего не мог в смысле предупреждения военного конфликта. И Чернин и государственные люди Австрии и Венгрии видели, что война с Америкой представляет для Австро-Венгрии во всех отношениях чрезвычайно тяжелое обстоятельство, тем более, что эта война не вызвана никакими реальными австрийскими интересами. Австрия ее получала лишь потому, что она должна была следовать за решением Германии. И если германское общественное мнение было так разделено по вопросу о подводной войне, то австро-венгерские круги за исключением немногих фанатиков пангерманского шовинизма видели ее пагубность для Австрии, и это обстоятельство, конечно, не могло увеличивать их чувства солидарности с Германией.

Главное, во время войны обнаруживалось различие основных политических целей Германии с Австро-Венгрией. Для Германии основным противником являлась Англия и самая война должна была решить вопрос о мировом положении германской империи, притязания коей угрожали британскому владычеству. Война теснейшим образом была связана с соперничеством обеих держав в судостроительстве и в борьбе за колонии и внеевропейские рынки. Для Австро-Венгрии эта борьба была в сущности ей чуждой. Мировой рост германской промышленности прямо ее не затрагивал и не содействовал в какой-либо мере ее экономическим интересам. Не в нем во всяком случае лежало оправдание австро-германского союза. Австрии был чужд этот заморский империализм и останутся ли западные и восточные африканские колонии за Германией или перейдут они к Англии, будет ли германский флаг развеваться в Киао-Чау и на островах Океании — для Австрии было безразлично. Самое проникновение Германии на ближний восток, в Константинополь, Малую Азию и Месопотамию, не увеличивало существенно австрийского сбыта в этом направлении и попрежнему австрийцев экономически интересовало

более направление через Сербию на Салоники. Ничего не выигрывала, особенно Австро-Венгрия, и от увеличивания германского военного флота. Можно, конечно, сказать, этот флот защищал и ее Адриатическое побережье. Но для этого он не был достаточно могущественным, встречаясь в Средиземном море с английской, французской эскадрой и со всем итальянским флотом. Оборона австрийского побережья гораздо бы лучше достигалась соглашением между Англией и Австро-Венгрией вполне возможным, ибо никакое противоречие реальных интересов эти страны не разделяло. И англичане, наиболее проникнутые перед войной идеей неизбежного конфликта с Германией, вовсе не считали неизбежным распространение его на Австрию.

То же самое можно сказать и относительно борьбы Германии и Франции. Конечно, чрезмерное ослабление Германии, как, напр., оно осуществилось по Версальскому миру, представляло большую опасность для Австрии в ее внутреннем состоянии с искусственным господством немецкой народности. Но останется ли Эльзас-Лотарингия за Германией или вернется она к Франции—это вовсе не затрагивало существенных интересов Австро-Венгрии. Никаких оснований для ожесточенной политической и экономической борьбы между Францией и Австро-Венгрией не было. Франция боролась с Австро-Венгрией исключительно как с союзницей Германии. Должна ли была Австро-Венгрия уничтожать цвет своего населения, подвергать его мукам голода, нищеты и болезней для того, чтобы Страсбург и Мец оставались немецкими городами?

С другой стороны, для Австрии чрезвычайно остро, стояли проблемы, связанные с пограничными ей государствами: Италией, Сербией и Румынией. Но именно эти проблемы были сравнительно чужды Германии. Лондонский договор 1915 года, обещавший итальянцам Далмацию, Триест и большую часть Тироля, угрожал самому существованию Австро-Венгрии. В Германии к нему относились отрицательно, но вовсе не придавали ему такого значения. Конечно, Германия была заинтересована, в том, чтобы Триест оставался в союзных руках и чтобы путь из Гамбурга в Триест не проходил через враждебные государства. Однако, в общем ее интересы на Адриатическом море были сравнительно второстепенны. Что касается Тироля, то отдача немецкого населения под власть Италии могла представляться политическим ущербом. Однако, поскольку это население ранее входило в состав Австро-Венгрии, а мысль об объединении с немецкими частями последней вызывала серьезные возражения, тирольские немцы все равно не имели шансов сделаться германскими гражданами. По существу же Германия была весьма заинтересована политически, особенно

экономически, создать добрые отношения с Италией. Германское „засилье“ перед войной в Италии было общепризнанным фактом. Наличность некоторой немецкой ирреденты в пределах Италии с этой стороны могло даже представляться плюсом в смысле усиления немецкого влияния.

То же самое и в Сербии. Для Германии все эти вопросы о взаимоотношении в Сербии, Болгарии, Черногории и т. д. представлялись довольно провинциальными и мало влияющими на ее основные и ближневосточные интересы. Сербия для нее была важна лишь как этап к Константинополю. Румыния же всегда ею рассматривалась как естественная союзница и полезный противовес притязаниям России на Балканах. Упорство Тиссы и вообще венгерского правительства пойти на территориальные уступки в пользу Румынии и этим удержать ее на стороне срединных империй единодушно осуждалось в Германии. В Австрии и Венгрии, напротив того, жаловались на ее равнодушие к важнейшим и самым непосредственным международным интересам двуединой монархии. Все эти фронта для нее являлись совершенно второстепенными. Важнейшим был румынский, но не столько потому, что дело шло о судьбе Трансильвании, сколько потому, что в Румынии Германия имела свои крупные экономические интересы, притом во многом конкурировавшие с интересами Австро-Венгрии.

Можно сказать, война как будто обнаружила солидарность Германии и Австро-Венгрии в борьбе с Россией. Но в самом ходе этой войны и здесь произошла перемена. Оказалось, что для Германии важнейшим фронтом все же является западный и главнейшим врагом Англия. С Россией возможен даже сепаратный мир. Австрийцы, с другой стороны, увидали, что притязания Италии, Сербии и Румынии для них более опасны, чем даже возможная потеря Галиции. Является готовность выйти из войны с Россией этой ценой и направить все силы на юго-восток, юг и юго-запад. И в Германии и в Австро-Венгрии как будто бы по мере войны открывается даже перспектива грядущего сближения с Россией.

Таким образом между целями войны у Германии и Австро-Венгрии имелось коренное расхождение. Но Германия была сильнее и влекла в своем фарватере Австрию. Понятно, что в последней пробуждается тяга к миру раньше и настоятельнее, чем в Германии.

VI. Искание мира.

Среди изменчивых и капризных настроений Карла было одно, которое кажется не покидало все его короткое, но наполненное такими событиями царство. Это было чувство, что

для Австро-Венгрии затягивание войны является гибельным и что так или иначе нужно из нее выходить. Если для Франца-Иосифа верность союза Германии представлялась нерушимой аксиомой, то для Карла она стояла во всяком случае далеко позади этой необходимости найти мир.

Император в этом отношении сделал удачный выбор, назначив министром иностранных дел графа Чернина. Дело было не только в его личных дарованиях. Ясно каждому, кто знакомится с его замечательными мемуарами. Дело в том, что пафос Чернина, если можно так выразиться, заключался именно в искании мира. Уже во время войны он понимал весь трагизм положения Австро-Венгрии. К воинствующему оптимизму, который господствовал в Берлине, он относился с полным недоверием. В сущности говоря, он был гораздо ближе к первоначальным идеям Вильсона, сказавшимся в обращении американского президента к воюющим сторонам в конце 1916 года, чем к перспективам, которые развивали Людендорф и Гинденбург. Принципиально он ничего не возражал против 14-ти пунктов вильсоновской программы. Право национального самоопределения, казалось ему, является неизбежным дальнейшим этапом в эволюции Австро-Венгерского государства. В частности это самоопределение в корень противоречит лондонскому протоколу относительно будущих приобретений Италии. Вильсоновская программа открывает будущее не только перед чехами и армянами, но и перед ирландцами, украинцами, перед цветными народами Азии и Африки и осуществление ее едва ли не потребует больших жертв от держав согласия, чем от срединных государств. „Для меня,—пишет он,—с первого момента являлось основным вопросом: какие шансы есть у вильсоновской программы быть проведенной в жизнь вопреки Лондону, Парижу и особенно (с австрийской точки зрения) Риму“.

То же самое касалось и завоеваний. В глазах Чернина, несмотря на увлечения германских военных кругов, принцип отказа от завоеваний, почетного мира, в котором не будет побежденных — гораздо более приемлемо для Германии и Австрии, чем для держав согласия. И вообще прием, который встретили эти 14 пунктов в Англии, Франции и Италии, не обещал скорого прекращения войны. Впрочем, Чернин, допускает, что мирное предложение, сделанное не задолго до его вступления в должность его предшественником по министерству, Бурианом совместно с Бетманом-Гольвегом своим чрезмерно резким тоном давало предлог Антанте трактовать его, как новое проявление германского империализма.

С начала 1917 года, однако, появляются неофициальные, весьма неопределенные по своему значению предложения начать разговор о мире. Они делались Вене больше, чем Бер-

лину, вероятно потому, что от Вены ожидали большей уступчивости. Появилось предложение частного лица поговорить о возможности мира с Италисй. Чернин считал нецелесообразным отказываться от таких переговоров и в то же время видел все их опасности. В его глазах Италия фактически не могла заключить сепаратного мира и серьезно этого не хотела. Если бы подобный разговор начался и представитель Австрии стал бы заявлять о территориальных жертвах, на которые она готова, это представляло бы из себя лишь демонстрацию слабости.

Другая более интересная попытка, приведенная у Чернина, исходила от России, почти накануне русской революции. 26 февраля 1917 года к Чернину явилось неизвестное лицо, которое, могло, однако, документально удостоверить свое качество представителя одной из нейтральных держав. По поручению своего правительства оно сообщило, что противники или во всяком случае один из них готов заключить с Австрией мир на благоприятных для нее условиях. В частности здесь не было никаких планов расчленения Австрии и отделение ее от Венгрии и Богемии. Австрийскому министру предлагалось тотчас же сообщить свои условия с оговоркой: предложения данной державы отпадают, если какая-либо из держав, ей союзных или союзных Австро-Венгрии, о ней узнают. Чернину было совершенно ясно, что инициатива исходит из России и собеседник его укрепил в этом убеждении, хотя формально не подтвердил. На другой день Чернин телеграфировал через посредство вышеуказанной нейтральной державы, что Австро-Венгрия готова вступить в переговоры о мире безо всяких приобретений, так как она ведет войну чисто оборонительную. В то же время он спрашивал, идет ли дело о мире только с Австрией или также с ее союзниками, от которых Австрия отделиться не может; вместе с тем он предлагал быть посредником в отношении союзным с Австрией державам. 9 марта пришел ответ, в котором точка зрения Чернина вообще принималась, но оставалось не ясным, идет ли речь только о мире с Австрией. Чтобы не терять времени, Чернин предложил немедленно выслать доверенных людей в нейтральную страну и там вести переговоры. Но на эту телеграмму ответа уже не последовало, а через неделю царь отрекся уже от престола. Рассказ Чернина более конкретен, чем упоминаемые у Тирпица возможности заключения с Россией сепаратного мира в период, когда Сазонов был удален от должности и русским министром иностранных дел являлся Штюрмер.

С другой стороны, русская революция оказывалась новым чрезвычайно существенным моментом международного положения. В странах согласия на нее возлагались надежды в том

смысле, что она устранит в России препятствия к победоносному ведению войны и укрепить волю к победе, ослабленную внутренней борьбой и абсолютизмом. Это настроение, впрочем, быстро изменилось; уже неудача при Стоходе являлась предостережением. Напротив того, в Германии и Австро-Венгрии господствовал взгляд, что революция в России ослабит ее военные средства и увеличит вообще шансы мира. Надо при этом прибавить, что самому Чернину многие лозунги этой революции в области международной политики и по существу не были чужды. Он готов был приветствовать принцип мира без аннексий и контрибуций. Правда, русское временное правительство неизменно повторяло о своей решимости вести войну совместно с союзниками до победного конца. Однако, ни для кого, в том числе для австрийцев, не оставалось тайной существенное расхождение между программой временного правительства и положениями советов, которые являлись гораздо более действительною властью в России. Чрезвычайно характерен был уход Милюкова и отказ от требований Константинополя и проливов. С другой стороны, опыт июньского наступления, которое вначале, казалось, несло такую угрозу Австро-Венгрии, вполне оправдывал оптимизм немцев и австрийцев. Россия может быть поставлена в необходимость заключить мир, а тогда станет вопрос об общем мире.

Чернин ясно понимал, однако, что вопрос этот может разрешаться не Австрией в отдельности и что здесь необходима прежде всего инициатива Германии. Каковы здесь были шансы более здравой оценки положения вещей? Мы знаем в настоящее время, что германские военачальники, с именем которых обычно всего более связывается представление о необузданных завоевательных притязаниях — Людендорф и Тирпиц были вообще большими пессимистами в оценке шансов войны и укреплялись в этих оценках по мере ее затягивания. Они видели, что время работает не для Германии. Тирпиц дает этому чувству более резкое и страстное выражение в своем дневнике; у Людендорфа пессимизм несколько затушевывается спокойным объективным тоном, проникающим его объемистые воспоминания. Но в то же время он был совершенно убежден, что мир может быть приближен только полнейшим военным напряжением. Всякие разговоры о нем, всякие предложения и уступки могут только усилить неуступчивость врага, если одновременно над ним не будет одержана сокрушительная победа. Так думал Людендорф и Гинденбург, так думали люди, в которых воплощалась военная партия. Император Вильгельм колебался. Немецкие мемуары вообще показывают, что он далеко не отличался во время войны непоколебимой решимостью, что он, наоборот, оказывался весьма впечатлитель-

ным и способным поддаваться противоположным влияниям. С какой горечью и негодованием говорит о нем Тирпиц, у которого даже мелькает намек на дворцовый переворот. И Чернин считал, что он будет иметь больше успеха, непосредственно обращаясь к Вильгельму. Главные препятствия были преувеличенные ожидания императора от подводной войны и преувеличенные представления о начинающемся голоде в Англии. Летом 1917 года Чернин вступил в более тесное общение с теми кругами германского рейхстага, которые, как известно, были настроены сравнительно миролюбиво и во всяком случае думали, что нужно использовать момент неудачного наступления России. Он встретил в них более благоприятное настроение ,чем у германского канцлера, который не хотел итти за военной партией, но и не решался взять более определенную инициативу. Особенно сочувственно отнеслись Зюдекуму и Эрцбергер. Последний был руководителем католической партии центра в вопросах внешней политики. А эта партия всегда отстаивала тесную солидарность в ней Германии и Австро-Венгрии. В частности Эрцбергер заявлял себя сторонником мира в духе последовательно проведенных вильсоновских пунктов и решительно возражал против каких-либо завоевательных замыслов относительно Бельгии. План, который сообщил Чернин этим представителям большинства в Рейхстаге, заключался в следующем: утомление Антанты, особенно Франции, создает благоприятную почву для мира, но если он не будет достигнут в ближайшее время, благодаря непреминимым требованиям Германии, то ни Австрия, ни Турция не могут долго продолжать войну, а Германия одна не в состоянии благополучно ее кончить. Австрия готова заключить мир на таких условиях, которые сделали бы возобновление войны невозможным; она будет отстаивать постепенное, но весьма далеко идущее сокращение вооружений на суше и на море. Теперь же австрийское и германское правительства, поддержанные их парламентами, должны совместо заявить о своей готовности: 1) отказаться от каких-либо аннексий и военных контрибуций, 2) предоставить безусловную экономическую и политическую свободу Бельгии, 3) очистить все территории, занятые германскими и венгерскими войсками, по мере очищения германских и австрийских территорий, занятых войсками противников, 4) содействовать всеобщему разоружению и созданию гарантий против возможности второй войны. Предложения эти были встречены центральным и левым крылом рейхстага весьма сочувственно и несомненно содействовали тому, что рейхстаг принял известную резолюцию 19 июля 1917 года, принципиально высказывающуюся в пользу мира на аналогичных основаниях.

Резолюция эта, впрочем, имела значение скорее платоническое. Военные круги Германии встретили ее с резким осуждением и она вызвала лишь уход Бетмана-Гольвега, который в глазах этих кругов всегда был воплощением половинчатости и слабости. Его преемник Михаэлис хотя известными оговорками в своей речи в рейхстаге присоединился к резолюции, однако повел политику, которая с точки зрения Чернина не могла бы доказать свое искреннее стремление к миру. Он был дальше от большинства рейхстага, чем Бетман-Гольвег.

Впрочем, Чернин видел, что возвращение к status quo в буквальном смысле невозможно или во всяком случае представлялось бы совершенно искусственным. Как бы ни кончилась война, например, Польша не может остаться в старом положении.

Руководитель австрийской внешней политики полагал, что во имя немедленного мира Австрия могла бы итти на известные жертвы. Если бы Германия сговорилась с Францией относительно Эльзас-Лотарингии, т.-е. уступила бы ее целиком или частью, Австрия могла бы отказаться от Галиции; последняя вместе с русской Польшей вошла бы в состав вновь образуемого польского государства, которое было бы связано с Германией предпочтительнее всего в форме личной унии. В свою очередь было бы возможно соединение Румынии и Австрии. Проект, который можно было провести, потому что Венгрия, столь неуступчивая, когда дело шло о Сербии или Румынии, довольно равнодушно относилась к участи Галиции: Тисса всего более опасался австро-польского решения, путем которого дунайская монархия из дуалистической превращалась бы в триалистическую. Чернин указывает, что понимал всю ответственность своего положения. Если бы мир при этих условиях был заключен согласно лондонскому договору 1915 года, Австрия заплатила бы за все издержки войны. Самые эти проекты, сделавшиеся известными в лагере врагов, могли явиться для них лишь демонстрацией слабости, но Чернин рассматривал положение Австрии в 1917 году уже как чрезвычайно серьезное. В апреле этого года он представил меморандум императору Карлу, замечательный по многим поистине пророческим предвидениям. В частности он вовсе не смотрел на русскую революцию лишь как на факт, ослабляющий восточный фронт. Для него в этом событии явственно обнаруживалась опасность, которая стоит перед всеми воюющими государствами. Если война затянется, она приведет к катастрофе, которая разразится прежде всего в слабейшей стране и весьма возможно, что таковой стороной окажется именно Австрия. Здесь окончательно ему представляется все безумие европейского милитаризма.

Но именно в этом круге мыслей он встречал решительное противодействие Германии. Михаэлис отвечал ему, что об уступке Эльзас-Лотарингии не может быть и речи. Мир, предлагаемый резолюцией рейхстага, был окрещен именем голодного или шейдемановского. Можно было в известной мере убедить императора Вильгельма и даже кронпринца, у которого воинственный пыл к лету 1918 года достаточно истощился. Но нечего было думать об убеждении Людендорфа. Надо сказать, что Чернин отдает ему полную справедливость его несравненной энергии, железной воле и мощному уму. Но Людендорф органически не мог понять нового положения вещей, так же, как оказался неспособным его понять охваченный жаждой мести Фош. А германские шовинисты шли много дальше самого Людендорфа. Они серьезно говорили о полном присоединении Бельгии и северной Франции, об отнятии у Англии части ее колоний, как об условиях мира. Эти разговоры могли быть совершенно безответственны, не находить никакого отклика в большинстве германского народа, перед которым открывалась перспектива еще новых бесконечно кровавых жертв, и все таки они оказывали какое-то влияние на германскую политику создавать впечатление за границей.

Для Чернина величайшей опасностью казалось исполнение лондонского договора. Могла ли Австрия рассчитывать ценою сепаратного мира сохранить за собою Триест и Тироль.

Весною 1917 года Рибо и Ллойд-Джордж имели совещание с представителями итальянского правительства относительно условий, которые можно было предложить Австрии в случае, если она отделится от Германии. Италия решительно отказывалась смягчить лондонский договор и в конце-концов было признано, что Австрия во всяком случае должна была бы потерять Триест и Тироль до Бренера. Значит, сепаратный мир был бесполезен. Но Чернин отдавал себе ясный отчет в том, что он просто невозможен. Слишком тесно связаны германские и австрийские военные части. Оторваться от своих союзников значило вступить с ними в войну. Чернин ссылается на свой разговор с Адлером. Вождь австрийских социал-демократов считал мир сепаратный от Германии совершенно невозможным. „Ради Бога,—воскликнул вождь австрийских социал-демократов,—не вовлекайте нас в войну с Германией". И в самом деле, когда в октябре 1918 года Австрия начала переговоры о сепаратном мире, баварские войска двинулись в Тироль. „Теперь,—заметил Адлер,—бывший тогда статс-секретарем по иностранным делам, мы попали в катастрофу; Тироль станет театром военных действий". Если это было верно в конце 1918 года, это было еще несравненно более верно в середине

1917 года. Австрия фактически не могла заключить сепаратного мира. Германия ей бы этого не позволила. И весьма возможно, что на этой почве началась бы внутренняя война отдельных национальностей австро-венгерской монархии. Чернин это совершенно понимал. Многие немецкие публицисты резко его упрекали за миролюбие и за предательство интересов Германии. Часто к нему возвращается и в воспоминаниях Людендорф, отдающий ему полную справедливость, но считающий его линию в корне ошибочной. Чернин успешно опровергает многие из этих обвинений. Он никогда не был сторонником сепаратного мира. Он многократно заявлял, что судьбы Австро-Венгрии в настоящее время неразрывно связаны с судьбами Германии. Но если Австро-Венгрия не стремится ни к каким завоеваниям, она имеет право помогать Германии лишь в смысле сохранения и защиты ее старой территории, а не в смысле каких-либо новых завоеваний. Было бы безумием проливать кровь народа в Австро-Венгрии для того, чтобы Антверпен остался за Германской империей. Можно еще спорить об Эльзас-Лотарингии: Германия имеет право не итти на эту жертву и, как выразился Чернин, австрийские войска защищают Страсбург так же, как они защищают Триест. Но здесь помощь и должна кончаться.

Теоретически Чернин был совершенно прав. Но психологически приходилось делать различие между Германией, которая одержала такие блестящие победы и на которую как-никак ложилась главная тяжесть войны и между Австрией, которая потерпела столько поражений и постоянно должна была прибегать к помощи немецкого оружия. С точки зрения не только фанатиков шовинистов, но и значительной части немецкого народа в этом смысле права Германии и Австро-Венгрии не могут быть одинаковы. И если Чернин был бессилен против этих завоевательных тенденций, то последние здесь осложнялись этим чувством раздражения против союзницы, которая оказалась столь ненадежной и которая теперь готова взывать о мире. А между тем всякие такие мирные выступления в духе Чернина не увеличивали ли только самоуверенности и аппетитов Антанты.

Император шел здесь дальше своего министра и ничего, повидимому, не имел против сепаратного мира, хотя постоянно уверял Германию в своей неизменной верности. Из разоблачений Клемансо, сделанных весною 1918 года, оказывалось, что император еще год тому назад через брата своей жены принца Сикста пармского имел в виду войти в сношения с президентом Пуанкаре. Император просил здесь президента принять к сведению, что он употребит все свое влияние на союзников,

дабы справедливые притязания Франции на Эльзас-Лотарингию получили удовлетворение.

Легко себе представить, какое это впечатление произвело в Германии. Император Карл жаловался на клеветнические приемы главы французского правительства, показывал Крамону настоящий черновик своего письма, где, напротив, справедливость притязаний Франции на Эльзас-Лотарингию отрицалось, телеграфировал императору Вильгельму выражение своего негодования, лично поехал к нему объясняться, наконец, свалил вину на Чернина, который неосторожно провоцировал Клемансо. Впечатление, однако, осталось такое после всех этих опровержений, что письмо было написано именно в том смысле, какое ему передавал Клемансо. Тем более, что в Германии ни для кого не составляло тайны, насколько Карл стремится к миру. Все считали, что пребывающий в Швейцарии бывший австрийский посол в Лондоне граф Менсдорф ведет тайные переговоры с Антантой.

Чернин многого ожидал от того движения в пользу мира, которое сказывалось среди социалистических партий, принадлежавших даже к странам согласия, в частности он возлагал известные надежды на стокгольмскую конференцию, имевшую состояться летом 1917 года. Он дал паспорта австрийским социал-демократам и убедил Тиссу сделать то же самое по отношению к представителям венгерской социал-демократии. Но эти расчеты не оправдались. На конгрессе французской социалистической партии оказалось, что большинство ее отстаивает мирные условия, которые в настоящее время для Германии неприемлемы. Английское рабочее движение в это время шло за Гендерсоном, чем за Рамзеем Макдональдом. В России несомненно было большое тяготение к миру, хотя бы тот проект наказа, который был составлен петроградским советом для Скобелева, предполагаемого участника мирной конференции, близко подходил к идеям Чернина. Но временное правительство и после пополнения его социалистическим элементом, в частности Керенский, отстаивало полное единение Франции, Англии и Америки и продолжало ставить задачи разрушения германского милитаризма. Между тем мир мог быть достигнут в глазах Чернина лишь известным отказом от милитаризма всякого, — английского не меньше, чем германского,

Больше надежд можно было возлагать на разложение русского фронта. Относительно его в Вене циркулировали даже преувеличенные слухи: например, рассказывали, что, когда Тома объезжал русский фронт и обратился к какой-то русской части с речью, в него стали стрелять. Венские газеты перепечатали статью Кушина, помещенную в „Рабочей Газете“ от 26 мая, где, с одной стороны, изображалась эта дезоргани-

зация фронта, а с другой, говорилось: все яснее и отчетливее сказывается страстное тяготение к миру (все равно какому, хотя бы это был сепаратный мир с потерей десяти губерний, лишь бы избавиться от страдания войны). Неудача наступления Керенского, падение Риги, выступление Корнилова, Моонзундская операция, все это слишком ярко подтверждало критическое состояние русской армии, ясна была и крайняя слабость временного правительства.

При таких условиях русская октябрьская революция была в Австрии, как и в Германии, еще менее неожиданна, чем в России. Эта революция поставила перед австрийским правительством вопрос, как к ней отнестись, как отнестись в частности к изложенному окончанию войны. В своем письме от 17 ноября Чернин указывает, что в австрийском правительстве здесь можно различить три направления. Одни полагают, что торжество Ленина есть событие совершенно мимолетное, на котором нельзя делать каких-либо политических соображений. Другие полагают невозможным вступать с ним в сношения, как с опасным революционером, Чернин лично принадлежит к третьим, которые полагают, что в сношения вступить нужно. Если большевизм в России так мимолетен,— Чернин, повидимому, этого не думает—и тогда тем необходимее не терять времени. Германские военные круги, колеблющиеся вступить в переговоры с большевиками, достаточно непоследовательны; ведь они сделали все, чтобы низвергнуть правительство Керенского. В то же время для Чернина было ясно, что октябрьская революция есть симптом новой эпохи европейской истории (которая начинается и для Австро-Венгрии): „старые времена никогда не вернутся“.

Сомнение германских военачальников в возможности относительно переговоров советской власти были в конце-концов устранены и мирные переговоры в Брест-Литовске начались 22 октября 1917 года. Здесь опять сказались глубокие разногласия в понимании момента представителями Австро-Венгрии и Германии и вообще вскрылась вся непрочность союза срединных империй. К тому же им пришлось иметь дело с противниками, которых они не дооценивали. В этом смысле интересна весьма высокая оценка Троцкого, которую мы отмечаем не только у Чернина, но и Крамона. По словам последнего, Троцкий далеко превосходил в диалектике переговоров представителей Германии и Австро-Венгрии и в совершенстве владел собою.

Значительное разногласие между Черниным и германским статс-секретарем Кюльманом касалось прежде всего судьбы оккупированной германскими войсками частей русской территории. Чернин сразу высказался в смысле мира без анексии

и контрибуции. Литва и Курляндия должны быть предоставлены собственной судьбе, которую решит их население. Но как быть в настоящее время? Австрийский министр полагал, что голосование населения могло бы быть произведено под контролем какой-нибудь нейтральной державы. Русские представители доказывали, что это голосование при наличности оккупирующих германских войск представляла бы из себя насмешку над правом самоопределения народа, наконец, представители Германии заявляли, что, наоборот, присутствие германских войск предупреждает давление большевизма и обеспечивает свободу выборов. Главное же, они решительно настаивали на невозможности очищения Литвы и Курляндии до окончании войны: эти земли являются залогом для переговоров о всеобщем мире, Германия не может обойтись без находящихся там фабрик, которые работают там на оборону, без запасов сырья и продовольствия. Эти условия были поставлены настолько категорически, что Чернин в конце-концов присоединился к немецкой тезе, как ее выражал Кюльман. Он не имел в виду вести принципиальной борьбы с германским империализмом, тем более, что в вопросе Украины он не собирался держаться политики чистого воздержания. Повидимому, он также опасался, что если он будет оказывать чрезмерное сопротивление Кюльману и Гофману, то лишь сыграет на руку германской военной партии; прежде всего Людендорфу и Гинденбургу. Последние обвиняли Кюльмана в том, что он отступился от программы, выработанной на совещании в Крейцнахе, происходившем 18 декабря под председательством императора Вильгельма. Там Людендорф настоял на том, чтобы в стратегических интересах известная часть русской Польши перешла к Германии. Но в Брест-Литовске, может быть, под влиянием Чернина, не только Кюльман, но и генерал Гофман отступились от этой программы и согласились на незначительном исправлении границ. Чернин утверждает, что Людендорф всячески старался воздействовать на ход переговоров. Под 27 декабрем его дневника мы читаем: „Растущее ухудшение положения. Яростные телеграммы Гинденбурга об отказе всех требований. Людендорф телефонирует каждый час. Новые припадки ярости". Сам Людендорф признает, что это изменение произошло с ведома и согласия императора: последний присоединился к точке зрения Кюльмана. Людендорф увидал в этом новое доказательство недоверия императора и представил свою отставку, которая не была, конечно, принята. Он и Гинденбург выставляли свою ответственность за судьбу немецкого народа, которая тесно связана с приобретением надлежащей границы на Востоке. С своей стороны германский канцлер граф Гертлинг, возражая

им, утверждал, что вся ответственность падает на него. Важно было то, что здесь император в конце-концов принял сторону правительства, а не военного командования. Это обстоятельство не могло не отразиться на поведении германских уполномоченных в Брест-Литовске. Сказалась ли здесь победа Чернина или, что гораздо вероятнее, давление общественного мнения Германии большинства в рейстаге, которое жаждало мира на Востоке, как первого этапа ко всеобщему миру?

Несомненно одно, что у Чернина было глубокое убеждение, что австро-венгерские делегаты не должны уезжать из Брест-Литовска, не заключив мира. Он говорил Кюльману и Гофману, что готов с ними итти до крайних пределов; но если их усилия окажутся тщетными, то он вступит с русскими в отдельные переговоры. Нужно дать народности оккупированных территорий действительно свободную возможность самоопределиться: этого не хотят ни в Берлине, ни в Петрограде. Чернин мог при этом ссылаться на положительное приказание австрийского императора и, когда Краммон по поручению германского верховного командования говорил об этом с Черниным, последний отрицал здесь проявление какой-нибудь нелойяльности по отношению к Германии. Австро-Венгрия обязана бороться за полную территориальность и неприкосновенность Германской империи, но не за приобретение ею русских территорий. Опять здесь обнаруживалось разногласие, но нужно сказать, что собственно германское правительство как бы молчаливо признало соответственное право Австро-Венгрии. Во всяком случае в Берлине, повидимому, не делалось предположений относительно возможности принудить Австро-Венгрию к более активному отстаиванию германских притязаний на Курляндию и Литву. Впрочем, заботы Чернина на брест-литовские переговоры направлялись вообще не столько в сторону Петрограда, сколько Киева. Какая бы судьба ни ожидала Курляндию и Литву, это было довольно безразлично для Австро-Венгрии, но для нее было необычайно важно оформить свои отношения с „самостийной“ Украиной. Ведь лишь с нею непосредственно соприкасалась и австрийская территория.

Можно сказать больше, идея украинской независимости сама по себе была скорее австрийского, чем германского происхождения. Она зародилась в украинских кругах Галиции и ее во время войны постоянно поддерживают австрийские государственные люди. Правда, ее восприняли и те германские публицисты, которые, подобно Рорбаху, наиболее отстаивали тесную солидарность германо-австрийских интересов. Ее в общем поддерживало и германское правительство. Наоборот, германское верховное командование, сосредоточенное на мысли о Польше, Литве и Курляндии, относилось к этому вопросу более равно-

душно. Оно тоже не отрицало, конечно, важности того удара, который представлял бы для России отделение Украины, но непосредственно германский интерес в его глазах здесь в такой степени не затронут.

Можно даже заметить, что в чисто военных кругах мысль о самостийности Украины, которая фактически попадет в сферу влияния Австро-Венгрии, представлялась в известной мере опасной.

Чернин дает полное объяснение свой тактике в украинском вопросе. Он и ранее признавал за украинцами такое же право самоопределения, как и за другими народностями, и в частности отстаивал их положение в Восточной Галиции против польских притязаний. Известно, что австрийские государственные люди здесь разделялись: одни считали, что нужно опираться более на поляк, другие выдвигали украинцев. Тем более, что после войны должна была создаться независимая Польша и ее политика относительно Австро-Венгрии оставалась неизвестной. Но в 1918 году, когда прибыла украинская делегация в Брест-Литовск, Чернин руководился другими мотивами, прежде всего бедственным продовольственным отношением в Австро-Венгрии. Известия из Вены говорили о неминуемой катастрофе, которая должна разразиться на почве голодовки. Один из провинциальных наместников писал Чернину: „Из Вены мы имеем ничтожное количество хлеба, из Румынии можем получить еще 10.000 вагонов кукурузы. Но остается недочет по крайней мере в 30.000 вагонов хлеба, без которых мы просто погибнем".

Корреспондент Чернина требовал, чтобы он воздействовал на Германию. Но сама Германия не была в таком положении, чтобы кормить Австро-Венгрию, и Чернин не строил здесь себе иллюзий. Единственный выход заключается в немедленном мире с Украиной, из которой можно получить большое количество хлеба.

Австрийский министр считал весьма благоприятным обстоятельством, что украинские делегаты ведут переговоры в Бресте не только отдельно от русских, но и в духе, враждебном этим последним. Нужно использовать это разногласие. С другой стороны, для него, повидимому, совсем неясно было, каковы реальные силы самостийного правительства Голубовича. Крамон, который вообще относится к этим украинским переговорам Чернина несколько иронически, указывает, что последний принимал самые ответственные решения к передаче Украине Холмщины и созданию самостоятельной провинции из Восточной Галиции, совсем не зная, что происходит в украинском тылу. Если бы он подождал 48 часов до того, что рада была разогнана большевистскими войсками и правительство должно

было скитаться на западной окраине, он мог бы купить этот „хлебный мир“ гораздо более дешево.

Верно здесь одно: переговоры Чернина с Украиной вызвала величайшее негодование у поляков не только австрийских, но и поляков конгрессовой Польши. Польские магнаты возвращали свои австрийские ордена. Когда Чернин возвращался через Люблин и Вену, то все вокзалы в этой округе пришлось охранять особой стражей, так как слухи ходили о готовившемся на него покушении. Тем не менее грозящая опасность всеобщего голода как будто была устранена и Чернин получил чрезвычайно теплую и благодарственную телеграмму от императора. В своей книге Чернин подтверждает, что хотя из Украины было получено значительно менее хлеба, чем рассчитывалось, но без этой получки Австрия вообще не могла бы просуществовать до новой жатвы: весной и летом 1918 года из Украины было вывезено 42.000 вагонов.

С другой стороны, после заключения украинского мира, Чернин уже не возражал против германских предложений. Опять-таки Австрия оставалась здесь в трагическом положении. В качестве союзницы Германии она принимала на себя весь одиум условий о судьбе северо-западных частей русских территорий. Этими условиями в глазах держав согласия совершенно нарушалось подлинное право национального самоопределения белоруссов, литовцев, латышей, эстонцев и т. д. Но здесь выбора не было: нужно было или разорвать с Германией и заключить сепаратный мир с державами согласия или пойти на германские требования—во всяком случае более мирные, чем те, которые по словам Чернина восстановляла германская военная партия.

Для окончательного замирения на восточном фронте оставалось заключить мир с Румынией. Уже в Брест-Литовске было известно, что Румыния далее продолжать войну не в состоянии. Условия мира здесь были чрезвычайно важны для Австро-Венгрии, которая на таком большом пространстве граничила с Румынией. Но здесь очень приходилось считаться с требованиями Германии. Прежде всего она настаивала на том, что король Фердинанд, представитель династии Гогенцоллернов, должен быть низложен с престола. С этим не согласен был Чернин. Он опасался, что подобное обращение с монархом вообще едва ли отвечает интересам монархического принципа, столь поколебленного в Европе. А затем это до крайности затрудняло заключение самого мира: нужно было еще создать новую власть, с которой возможно было соглашение. В этом австрийский министр имел в конце-концов успех. Далее следовали самые условия, которые нужно было предъявить Румынии. И здесь притязания немцев шли чрезвычайно далеко.

Они хотели получить в косвенном виде военную контрибуцию путем передачи румынских государственных имуществ, железных дорог, гаваней и нефтяных богатств немецким кампаниям и путем установления длительного контроля Германии над румынскими финансами. Далее они имели в виду вообще оккупировать Румынию на пять или шесть лет после заключения всеобщего мира. Чернин употреблял все усилия, чтобы смягчить эти условия. Он желал установить прочные благоприятные торговые сношения между Румынией и Австро-Венгрией, а они были невозможны при такой германской гегемонии. Удалось добиться согласия немцев на получение лишь девяностолетних концессий на нефть. Кроме того, Румыния обязывалась ежегодно доставлять центральным державам свои земледельческие продукты. При этих условиях соглашался принять власть Маргиломан, один из ярких представителей германофильской партии в Румынии.

Но здесь приходилось считаться не с одной Германией. Известно, какое ожесточение оставил Болгарии действительный в достаточной мере грабительский бухарестский мир 1913 года, по которому румыны отобрали у болгар одну из плодороднейших частей их территории, именно область севернее линии Балчук—Туртукай. Это так называемая старая Добруджа обещана была еще при Франце-Иосифе за участие в войне вместе с небольшой полосой земли к северу от этой границы, полосой, однако, не доходящей до линии железной дороги Констанца — Черноводы. Болгары, напротив того, требовали всей Добруджи до устья Дуная и подкрепляли это требование всяческими угрозами. В Болгарии в это время шла уже деятельная пропаганда держав согласия, особенно облегчаемая присутствием в Софии американского посланника: известно, что Америка не объявила войны Болгарии и обратно и даже дипломатические сношения не прерывались. Впрочем, требования болгар встречались и с притязаниями турок, которые считали, что Добруджа по коренному составу населения является их областью. В конце-концов у румын вынудили согласие на уступку старой Добруджи болгарам — обстоятельство, которое, однако, оставило болгар неудовлетворенными и существенно поколебало положение министерства Радославова, настроенного благоприятно к державам согласия. Германия хотя вообще более поддерживала болгар, чем Австрию, не хотела им, как и ранее, отдавать железную дорогу к Констанце, считая ее одной из основных магистралей на ближний восток и желая сохранить ее в своем распоряжении. Таким образом Румыния получила свободный доступ к морю через Констанцу, до поры до времени остальная часть Добруджи было занята австро- германскими войсками. Взамен этого Румынии обещалась поддержка

ее притязаний на Бессарабию — притязания, к которым король относился весьма скептически: не представляет ли Бессарабия уже обольшевиченной страны, присоединение которой может только разложить Румынию.

Не малая трудность лежала также в отношении Венгрии к румынскому вопросу: нужно было добиться у венгерского правительства, и особенно у парламента, известной умеренности. Тисса соглашался на простое исправление границ в пользу Венгрии; отказ от последнего, по его словам, было просто невозможно ни для какого венгерского правительства. Мадьярский народ не забудет румынского вторжения. Дальнейший опыт показал, что умеренность действительно не обезоруживала румын в 1918 году, когда они захватили округа Трансильвании, населенные немцами и венграми, и в 1919 году, когда они громили уже не только красную Венгрию, но и Венгрию вообще и победителями вошли в Будапешт.

Мысль Чернина заключалась в том, что для Австрии выгодна не слишком обессиленная Румыния, экономически с нею связанная и, быть может, видевшая в этой связи известную защиту после домогательств Германии, которая во время войны так много использовала хозяйственные ресурсы Румынии. Ради этого он готов был несколько пойти наперекор болгарам. Быть может, он недостаточно отдавал себе отчета в том, что австро-румынские отношения в конечном счете определятся исходом борьбы на западном фронте. Союзники не могли не придавать огромного значения Румынии на пути срединных империй к Ближнему Востоку. И хотя популярность сторонников держав согласия была подорвана в Румынии военными неудачами, ясно было, что при перемене военного счастия они снова станут у власти. Германофильская ориентация может поддерживаться в Румынии только постоянной угрозой германского оружия.

Австрия приобретала мир на восточном фронте, но оставался фронт итальянский и в особенности фронт западный, за которым стояла непреклонная воля держав согласия. У самого Чернина в этом отношении были некоторые надежды на влияние Америки. Он считал, что программа Вильсона слишком резко расходится с программой парижского и лондонского кабинетов. Если даже Соединенные Штаты вступили в союз, то можно рассчитывать, что они в этот союз внесут новый оттенок. В частности Чернин полагал, что в глазах Вильсона Австро-Венгрия не может ответствовать за все грехи Германии. Если Австрия подвергает себя различного рода нареканиям со стороны своей союзницы за то, что она поддерживает ее, и что известными оговорками и в частности не отстаивает для нее, как и для себя, новых завоеваний, то может ли обстоятельство быть игнорировано державами согласия и

прежде всего Вильсоном. Последний действительно признал различие позиций, занятое ответственными руководителями австрийской и германской политиками. 12 января 1918 года в своей речи перед конгрессом он сказал: „Граф Чернин, повидимому, ясно представляет основы мира и не затемняет их. Он видит, что независимая Польша, составленная из всех частей бесспорно польского населения, граничащих друг с другом, является предметом европейского соглашения и должна быть осуществлена. Бельгия должна быть очищена от иностранных войск и восстановлена, каких бы это ни стоило жертв. Национальные стремления должны получить удовлетворения, хотя бы в пределах одного государства, в общем интересе Европы и человечества. Если он умалчивает о вопросах, которые касаются интересов и намерений его союзников ближе, чем Австро-Венгрии — это только естественно... Он чувствует естественным образом, что военные цели, как они выражены Соединенными Штатами, соединены с меньшими трудностями для Австрии, чем для Германии. Вероятно, он еще дальше пошел, если бы ему не нужно было обращать никакого внимания на союзные отношения Австро-Венгрии и ее зависимость от Германии...“ „Ответ гр. Чернина в главном, обращенный по моему адресу на мою речь 8 января, составлен в очень дружественном тоне. Он усматривает в моем объяснении достаточно обнадеживающее приближение к мысли его собственного правительства: он видит в этом объяснении оправдание уверенности, что она составляет основу для подробных переговоров в целях войны обоих правительств“. В противоположность этому Вильсон находил ответ гр. Гертлинга весьма неопределенным и двусмысленным; он составлен совсем в другом тоне и обнаруживает противоположную тенденцию.

Трудно, конечно, ожидать, чтобы, если даже Чернин остался у власти, это с корнем изменило бы судьбы Австро-Венгрии. Но в минуту окончательного краха двуединой монархии он мог бы быть более подходящим парламентером в сношении с Вильсоном, чем его преемники. Но он сам сознает, что тон политики согласия давал не Вильсон, а Ллойд-Джорж и Клемансо. Вильсон мог бы заставить их в известной мере признать его программу, если бы он поставил это признание условием участия Америки в войне. Но этот момент был пропущен. Во Франции самое вступление во власть Клемансо означало победу политики полного разрушения Германии. В Англии были голоса более миролюбивые, принадлежащие к разным политическим направлениям, как Лэнсдаун и Асквит, но судьбы войны и мира решал Ллойд-Джорж. Для Клемансо и Ллойд-Джорджа Брест-Литовский мир был новым подтверждением необходимости изничтожить Германию.

VII. Крушение.

Русское правительство, заключившее Брест-Литовский мир, оправдывало его тем, что он является необходимой передышкой. Для Австро-Венгрии такой передышки не получилось, и в течение 1918 года она неизменно катится в пропасть. Прежде всего не подтвердились эти надежды на Украину. Там ожидали большие трудности. Восстановленная рада оказалась, с одной стороны, слишком революционной по своему составу для правительств серединных империй, а с другой стороны, совершенно не имеющих опоры в украинском населении. Главная ее вина с точки зрения Австрии и Германии заключалась, впрочем, в том, что она не умела извлекать из населения обещанных продуктов. Австрийцы считали важным самый факт украинской самостийности и с этой стороны они охотнее мирились с составом рады, чем немцы. Последние потеряли терпение и дали осуществиться перевороту Скоропадского. Демократическая республика заменилась гетманством. Но не это обстоятельство мешало австрийцам; им казалось, что вступление во власть Скоропадского может быть началом для воссоединения Украины с Россией: люди, которых Скоропадский призвал к власти, не являлись настоящими самостийниками. Напротив того, в немецкой военной среде начинает слагаться мысль, что при известных условиях соединение Украины с Россией может быть полезно для Германии и подготовит русско-германское сближение. Мысль эта, однако, не пользовалась сочувствием у большинства рейхстага. Эрцбергер, который весной совершил поездку на Украину, вынес оттуда неблагоприятное впечатление. Германское правительство делает огромную ошибку, поддерживая власть, которая не может пользоваться симпатиями украинского крестьянства. Нечего вообще на Украине бояться известного радикализма в социальной политике, ибо только такая политика может быть противопоставлена коммунистическим соблазнам; Скоропадского же лишь поддерживают немецкие штыки. Ошибка и привлечение к власти на Украине людей, которые являются украинцами только по имени и в сущности тяготеют к Великороссии, стремясь к реставрации в общерусском масштабе. Эти мысли Эрцбергера нашли весьма сочувственные отзывы в венской печати.

Главная трудность являлась в продовольственном вопросе, ради которого был и заключен мир с Украиной. Прежде всего сказывалось бедственное положение железных дорог и в восточных австрийских провинциях и в самой Украине. Благодаря особенно расстроенному транспорту, Австрия, хотя более близко расположенная к Украине, едва ли не встречала большие

затруднения в доставке, чем Германия. С последней было заключено особое соглашение о разделе украинских запасов и отправлена в марте особая миссия в Киев. Замечательно, что в этой миссии представители Венгрии участвовали совершенно независимо от Австрии. Украинское правительство, как уже было сказано, сознательно или по необходимости вело настоящую абструкцию и постоянно ссылалось на невозможность выполнить обязательства. Сразу обнаружилась и трудность извлечения. Население не хотело отдавать хлеб за деньги, его можно было получить без применения военной силы лишь путем товарообмена, всего лучше на ткани. Украина чрезвычайно нуждалась в тканях, но ни Германия, ни Австро-Венгрия не могли их доставить в сколько-нибудь надлежащем количестве. Впрочем, и здесь Германия была все-таки в лучшем положении, чем Австро-Венгрия. Закупка на деньги встречала огромные валютные трудности. Продуктов вообще в стране было меньше, чем рассчитывали. И Киев и Одесса постоянно находились под угрозой острой нужды в хлебе. Сказывалось здесь, конечно, и разрушение крупных экономий. Ясно было, что снабжение из Украины возможно лишь путем энергичной централизации. В результате было созвано германо-австро-венгерское хозяйственное управление, нечто в роде большого дома хлебной торговли с участием наиболее сведущих хлебных торговцев из этих государств. Это учреждение с самого начала, однако, встретило большое недоверие в Австрии, где продовольственная нужда принимала все более острые формы. Казалось, потребны чрезвычайные меры, и на Украину отправился с диктаторскими полномочиями по личному поручению императора Карла ген. Краус. Последний, рассказывая об этой миссии, прибавляет характерную черту при господствовавшей тогда анархии в Австрии: Инструкция, которая облекала диктаторской властью, не только не носила подписи императора, как это следовало ожидать, она никем вообще не была подписана. Министр-президент Зейдлер и здесь был пассивен, но все же указывал, что единственная теперь может быть надежда на Украину. Все, что Краус видел в Австрии перед отъездом, повергало его в большой скептицизм, с которым он и отправился в Одессу: последняя должна была служить центром той части Украины, которая предоставлялась самостоятельным продовольственным операциям австрийцев. Его скептицизм совершенно оправдался. Прежде всего Германия смотрела на эту операцию совершенно неодобрительно. Она видела в ней попытку односторонне использовать одну из лучших частей Украины: ведь это была не голодная Польша, где представитель Германии в Варшаве мог мирно уживаться с представителем Австрии в Люблине. Когда австрийцы в середине мая

1917 года, переживая крайние продовольственные трудности — старый урожай был давно съеден, а до нового было далеко, обратились к Германии за помощью, последняя соглашалась ее доставить при условии отказа Австро-Венгрии на будущее время от особых продовольственных операций в Украине. Германцы потребовали себе руководящего положения на Украине. Сам Краус признает, что в этом отношении бороться с ними очень трудно. Когда он приехал в Одессу, украинские железные дороги и водный транспорт были в нем цких руках. Австрийцы не могли получить самого необходимого количества вагонов, точно так же каменоугольные копи и фабрики эксплоатировались германцами исключительно с точки зрения их интересов с полным пренебрежением к интересам австрийцев. Краус изображает как трудно было что-нибудь сделать при пассивной обструкции украинских должностных лиц; когда летом Одесса оказалась в совершенно критическом положении, ему пришлось прибегнуть к непосредственному извлечению хлеба из окрестных деревень. В высшей степени печальными красками он изображает это бессильное украинское управление, которое не пользовалось уважением ни у крестьян, ни у интеллигенции. Твердые предельные цены, установленные украинским правительством, явились лишь средством окончательно удалить продукты с рынка. Повидимому, на Украине образовалось в этом смысле чрезвычайное многовластие, отдельные продовольственные организации, правительственные и неправительственные, мешали друг друг и создавали общий хаос. Краус жалуется на валютную трудность при колоссальных суммах, которые через армию вливались в страну, недостаток в расчетных средствах чувствовался очень остро. Господствовала самая разнузданная спекуляция. Миллионы крон пересылались в Москву, а оттуда, повидимому, направлялись в страны согласия. Не было даже фактически твердо установленного курса рубля: романовский рубль стоил одну крону восемьдесят геллеров, но военные закупки по приказанию верховного командования делались из расчета две кроны за рубль, а финансовое ведомство устанавливало курс рубля в 2,40 крон. Всего труднее, однако, было это отсутствие внутренней организации, обеспечивающей какой-либо порядок. В деревне не было никакой власти. Повидимому, на Украине, несмотря на весьма большое количество германских и австрийских войск, — последних стояло около двухсот пятидесяти тысяч, а число первых было значительно больше, — совершенно не было того военного порядка, который господствовал хотя бы в Литве и Курляндии. Население видело в австро-германских войсках лишь вымогателей хлеба. Сам Краус признает, что когда австрийские войска входили в Одессу, население встречало их с ликованием

и цветами, как избавителей от большевиков, но через несколько недель от этого чувства ничего не оставалось. Ясно было, что как только дрогнет эта военная сила, Украина будет безвозвратно потеряна для центральных империй.

При таких условиях неудивительно, если надежды австрийцев на Украину еще менее оправдались, чем планы германцев. Краус говорит, что в Австрию можно было переслать лишь ничтожное количество продовольствия из Украины. Чернин в общем с этим соглашается, указывает на колоссальные трудности, с которыми было связано снабжение из Украины, на чрезвычайно развитую контрабандную торговлю из Галиции, которая так вредила правильной доставке. Впрочем, известную контрабандную торговлю производили и венские финансовые круги, чрезвычайно набивая таким образом цены. Тем не менее Чернин полагает, что эта помощь Украины все же имела существенное значение. Тем более, что надежда на Бессарабию, где обещало свое содействие румынское правительство, также совершенно не оправдалась. О степени продовольственной нужды в это время можно судить по отчаянной попытке австрийского генерала Ландвера, начальника продовольственного ведомства, захватить хлебный запас, приобретенный Германией в Румынии, идущий по Дунаю, и также две тысячи вагонов с хлебом, которые через Австрию в Германию должны были итти из Украины. Событие, которое вызвало чрезвычайное негодование у немцев, что реквизиция была произведена по тайному распоряжению императора. Но оно объяснялось безысходным тяжелым положением Австрии. В этом смысле донесения из всех провинций—из Галиции, Богемии, Тироля и юго-славянских земель—рисовали одинаковую картину, лучше было, конечно, положение Венгрии, но она менее, чем когда-либо, была склонна делиться своими запасами с Австрией.

При таких обстоятельствах Австрия пережила самое решительное поражение, которое послужило сигналом к окончательному расстройству ее фронта. На совещаниях в Спа 12—14 мая 1918 года Арц сообщал, что он предполагает в первую половину июня повести наступление между Бренто и Пьяво; Людендорф и Гинденбург одобрили эти намерения; они надеялись, что, может быть, достигнут успеха, подобного Тюльмейнскому прорыву осенью 1917 года, и, таким образом, достигнута была бы разгрузка западного фронта, где предполагалось второе германское наступление. Крамон указывает, что в самом плане удара на Италию была ошибка. Фельдмаршал Бороевич первоначально должен был совершить демонстрацию по обеим сторонам ж. д. в Тревизо. Но он не был человеком который бы мирился с задачей подчиненного значения: де-

монстративно он хотел действовать только на нижнем течении Пьяво; в то же время эрцгерцог Иосиф поставил себе задачей завоевание высот Монте ло. Таким образом сокрушительный удар превратился в ряд отдельных военных действий, которые охватил весь фронт между Пасубио и Адриатическим морем. Арц также беспокоился, что у австрийцев нехватит технических средств для задачи, поставленной в таком масштабе, но по своей обычной уступчивости допустил этот план. Затем наступление все откладывалось и откладывалось: погода сложилась очень неблагоприятно, трудно было переходить через горы и горные реки. С другой стороны, глава квартирмейстерской части Зейнек мог приготовить провиант для главных частей, которые должны быть введены в наступление лишь на несколько дней: и здесь роковым образом сказывалось критическое продовольственное положение государства. За несколько дней до начала операций явился император Карл, хотя его убеждали отложить приезд, и прибытие его императорского поезда в минуту величайшего напряжения на жел. дороге было совсем не кстати. Здесь сказалось особенно ярко, что Арц совершенно не импонирует императору и не может провести собственного мнения перед ним.

Неудачен уже был первый акт—демонстративное наступление на Тирольском фронте, которое должно было создать впечатление лавины и из которого ничего не вышло. 15 июня началось главное наступление как будто бы благополучно. Но уже вечером в императорскую квартиру пришли плохие вести: на плоскогорьи к востоку от Бренты неприятельскими контратаками австрийские войска были отброшены в первоначальное положение. Наступление Бороевича по линии к Тревизу было остановлено уже в первой части. Замечательно, что некоторые успехи были одержаны там, где на них не рассчитывали — на обоих флангах фронта Пьяве. Арц решил приостановить действие тирольской группы, которая по его впечатлению, вынесенному от Конрада, глубоко потрясенного неудачей, не была способна к наступлению. Последнее должно было возобновиться Бороевичем со всеми силами, которые можно было отдать в его распоряжение. К несчастью для австрийцев проливные дожди обратили Пьяве в стремительный поток; все мосты были снесены, войска на западном берегу не могли получить достаточных подкреплений и не могли подвезти ни снарядов, ни припасов. Если где-нибудь удавалось устраивать переходы или понтоны — эти попытки разрушались итальянской артиллерией или летчиками. Решено было в спешном порядке очистить западный берег Пьяве—событие, которое император приказал сохранить в строгой тайне, опасаясь весьма неблагоприятного впечатления в империи, но и это ему не удалось. 24 июня в

годовщину битвы при Кустоцце генеральный штаб сообщил, что австрийские войска совершенно очистили западный берег.

Крамон, посетивший фронт через несколько дней после этого, вынес самое тягостное впечатление. Австрийские войска имели вид совершенно разбитый. И здесь снова пришло настоятельное требование из Спа отправить австрийские подкрепления на западный фронт.

Крамон считает, что главной причиной неудачи была растянутость операций. Она противоречила всякой здравой доктрине и опыту войны. При этом в рамках такой растянутой операции решительный удар был направлен в ту сторону, где, конечно, его результаты могли быть наиболее значительны, но где тактическая обстановка для получения результата была наименее благоприятна — на скалистом, покрытом лесами плоскогорьи Азиаго. Но, кроме этого, сказывались и глубокие недуги австрийской армии.

В войске гнездилась измена. И на нижнем Пьяве и на других участках перебежчики сообщили врагу день и час наступления. На так называемом участке семи коммун австрийская артиллерия обстреливала пустые позиции, а враг уже был вне зоны огня. Настроение войск в первое время было, повидимому, превосходное. Сказывалась здесь и надежда восполнить приходящие к концу запасы богатой добычей, которая ожидала победителей. Это настроение разрушено было в первые же часы. Крамон с некоторой гордостью указывает, какое значение для немногих частичных успехов имело присутствие немецких дивизий. Но их было слишком мало.

Последствием поражения явилась отставка Конрада. Она произвела глубокое впечатление на армию. Можно было считать, что он совершил известные ошибки, но нельзя было забывать, что все же это был самый выдающийся военный деятель, которого произвела Австрия 20-го столетия. Сваливать на него всю ответственность было несомненной несправедливостью. Естественно, в ней обвиняли императора.

Потери австрийской армии были весьма велики. Насчитывалось около 150.000 убитых, раненых и взятых в плен.

Но еще тяжелее было впечатление, произведенное в стране и в армии. До сих пор на итальянском фронте, по крайней мере, австрийцы побеждали; кроме того, этот фронт был их собственный и неудачи на нем непосредственно должны были отражаться на их судьбе. Создавалось впечатление, что Австро-Венгрия потеряла всякую боевую способность для дальнейшего ведения войны. Самые тяжелые обвинения высказывались против командования, особенно резки были нападки в Венгерском парламенте. Партия 48 года громко требовала самостоятельности венгерской армии, которая далее не должна быть

выдаваема с головой, т.-е. бессовестным австрийским генералам. В австрийском рейхсрате было устроено закрытое заседание, и трехдневные дебаты о битве при Пьяве были известны лишь по слухам из частных передач. Но эти закрытые двери делали ораторов в нападках на правительство еще более беспощадными: они не останавливались ни перед императором, ни перед императрицей. Говорилось об измене, о соглашении с врагом. „Я присутствовал,—говорит Крамон,—при открытии этой сессии рейхсрата в дипломатической ложе и слышал лебединую песнь министра президента Зейлера о немецком курсе. Это было глубоко печальное зрелище, поистине воплощение государства, которое расползается по всем швам", а у германского командования этим событием отнимались всякие надежды на австрийскую помощь на западном фронте. Судьбы Австрии отныне также решались на этом фронте.

Разложение идет все более быстрым темпом. Солдаты начинают самовольно покидать итальянский фронт и начинается хаотическая демобилизация. Поезда, идущие с юго-запада, переполнены этими бегущими и нет авторитетной власти, которая могла бы остановить этот поток. В державы согласия доставлены были любопытные фотографии, где изображаются сцены этой демобилизации. Солдаты увешивают вагоны, покрывают крыши, цепляются руками за карнизы в каких-то обезьяньих позах. Можно себе представить, в какой мере такое движение разрушало транспорт. Пленные, возвращающиеся в это время в Россию и Украину, приносят сюда известия о полном развале, связанном с этим окончательным расстройством жел. дорог. Отдельные местности Австрии начинают жить как бы независимо друг от друга, государственное распадение фактически уже имелось. Местная власть часто совершенно номинальна и правительство ничего провести на местах не может. К этому надо прибавить местную продовольственную нужду, острый недостаток мануфактуры, которую нельзя больше получить из Германии, ужасная дороговизна в городах, а особенно в больших.

Ясно, что войну продолжать было невозможно. В августе Арс делал доклад в Спа, где указывал, что Австрия не выдержит более дольше нескольких месяцев. Сам император Карл настаивал на том, чтобы этот доклад был составлен в самых мрачных тонах. Однако действительность сама по себе была достаточно мрачна. Германское командование вскоре после этого потребовало, чтобы австрийцы оказали некоторое давление на Румынию, ибо румынское правительство все откладывало ратификацию мирного договора и вообще не исполняло его условий. Но император опасался проявить какую бы то ни было военную активность и, не давая прямого отказа немцам, отла-

гал посылку войск. Оставалось снова возобновить разговоры о мире, остановившиеся после отставки Чернина Карл, вызвавший Крамона, сказал ему, что при создавшемся положении Австро-Венгрия принуждена будет одна предпринимать шаги к миру; нужно, чтобы в этой неизбежности убедилась и Германия.

Последняя в это время переживала также критические дни. Как говорит Людендорф, 8 августа было черным днем для германской армии в истории этой войны. Отныне становилось ясно, что победа невозможна и что время все более и более работает в пользу союзников. На совещании, которое происходило в середине августа под председательством императора Вельгельма, было решено испробовать в целях мира посредничество Нидерландов. Но германское верховное главнокомандование самым категорическим образом протестовало против сепаратного обращения Австрии о мире; в этом же смысле телеграфировал император Вельгельм, перемешивая убеждения, просьбы и угрозы: отдельное обращение покажет, что австро-германский союз разорван. Под величайшим давлением Германии Карл и Бурьян, министр иностранных дел, отсрочили обращение. Повидимому, Людендорф все еще недооценивал всей безнадежности военного положения Австрии и хотел получить для западного фронта несколько австрийских дивизий. Он не придавал достаточного значения учащающимся солдатским восстаниям и массовому дезертирству. Особенно серьезные беспорядки произошли во флоте; матросское возмущение в Катарро производило впечатление на многих, что на флот вообще рассчитывать нельзя. Среди австрийских частей, находившихся на Украине, нарастало настроение отказа от каких-либо военных действий, они соглашались оставаться в сравнительно хлебородных и сытных местностях, но располагать ими для какого либо другого назначения было невозможно. В таком положении пришло известие о крушении болгарского фронта. 15 сентября между Вардаром и Черной армиям согласия был открыт фронт; дальнейшие известия показывали, что эта катастрофа непоправима, и Болгария должна была обратиться к Антанте.

Между тем международная обстановка для мирных переговоров была в высшей степени неблагоприятна. Союзники, в том числе и Вильсон, не хотели оказывать Австро-Венгрии никакого снисхождения; ясно было, что они поставили себе цель подрасчленение исторической Австрии и создание на место ее независимых государств. Еще в августе Англия, а за ней Франция и Америка признали Чехо-Словаков воюющей державой, а заседающий в Париже Чешский Национальный Совет—Союзным Правительством. Бурьян решился на это реагировать энергично и объявить всех стоящих на службе у Антанты государствен-

ными изменниками Но со стороны чехов в Австрии не раздалось никакого протеста; молчали даже чешские члены палаты господ, тайные советники, бывшие министры. Чешские депутаты Станиек и Зараднишек в палате депутатов открыто прославляли этих изменников. Германское верховное командование было глубоко возмущено слабостью здесь австрийского правительства; и Крамон в частности полагал, что отнюдь нельзя здесь ссылаться на то, будто речь здесь идет о внутреннем австрийском вопросе. Выход чехов из войны представлял бы новый удар.

Точно так же Антанта признала как бы совершившимся фактом создание юго-славянского государства.

Австрийское правительство сделало последнюю попытку пойти на встречу этой угрозе расчленения. Уже давно среди окружающих императора господствовало убеждение, что необходим коренной пересмотр австрийского государственного строя в смысле его федерализации. Вопрос шел лишь о том, должна ли эта реформа произойти после заключения мира или немедленно. Долгое время вопрос задерживался сопротивлением Венгрии, к которой так прислушивался и Буриан. Но правительство Гусарека решило, что здесь выхода нет, и поощрило императора выступить с определенным государственным актом. Можно было рассчитывать, что в мирных переговорах, особенно для Вильсона, этот акт будет иметь значение, он как бы отвечает принципу самоопределения народа. В это время переговоры о перемирии уже шли полным ходом. В Германии канцлером назначен был принц Макс Баденский. Событие, которое обозначало целую революцию в государственной ее жизни. Переговоры о перемирии были предложены и Германией и Австро Венгрией в согласии с вильсоновской программой. Казалось, что эта программа требует коренных преобразований и во внутреннем строе указанных государств. Идя навстречу им, император Карл издал 17 октября известный манифест о преобразовании Австрийской монархии. Первоначально этот манифест носил более конкретный характер: согласно ему Австрия (т.-е. Цислейтания) распадалась на следующие области, получившие характер несамостоятельных государств: Немецкая Австрия со включением немецких областей по Судетам, Чехия, Украина, Юго-Славия (в нее вошли лишь австрийские земли, поэтому не упоминались ни Кроация ни Босния). Автономная административная единица Буковина и вольный город Триест. Западная и средняя Галиция, поскольку она населена поляками, должна соединиться с независимым Польским государством. Этот первоначальный проект окончательно получил более торжественную и в то же время расплывчатую общую форму. „Австрия должна, согласно воли своих народностей,

превратиться в союзное государство: каждая национальность в области своего жительства образует самостоятельное государственное объединение. Этим никоим образом не нарушается соединение польских областей в Австрии с независимым Польским государством. Город Триест вместе с своей областью в согласии с его населением получает обособленное положение. Вместе с этим неприкосновенность территории венгерской короны остается в полной силе.

Дурным признаком было то обстоятельство, что представители народностей Австрии проявили к выработке этого акта чрезвычайно слабый интерес. В заседании совета старейшин, в котором министр-президент делал сообщение о проекте манифеста, не присутствовали ни чехи, ни поляки, ни юго-славы. Серьезные возражения против проекта манифеста представлял Арц: что скажут польские полки на фронте и сочтут ли они вообще возможным оставаться в рядах австрийской армии? Главная ошибка манифеста лежала в другом—в том, что и в эти последние дни Австро-Венгерской монархии Венгрия тянула Австрию ко дну как тяжелый жернов. Неприкосновенность территории венгерской короны не могла быть истолкована народностями последней, прежде всего румын, иначе как в смысле отрицания их национальных стремлений. Предлагать юго-славам объединение без Кроации и Боснии в то время, как Антанта предлагала им полную независимость и обладание всеми землями, населенными сербским племенем, значило совершать величайшую ошибку.

Манифест 17 октября не мог удовлетворить народности Австрии и являлся новой демонстрацией ее слабости. Во всяком случае он был издан слишком поздно. 19 октября в Вену пришел американский ответ на мирное предложение 5 октября. Здесь указывалось, что Америка признала полную независимость Чехии и справедливость национальных стремлений юго-славов в полной мере. Простая автономия австрийских народов уже не может служить основой мира. Народы сами должны быть судьями в вопросе, каким образом могут быть удовлетворены их стремления в качестве членов семьи народа. Словом, с Австро-Венгрией Вильсон не хотел вступать в переговоры, а лишь с народами Австрии. Этот ответ решал судьбу государства.

В следующие дни изданы были декларации от имени самостоятельных государств чехо-словаков, юго-славов и русин. Австрийские немцы последовали этому примеру и в собрании представителей немецких депутатов в рейхсрате провозгласили образование особого государства в Немецкой Австрии. Глава правительства венгерского Векерле и австрийского Гусарек подали в отставку, точно так же как министр иностранных

дел Бурьян. Преемником последнего сделан был Андраше, сын того Андраше, который явился одним из создателей тройственного союза. Новый министр иностранных дел в ноте 28 октября к правительству Соединенных Штатов известил его о согласии австро-венгерского правительства с идеями Вильсона о правах народов в Австро-Венгрии и особенно чехо-словаков и юго-славов. Вместе с тем он выражал готовность, не дожидаясь исходов других переговоров, вступить в переговоры о немедленном перемирии на всех фронтах Австро-Венгрии и о мире. Таким образом Андраше предлагал сепаратное перемирие и мир. Никаких предварительных соглашений с германским правительством у него не было. Андраше пытался сначала защищаться тем, что он лишь начал отдельные переговоры, но не заключил еще сепаратного от Германии соглашения с державами согласия: Германия, если хочет, может пристать. При таких условиях старая связь Австрии и Венгрии не могла сохраниться. Со времен Андраше отца традиционным убеждением венгерских государственных людей было то, что федеративная реформа Австрии возвращает Венгрию к положению государства, связанного лишь личной унией. Теперь наставал этот момент. Венгрия должна была получить свою независимость. Карл уже согласился на учреждение особой национальной венгерской армии, назначение которой лежало бы прежде всего в охране неприкосновенности венгерской территории. Корольи обратился с призывом к мадьярским солдатам на фронте, они должны вернуться на родину. На итальянском фронте мадьяры уже 20 октября произвели восстание и открыли там брешь. К ним поехал эрцгерцог Иосиф, только что назначенный главнокомандующим венгерской армией; он хотел обойти полки и вернуть их к исполнению долга, но солдаты угрожали ему ручными гранатами, и он не мог даже приблизиться к войскам. Из главной квартиры отдано было распоряжение как можно скорее переправить венгерские дивизии из Италии на родину. Надо сказать, что на фронте и среди других национальностей началось не меньшее брожение, что каждый хотел вернуться на родину. Каждый чувствовал, что старая Австро-Венгрия не существует, а образуются новые государства, разорвавшие с ее прошлым.

Краус дает яркую картину разложения австрийских войск на Украине. Венгерские войска, занимавшие Одессу, потребовали немедленного их ухода: они хотят участвовать в преобразовании их родины, и так как железная дорога не могла немедленно их принять, то они пошли пешком. В Одессе осталось только несколько галицийских батальонов, на которые тоже рассчитывать было трудно. Угрожало нападение английского флота и главная квартира перевезена была ими

В Жмеринке 5 итальянский стрелковый полк произвел нападение на начальство корпуса, взял в плен командира и многих офицеров, разграбил и сжег лагерь. Итальянцы захватили поезд, взяли с собою пленных офицеров, но потом их отпустили. В Виннице полк гонведов, считавшийся особенно надежным, совершенно внезапно также снялся с мест и направился на родину. В Киеве какой-то польский офицер генерального штаба заявил, что он уполномочен принять польские войска, входившие в состав австрийской армии, и организовать возвращение их на родину. В войсковых частях образуются советы солдатских депутатов, часто по настоянию командного состава, но они не в состоянии восстановить порядок. Это разложение австрийских частей на Украине шло гораздо быстрее и дальше, чем разложение находящихся там германцев. Пришлось передать последним охрану железнодорожных узлов Жмеринки и Винницы.

Понятно, что должно было происходить на итальянском боевом фронте. 24 октября там началась последняя битва. Первые известия были благоприятны для австрийцев, которым удалось отразить частичные атаки врагов на Азиаго. Но австрийские войска не в состоянии были выдерживать сколько-нибудь длительную операцию. 27 октября итальянцам удалось форсировать Пьяве и пройти в брешь открытую, венгерскими войсками, за ними устремилась итальянская армия как лавина на беззащитный тыл.

Таким образом произошло разложение Австрии по национальностям, и дело здесь лежало не только в их враждебности к традиционному австрийскому государственному строю. Эти народности имели все основания думать, что, уходя из Австрии, они ликвидируют полностью или частью тяжелую ответственность за войну. Они как бы добровольного участия в ней не принимали, принуждены были к ней насилием центральной власти и теперь с последней порывали. Эта концепсия, которая должна была обеспечить благосклонный прием, если не всей Антанты, то, по крайней мере, Вильсона, которому казалось тогда принадлежала руководящая роль. С этой стороны все усилия разбитой на полях сражения Австрии примирить эти национальности хотя бы и широкими уступками были обречены на неудачи.

Это последнее обстоятельство объяснило и падение Венгрии, во главе которой встал друг держав согласия Корольи.

3 ноября заключено было перемирие между Австро-Венгрией и союзниками, перемирие, которое представляло из себя полную капитуляцию.

Император, пораженный его тяжелыми условиями, обратился к рейхсрату немецкой Австрии. Последний, однако, не

захотел принимать на себя ответственности за окончание войны, которой он не начинал, и лишь под давлением военного командования принял эти условия к сведению. И здесь чувствовалось стремление разорвать с прошлым, отмежеваться от всякой за него ответственности. Главное, впрочем, было не это, а чрезвычайно тяжелые условия перемирия, оно представляло из себя форменную капитуляцию. Все железные дороги и транспортные средства дороги предоставлялись союзникам для их войск, хотя бы последние направлялись против Германии. Германские войска, которые не оставят Австрии в невозможно короткий 15-тидневный срок, должны быть интернированы. Австрийский флот еще раньше был передан юго-славам, так как не хотели его передавать итальянцам.

Это перемирие послужило сигналом к окончательному и бесповоротному разложению армии. Целые роды оружий и технические специальности исчезали: так, например, осталось ничтожное количество телеграфистов и телефонистов, так что обслуживать сеть представилось более совершенно невозможным. Советы солдатских депутатов образовались повсеместно. Даже у тех военных, которые до конца хотели бороться с разложением и спасать остатки австрийской военной мощи, явилось сознание, что нужно возвращаться в эти вновь образуемые государства, в том числе и в немецкую Австрию, и там начать работать над восстановлением вооруженной силы.

Революция совершилась. Еще в двадцатых числах октября император покинул Вену и уехал в Венгрию. Считалось, что последняя при всем своем сепаратическом настроении остается проникнутой верностью династии Габсбургов; ведь многие представители партии 48-го года понимали независимость тоже как личную унию. Но теперь времена изменились: в Будапеште началось сильнейшее движение, в котором деятельное участие принял Корольи. 25 октября под его руководством образовался венгерский национальный совет, признавший, что ему принадлежит вся полнота власти. Этот совет повел сепаратные от Австрии переговоры о перемирии и мире. Император немедленно оставил Будапешт, но предпочел легализировать совершившийся факт. 31 октября венгерское бюро печати известило, что Карл назначил графа Корольи министром-президентом и вручил ему всю гражданскую и военную власть для восстановления порядка в стране. В этот самый день солдатами был убит граф Тисса и в Будапеште провозглашена республика.

В Вене дело произошло более спокойно. Нота Андраши о сепаратном мире вызвала среди всех партий австро-германского рейхстрата признание, что единственный выход—образовать новое особое государство. Совершился катастрафический

разрыв с Германией, ответственность за которой падает прежде всего на династию.

В заседанию национального собрания, который образовалось из обломков рейхсрата 30 октября, вопрос о форме правления оставлен был открытым. Но в то же время перед зданием, где помещалось это собрание, видна была многотысячная толпа людей и в первый раз в Вене раздался крик: „Да здравствует Австро Германская республика“. И давали тон этой толпе не социал-демократы, но собранные своими руководителями представители немецкого национального бюргерства и студенчества.

При таких условиях монархия в Австрии сошла со сцены иначе, чем в Германии. Император Карл из Венгрии вернулся в Баден, но в столицу он уже не возвращался. Было известно, что он оттуда уехал в Тироль. Монархия в немецкой Австрии пала без сопротивления, не защищаясь, даже в той мере, как это имело место в Германии. Она пала в обстановке, при которой ни один класс, ни одна сколько нибудь влиятельная группа ее не поддерживала. Последний ее представитель являлся символом безнадежной слабости, военного разгрома и пережитых форм гражданской жизни. За ним не стояла ненависть держав согласия, как она обращалась против Вильгельма, за ним не стояла и старая монархическая лойяльность. весь капитал ее был давно израсходован. Так пала не перенесши испытаний европейской войны австро-венгерская монархия. Предчувствия Паллавичини и Бергтольда, которые видели надвигающуюся на нее грозовую тучу, оправдались полностью.

Разложение Австрии было завершено Сен-Жерменским миром. Новая немецкая Австрия осталась второстепенным провинциальным государством. В нескольких десятках километров от Вены начинается Чехо-Славия, в немногих часах езды по железной дороге —Юго-Славия. Лондонский протокол 1915 г., обещавший итальянцам Триест и Тироль, выполнен полностью. Бреннер, не говоря о Боцине, принадлежит Италии, она владеет Тирольскими Альпами, с которыми связано столько воспоминаний о прошлом Австрии, среди которых действовал партизан наполеоновской эпохи Андрей Гофер. Австрия отрезана от моря. Она не имеет каменоугольных запасов, которые необходимы теперь для всякого государства, не поставленного в тяжелую зависимость от чужой промышленности. Она совершенно обессилена политически и экономически. Нет никакого сомнения, что Вена, столица этой новой немецкой Австрии, не останется похожей на старую Вену, центр великой державы, в котором сталкивалось столько национальных

и политических интересов. Для этого маленького и бедного государства, с которым так беспощадно обошлись державы согласия, эта столица с оставшимся от прошлого миллионным населением, является недоступной роскошью. Она не имеет достаточного территориально-хозяйственного базиса и запустение ее неизбежно. Вена перейдет в разряд городов, прошлое коих неизмеримо значительнее их настоящего.

Понятно, что в этой немецкой Австрии с самого начала наблюдалось тяготение к соединению с Германией. Как бы ни была последняя поражена условиями Версальского мира, в ней все же неизмеримо более экономических и культурных возможностей, чем в этом обломке старой Австрии. И прежние опасения не могут уже иметь места. Раньше австрийские политические круги могли бояться гегемонии прусского централизма, господства прусских аграриев, сохраняющих политическое влияние, несмотря на весь промышленный рост Германии, несмотря на усиление ее социал-демократии.

С другой стороны, соединение с Австрией не вызывает призрака клерикально-католического господства над протестантским населением Германии, и не влечет за собою включение в германское государственное целое чуждых, часто враждебных им национальностей. Если принцип самоопределения народов является заповедью реальной политики, то что может быть противопоставлено этому взаимному тяготению к объединению? И, однако, Версальский и Сен-Жерменский мир категорически воспрещают такое соединение и с самого начала мирных переговоров державы согласия в нем отказали. Трудно сомневаться, что в случае пересмотра—рано или поздно неизбежного—Версальского мира и эта его статья подвергнется изменению.

Пока на место Австро-Венгрии имеются национальные государства. „Балканизация Европы“ распространилась на бассейн Дуная и продвинулась в Богемские горы и за Карпаты, простираясь далее до Балтийского моря. Эти новые государства—насколько они жизненнее? На наших глазах первые шаги их исторического бытия отмечены многими явлениями, знакомыми именно на Балканском полуострове. Те же ожесточенные споры из-за границ, те же национальные распри. Поляки боролись с чехо-словаками. Чехо-словаки и румыны вели войну с венграми. Венгры и австрийские немцы смотрят друг на друга с постоянным недоверием и мечтают уже об исправлении новых границ. Унаследованный от войны антагонизм юго-славов и итальянцев не изживался, и в будущем создавалась почва для вооруженной борьбы за Адриатическое побережье. Много племенных антагонизмов, много эгоистиче-

ского утверждения своей национальности в ущерб другим,—как будто бы к старым очагам войн прибавился новый.

Некоторые пессимисты склонны объяснять эти явления из глубоких черт современной эпохи. Потрясенные теми грандиозными разрушениями, которые принесла война старой Европе, они готовы думать, что наступают новые средние века. Великие государственные организации XIX и начала XX века, оказывается, будто бы не по силам экономически истощенному и культурно обнищалому поколению. Оно возвращается к более простым формам натурального хозяйства, мелкого производства, политического распыления, общественного варварства. В этом зареве мировой войны и революции они усматривают только вечернюю зарю европейской культуры.

С этим впечатлением может ли согласиться бесстрастный наблюдатель великих современных событий? Бессилие мелких государств в военном смысле с очевидностью доказано последней войной. Если европейский милитаризм в той или другой форме сохранится, то государства будут обречены на зависимое, прямо рабское существование. Простой инстинкт самосохранения заставит их снова соединяться. Но есть и другие более даже важные признаки, что Европа вступает в новый исторический день. Одним из этих признаков оказывается стремление к общей организации народов, выходящее за пределы отдельных государств и случайных исторических границ. Современная эпоха есть эпоха интернациональных объединений не в смысле искоренения тех глубоких изначальных чувств связи с своим народом, не только в настоящем, но и в прошлом и в будущем чувств, которые совершенно неистребимы, а в смысле потребности в этом множестве народов создать единство, хотя бы в целях предупреждения тех катастроф, к которым пришла европейская история. Современная эпоха исключает дух провинциальной замкнутости. И можно думать, что эти обломки старой Австро Венгрии, которая погибла в войне, сами являются лишь материалом для каких-то новых политических образований, несравненно более широкого хозяйственного и культурного размаха. Такая вера во всяком случае не более утопична, чем вера в длительную „балканизацию“ средней Европы.

СОДЕРЖАНИЕ.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО — 1922 г.

